Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 18 30 СЕНТЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 99012. Тираж 75.000.

Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота». Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/2.

На грани.

Х с'езд нашей партии уделил особое внимание вопросу об условиях и методах дискуссии и об отношении партии к фракционной работе внутрипартийных оппозиционных течений. По предложению Ленина с'езд заявил, что партия должна вести против фракционеров самую решительную, самую энергичную, не исключающую применения крайних средств, борьбу. Предложение об исключении из состава центрального комитета и даже из состава партии тех членов партии, которые, несмотря на определенные решения с'езда, продолжают свою фракционную работу, было внесено и принято потому, что с'езд видел те перспективы, которые неизбежно станут перед углубляющими фракционную работу оппозиционерами, видел те опасности, которыми чревата фракционность с точки зрения диктатуры пролетариата.

Опыт внутрипартийной борьбы последних лет доказал, что с'езд совершенно правильно оценил опасности фракционной борьбы, что он правильно рассматривал фракцию, продолжающую свою деятельность, несмотря на решения партии, как на *зародыш новой партии*. Оппозиционный блок, организовавшийся во фракцию по мере обострения своей борьбы против партии, со все большей ясностью выступает, как зародыш второй партии. Из чего это видно?

Во-первых, фракция оппозиционного блока *конспирирует* от партии; она существует, как организация нелегальная, тщательно скрывающая от партии свою работу, свои собрания, свои документы, свои связи, свои центры; она существует, как конспиративная, скрывающаяся от партийного ока политическая организация.

Во-вторых, она имеет в зародышевом состоянии *свой* собственный *аппарат*, свои организующие и распределительные центрики, свою «иерархию» отношений.

В-третьих, она имеет *свою внутрифракционную дисциплину*, которая рассматривается членами фракции, как высшая дисциплина, определяющая политическое поведение всех членов партии, входящих в оппозиционный блок.

Таким образом перед нами налицо—хотя и очень малочисленный, но значительно развившийся зародыш новой партии и при

том не партии вообще, а *партии борющейся против ленинской коммунистической партии, которая руководит диктатурой пролетариата.* Необходимо осмыслить тот факт, что появление зародыша *новой, второй партии* может иметь место только в том случае, если эта вторая нарождающаяся партия имеет своей целью борьбу против существующей единственной и единой коммунистической партии. Всякому понятно, что представители оппозиционного блока, не вступали бы на путь образования *второй* партии, если бы они не считали своей важнейшей задачей борьбу против нашей партии. Политика создания второй партии обязательно, непременно предполагает такую оценку нашей партии и ее руководства, из которой вытекает необходимость особого организационного оформления, создания особой политической организации, принципиально враждебной по своей линии нашей партии.

Идейный вождь оппозиционного блока, тов. Троцкий, имеет большой стаж борьбы с большевистской организацией. В данной связи очень уместно вспомнить, как Троцкий предлагал отнестись к организационным принципам в 1904 г. в брошюре «Наши политические задачи».

> «Дисциплина—писал он—имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но когда известное направление поставлено перед перспективой «лишения прав», т.-е. лишения возможности бороться за идейное влияние,—тогда вопрос его существования из вопроса права превращается для него в вопрос силы... В этом последнем случае представители крамольного течения, в зависимости от остроты положения, *либо раскалывают партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципа» формальной дисциплины, либо остаются в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения связывающей их партийной дисциплины к минимуму,* чтобы тем самым обеспечить себе максимум свободы действия и противодействия вредным тенденциям. Поскольку они будут сознательно высвобождать себя из-под узды партийной принудительности во имя интересов партии, как они их понимают, и поскольку их влияние позволит им это сделать, постольку жалким суеверием будет всякая попытка противной стороны удержать их повторением слова «дисциплина». Ничто не может быть менее внушительным, чем фигура политического «вождя», прибегающего в решительную минуту к подобного рода заклинаниям. Это нужно запомнить раз навсегда».

Со времени написания этих строк прошла почти четверть века. Но последующий политический опыт тов. Троцкого, как

и его теперешняя оппозиция доказали, что он-то «запомнил» эти свои положения «раз навсегда». В борьбе против партии он не останавливался ни пред чем, чтобы «давлением своего влияния свести ограничение связывающей партийной дисциплины к минимуму»..., «сознательно высвобождая себя из-под узды партийной принудительности». Он не верил «заклинаниям» партийной массы, требующей соблюдения партийной дисциплины. Особенность положения оппозиции заключается теперь в том, что от политики «ограничения связывающей их партийной дисциплины», они подошли теперь к политике «раскола партии». Создание элементов новой второй партии свидетельствует о переходе из первого «этапа» борьбы против партии во второй.

Если прежде оппозиция считала себя вправе ставить под сомнение верность некоторых решений партии, то теперь она считает для себя возможным вообще не считаться с коллективной волей партии, не считаться с решениями партийных с'ездов, не считаться с партийной дисциплиной. Троцкий предлагал когда-то поставить «реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины» и видел проявление подобного отношения к дисциплине в политике раскола партии, в политике создания второй партии. В наши дни «реальная дисциплина» для Троцкого и всех участников оппозиционного блока это есть их фракционная дисциплина, дисциплина новой зарождающейся партии, а дисциплина нашей партии рассматривается ими как «формальная дисциплина», подчиненная их «*реальной*» фракционной дисциплине.

Оппозиция создает «прикрываясь, криками о единстве», другую партию для борьбы с ленинской партией. Они хотят положить конец режиму, в условиях которого диктатура пролетариата осуществляется под руководством единой и единственной коммунистической партии пролетариата.

То, что у нас с начала Октябрьской революции коммунистическая партия является единственной легальной партией—это есть не случайное явление, а это есть один из основных принципов диктатуры пролетариата в нашей стране. Диктатура пролетариата *не может* успешно продвигаться вперед по пути к социализму, подавляя своих классовых врагов и осуществляя дело освобождения эксплоатируемых от эксплоататоров, *без этой политической монополии коммунистической партии.* Хотя наша страна и располагает достаточными *внутренними* силами для построения социализма, но она поставлена в самые невыгодные условия, как *первая* страна, прорвавшая империалистический фронт, как *первая* страна, в которой практически осуществляется социализм в окружении враждебным кольцом империалистических стран и в окружении многочисленнейшей мелкой буржуазией, химически выделяющей крупную буржуазию. В таких усло-

виях политическая монополия коммунистической партии является непременным условием осуществления классовой диктатуры пролетариата.

Борьба против нашей партии, руководящей диктатурой пролетариата, борьба, которая сопровождается попыткой создать другую партию, оспаривающую право коммунистической партии на руководство пролетарским государством,—эта борьба в отмеченных условиях *неизбежно превращается в борьбу против пролетарской диктатуры за политическую демократию буржуазного типа*. Если можно «оправдать» курс на образование второй партии, то почему нельзя «оправдать» образование третьей партии, четвертой, пятой и т. д.? Грань лежит как раз там, где начинается отрицание политической монополии за коммунистической партией и начинается борьба за вторую партию. *Принципиальное допущение второй партии уже предрешает вопрос о принципиальном допущении и других партий*. Таким образом, перерастание фракции в другую партию расчищает почву для борьбы против диктатуры пролетариата *за буржуазную политическую демократию*.

Но если существуют две или несколько политических партий, которые разделяются коренными разногласиями по основным вопросам политики пролетарского государства, если эти партии борятся в условиях борьбы различных классов, в сложнейшем переплете классовой борьбы,—то эти разногласия, то это различие позиций по коренным вопросам политики *не могут не носить классового характера*, не могут не иметь в основе *различных классовых корней*.

Именно поэтому партия будет решительно и всеми средствами бороться против попытки сорвать режим пролетарской диктатуры, для которого характерно руководство государством со стороны *единой и единственной коммунистической партии*. Об'единенный пленум ЦК и ЦКК совершенно правильно оценил попытку создания второй партии, как об'ективный результат давления на оппозицию «*третьей силы*». Члены партии, еще остающиеся в рядах оппозиционного блока, уже имеют возможность убедиться на опыте своей фракционной борьбы против партии, что пленум был прав, давая подобную оценку перспектив и об'ективного смысла фракционной борьбы.

Конспирируясь от партии, оппозиция обнаруживает стремление скрыть свой аппарат, свою «технику» с помощью *беспартийных* элементов. Создается положение, при котором зародыш новой партии обрастает определенным слоем беспартийных, втягиваемых в борьбу против партии. Суть дела не меняется тем фактом, что оппозиционеры ставят себе суб'ективно задачу борьбу за коммунизм. Факт остается фактом. Борьба против партии сопровождается созданием вокруг фракционных центров некоторого

беспартийного «актива». С другой стороны, этот последний отнюдь не исходит в своих политических действиях из коммунистических большевистских посылок. У него существуют свои связи, свои идеи, свои, на время потухшие, политические планы, которые возрождаются, благодаря тому, что они попадают в политическую организацию, смыслом существования которой является борьба с коммунистической партией.

Вовлечение беспартийных в борьбу против партии влечет за собой «облипание» зародыша новой партии элементами, помышлявшими прежде о политических действиях против режима пролетарской диктатуры и повышающие теперь свою активность, поскольку их деятельность может прикрываться законспирированной борьбой членов партии против своей партии, руководящей диктатурой пролетариата. Благодаря этому «облипанию» создается возможность таких положений, когда зародыш второй партии, вопреки личным стремлениям и желаниям оппозиционных членов партии, превращается в прикрытие антисоветских политических элементов.

Оппозиция не замечает, что, обостряя свою борьбу против партии, став фактически на путь борьбы за вторую партию, она об'ективно начинает *борьбу против режима пролетарской диктатуры за режим буржуазно-политической демократии*. Она не замечает того, что ослепление фракционной борьбой привело ее на грань, перешагнуть которую — значит превратиться во врага пролетарской диктатуры. Партия делает оппозиции последнее предупреждение. Она призывает фракционеров осознать то положение, в котором находится оппозиция, осознать, на какую грань поставила себя оппозиция, какой об'ективный смысл имеет теперь ее борьба против партии.

Со своей стороны партия заявляет, что она не остановится ни перед чем в своей борьбе за режим пролетарской диктатуры, в своей борьбе против вольных и невольных попыток опрокинуть этот режим и расчистить почву для буржуазно-политической демократии. Нет никаких сомнений в том, что не только пролетариат, но и широкие массы трудящихся вообще одобрят линию партии, ибо эти массы располагают достаточным политическим опытом, чтобы понять, к чему может привести подмена режима пролетарской диктатуры режимом буржуазно-политической демократии.

Еще один, два шага в том направлении, в котором движется оппозиция в борьбе против партии, и дело станет непоправимым. Настаивать на своих ошибках теперь для оппозиции означает решительно порвать с делом коммунизма. Только так можно оценить настоящее положение вещей.

С. Кругликов.

Как „Капитал“ обрабатывается в угоду капиталу.

В майской книжке органа германской с.-д. «Die Geselschaft» за 1926 г. появилось предисловие Каутского, которым он снабдил новое издание II и III томов «Капитала». Первая часть этого предисловия посвящена выяснению того значения, какое имеет для построения «Государства будущего» знание законов капитализма, изложенных в этих двух томах. Вторая—занимается анализом причин послевоенного кризиса, его особой затяжности и остроты; одновременно с этим Каутский намечает задачи пролетариата.

Какие же выводы извлек из событий последней эпохи и какое употребление дает «Капиталу» в разрешении современных задач маститый идеолог социал-демократии?

Обратимся к анализу послевоенного периода. Эта часть статьи начинается теоретическими положениями о процессе обращения, предназначенными, видимо, для того, чтобы углубить соответственные места «Капитала».

Процесс обращения и гармония классовых интересов.

«Фундаментом пролетарской классовой борьбы являются конечно, классовые противоречия, существующие между капиталом и трудом и вытекающие из производственных отношений.

Но положение рабочих зависит не только от этих отношений. В процессе обращения выступают явления, которые имеют очень большое значение для благосостояния рабочих и которые не теряют в своем весе от того, что в этой области *до известной степени рабочие и капиталисты имеют одни и те же интересы*.

Так, напр., как те, так и другие в одинаковой мере заинтересованы в том, чтобы товарное обращение не приостановилось, ибо каждая такая приостановка обозначает кризис, сопровождаемый самыми болезненными явлениями».

Приведя далее в пример инфляцию, от которой страдают все классы, Каутский приходит к такому общему выводу:

«Таким образом, рабочий столь же заинтересован в *разумной* хозяйственной политике в отношении обращения, как и в отношении производства. Но в виду того, что центр тяжести классовых противоречий находится в области производства, а *в области обращения часто—но ни в коем случае не всегда—существует известная гармония между интересами капиталистов и интересами пролетариев*, — в виду

этого, до мировой войны для пролетариата было мало стимулов для более детального ознакомления с процессом обращения. *Господствовало мнение, что в этой области класс капиталистов сам позаботится о правильном пути*» [1]).

В конце статьи этот мотив, что в обращении исчезают классовые противоречия, выплывает в еще более прямой формулировке

> «в области обращения рабочий имеет одинаковые интересы с капиталистами постольку, поскольку и те и другие в одинаковой степени заинтересованы в беспрепятственном развитии процесса обмена» [2]).

Итак, классовые противоречия, а следовательно и классовая борьба вырастают только из процесса производства. Теперь обратимся к «Капиталу».

Второй том его начинается, как известно, учением о кругообороте капитала. Этот отдел посвящен анализу тех трех фаз, которые должен пройти капитал, чтобы осуществилось основное производственное отношение капитализма: создание и реализация прибавочной стоимости.

> «Процесс, взятый в целом, изображается как единство процесса производства и процесса обращения; процесс производства становится посредствующим звеном в процессе обращения и наоборот. У всех трех кругооборотов есть одна общая черта: увеличение стоимости, как цель, определяющая процесс, как движущий мотив» [3]).

Из такой постановки вопроса совершенно определенно вытекает недопустимость разрывать процесс производства и обращения, а тем более противопоставлять их, как *принципиально* иные отношения. А именно такое принципиальное противопоставление получается у Каутского, так как в одной области существует *противоречие*, а в другой,—«*гармония*(пусть «известная») между интересами капиталистов и интересами пролетариев». В действительности же, процесс обращения является той сферой, где производственные отношения, замкнутые в рамках единичных предприятий, выступают, как *общественные* отношения. Отсюда полная нелепость такой комбинации, что в процессе производства складывается антагонизм между трудом и капиталом, а в сфере обращения он исчезает.

Первый же самый элементарный пример показывает, насколько искусственно и ошибочно такое деление. Прибавочная стоимость создается в процессе производства. Уровень заработной платы является предпосылкой, определяющей при прочих условиях массу прибавочной стоимости, как излишек сверх необходимой части. В борьбе за уровень заработной платы, а следовательно, и за уровень прибавочной стоимости, обращение играет столь же важную роль, как и производство. Исторически классовая борьба выросла из борьбы за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы. Если первое вызывает борьбу в сфере производства, то второе сталкивает классы прежде всего на поле обращения. Классовая борьба оказывается присущей всему «процессу в целом», всей капиталистической системе.

---

1) «Die Gesellschaft», № 5, стр. 457—458. (Подчеркнуто мною. *С. К.*).
2) Там же, стр. 468.
3) Капитал. Т. II, стр 73.

Разобщение и противопоставление производства и обращения взято Каутским не у Маркса, а у вульгарной экономии, разделявшей хозяйственную жизнь еще со времен Сэя на четыре этажа, связанных в одно лишь механически: производство, обмен, распределение и потребление. Каждый из этих процессов управляется своими законами. Только *с такой* точки зрения позволительно противопоставить производство и обращение так, как это сделал Каутский. Но с марксизмом все это не имеет ничего общего. Для Маркса «производство, распределение, обмен, потребление... образуют собой части целого... обмен во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним» [1]).

Классовые противоречия наполняют сферу обращения и по другой линии. Рабочий, как потребитель, противостоит капиталисту как продавцу. Если в условиях идеального обращения товары продаются по стоимости (или цене производства), то реально это далеко не так. Превышение цены над стоимостью выступает как источник дополнительного обогащения. По существу, часть зарплаты рабочего превращается в данном случае в прибыль капиталиста, понижая реальную цену рабочей силы ниже ее стоимости.

Но быть может гармония классовых интересов устанавливается постольку, поскольку и капиталисты и рабочие «в одинаковой степени заинтересованы в беспрепятственном развитии процесса обмена». Этот аргумент имеет видимость убедительности.

Но его неудобство даже для Каутского состоит в том, что точь в точь такими же словами можно доказать совершенно то же в отношении процесса производства. В самом деле; рабочий не менее остро страдает и от приостановки обращения товара и от закрытия фабрик. Следовательно, рассуждая по Каутскому, рабочие как и капиталисты «в одинаковой степени заинтересованы в беспрепятственном развитии процесса»... производства. Следовательно, классовая гармония существует и в процессе производства. Но ведь «центр тяжести классовых противоречий находится в области производства»!

Таким образом, этот аргумент доказывает «слишком много».

«Господствовало мнение, что класс капиталистов сам позаботится о правильном пути». Поэтому пролетариат полагался на ту «разумную» политику, которую осуществлял класс капиталистов. Все это относится только к процессу обращения. Даже Каутский не докатился еще до того, чтобы утверждать, что и в процессе производства капиталисты заботятся об интересах всех классов. Да и в этом ему просто не поверит даже самый темный, самый одураченный рабочий. Здесь опять налицо рассечение производства и обращения, при чем в производстве капиталисты руководятся принципом максимального извлечения прибавочной стоимости, а в обращении «пекутся» о «правильном пути».

Что общего у всех этих построений с той основной мыслью «Капитала», что прибыль является *единственным* стимулом капиталистической системы? Сознательно класс капиталистов никогда не ставит себе задачей регулирование общественного производства, как такового. Каждый капиталист в отдельности, как и весь

1) «Введение к критике» (Сб. «Основн. проблемы политэкономии», стр. 22, изд. 1925 г.).

класс в целом могут *сознательно* руководствоваться только прибылью и ничем больше. Об'ективный же результат в виде прогрессирующего развития системы является слепым, стихийным результатом.

Каутский выбрасывает за борт одно из центральных положений «Капитала». Процесс обращения превращается в рай для пролетариата. Капиталисты выступают, как радетели общественного производства. Можно ли после этого придумать большее издевательство над памятью Маркса, над духом его системы? В предисловии к «Капиталу» в качестве «последнего слова» марксизма преподносятся сентенции, списанные с «Экономических гармоний» Бастиа.

Причины кризисов.

Но классовая благодать в области обращения была только до 1914 г. Война перевернула все отношения. Капиталисты стали совсем ненадежны. Если раньше «этот класс сам заботился (напр.) о сохранении здоровой валюты», то теперь «пролетариат не может больше полагаться в валютной политике на капиталистический класс» [1]). Какой-то злой рок руководит в настоящее время сознанием капиталистов и они делают все для того, чтобы обострить и участить экономические кризисы.

Прежде чем перейти к выяснению этого удивительного переворота, необходимо остановиться на том, как Каутский представляет причины кризисов вообще.

«Одной из важнейших причин кризисов, застоев в процессе обращения капитала, являются прорывы в пропорциональности производства. Процесс производства не может итти беспрепятственно вперед, если все отрасли производства не находятся в правильном соотношении одна к другой, в правильной пропорции» [2]).

При капиталистической анархии:

«Лишь с большим трудом удается сохранить необходимую пропорциональность производства. Эта пропорциональность постоянно подвергается опасности быть прорванной, что неизбежно должно привести к кризису» [3]).

Следовательно, по Каутскому, пропорции общественного производства, разобранные Марксом в известных схемах второго тома «Капитала», находят *непосредственное* осуществление в реальном развитии капитализма и что кризис есть ни что иное, как нарушение этих пропорций. Получается весьма упрощенная и совсем неправильная постановка вопроса. Это впрочем старый грех Каутского, так как он никогда не понимал марксовой диалектики в разрешении проблемы кризисов.

Что дает Маркс при анализе воспроизводства во второй книге «Капитала»? Он занимается там изучением условий идеально-пропорционального развития капиталистического производства. Так *должно быть*, чтобы не было никаких нарушений в ходе воспроизводства. Здесь дана абстрактная теория реализации. Но Маркс нигде не ставит вопроса так, будто схемы второго тома находят свое выражение в реальном развитии капитализма. В третьем томе, исследуя всю сумму противоречий капитализма, Маркс

1) «Die Gesellschaft», № 5, стр. 458—459.
2) Там же, стр. 460.
3) Там же, стр. 461.

показывает, почему эти идеальные схемы *не могут* ни в каком случае прямо осуществляться. Действительное воспроизводство есть возобновление и расширение производства на основе одновременного углубления и обострения всех противоречий капиталистической системы.

«Как на основе капиталистического производства,—спрашивает Маркс —где каждый работает для себя... как возможно необходимое уравнивание и связь различных сфер производства, установление соразмерности и пропорции между ними иначе, нежели постоянным уничтожением постоянной дисгармонии?»

«Все уравнивания являются *случайными* и, хотя постоянно происходит процесс уравнивания отношения между капиталами, вложенными в различные сферы, но само постоянство этого процесса предполагает также постоянное нарушение равновесия, которое он должен всегда восстановлять часто насильственным образом» [1]).

Поэтому накопление диспропорций, обострение противоречий, совершенно неизбежны в ходе воспроизводства. Кризис наступает не как приостановка потерявшей равновесие системы, а как взрыв противоречий, как момент уничтожения диспропорций. Кризис открывает новый круг развития, который с первых же шагов снова ведет к накоплению противоречий.

По Каутскому кризисы—момент нарушения равновесия.

По Марксу

«кризисы всегда представляют только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие» [2]).

«Мировые кризисы должны рассматриваться, как реальное соединение и насильственное уравнение всех противоречий буржуазной экономии» [3]).

Диспропорции возникают не в момент кризиса. Они создаются и углубляются всем ходом воспроизводства. Капитализм не знает пропорционального развития даже с теми оговорками, которые делает Каутский. Диспропорции и противоречия сопровождают капитализм на всех ступенях. Все дело в том, что они обнаруживаются не сразу и взрываются в кризисе после некоторого периода их накопления. Это делает возможным развитие капитализма между кризисами, несмотря на его имманентную противоречивость.

Идея «непрерывности производства».

Рассмотренная выше пропорциональность обязана своим сохранением не только игре спроса и предложения. Пропорциональность вряд ли могла бы сохраняться без самых тяжелых кризисов.

«Если бы тут не появлялся еще второй момент,—*непрерывность производства* (подчеркнуто автором), т.-е., *если бы процесс производства не повторялся из года в год приблизительно в одинаковом размере*. Таким образом, соотношение отдельных отраслей производства, несмотря на анархический,

[1]) Маркс «Теория приб. стоим.», т. II, ч. II, стр. 195 и 166.
[2]) «Капитал» III, ч. I, стр. 225, изд. 1907 г.
[3]) «Теория приб. стоим.», т. II, ч. II, стр. 177—178.

не регулируемый никакой общественной силой характер экономической жизни, не носит случайного характера и приобретает постоянство и вместе с тем определенность. Конечно, не весьма точную определенность, ибо сами собой непрерывно появляются мелкие изменения как природного характера, например, хорошие и плохие урожаи, так и технические—какое-либо новое изобретение, или экономические, например, железная дорога, открывающая рынок, и т. д., которые вызывают снова изменения в соотношении отдельных отраслей производства между собой, при чем регулятором является колебание цен.

Впрочем, *эти колебания от года к году незначительны и в общем и целом все же сохраняется непрерывность производства*» [1]).

Несколько выше прямо говорится: «Die Kontinuität (die unveränderte Fortführung) der Produktion» [2]) «непрерывность (т.-е. *С. К.*) (неизменное продолжение) производства». Таким образом, пресловутая «непрерывность» сводится попросту к неизменности уровня производства и тех пропорций в производственном механизме, какие соответствуют этому уровню. Единственным «возмущающим фактором», который вызывает в общем незначительные отклонения, являются колебания урожаев, изобретения, новые железные дороги и т. д. В результате получается «оригинальная» идея, что капитализм движется по прямой с легкими отклонениями, неизменяющими общего уровня; по прямой, прерываемой лишь кризисами.

Такое представление несовместимо, во-первых, ни с какой прогрессирующей производственной системой. Рост производительных сил при всех условиях, в том числе и в социалистическом обществе, означает перегруппировку внутри производства. Каждый новый уровень потребует иных пропорций между отраслями, поскольку, напр., более быстро должны расти отрасли, производящие средства производства.

Такое представление не имеет, во-вторых, ничего общего с действительностью, так как характернейшей формой развития капитализма является промышленный цикл. При чем смена фаз цикла (под'ем, кризис, депрессия) происходит на повышающемся от цикла к циклу уровне. Так что развитие получает характер резкой зигзагообразной кривой. После каждого кризиса не происходит простого возвращения к прежним пропорциям. К началу каждого нового под'ема достигается некоторое равновесие каждый раз на новой основе.

Маркс не занимался в «Капитале» специальным анализом промышленного цикла. Но в третьем томе разбросано достаточно много замечаний по этому вопросу, чтобы иметь основание утверждать, что идея «непрерывности производства» глубоко чужда представлению Маркса о капиталистической динамике. Маркс так представляет себе движение капиталистической системы:

«цикл оборотов, в которых движется современная промышленность—состояние покоя, возрастающее оживление, расцвет, перепроизводство, крах, застой» [3]).

[1]) «Die Gesellschaft», стр. 461. Неоговоренное подчеркнуто мной. *С. К.*
[2]) Там же, стр. 460.
[3]) «Капитал», т. III, 1, стр. 336—337.

А вот как выглядит кривая развития Англии тех времен:

«Для английской промышленности с ее десятилетними циклами развития (1815—1870) максимум последнего периода расцвета *перед* кризисом совпадает каждый раз с минимумом ближайшего следующего периода расцвета. Затем поднимается до нового более высокого максимума» [1]).

Что общего с этой марксовой постановкой вопроса у идеи непрерывного, т.-е. из года в год «приблизительно» неизменного воспроизводства?

Идея «непрерывности» вытекает у Каутского из его немарксистского представления реального процесса воспроизводства. Он не понимает того, что реальное воспроизводство идет не по идеальным схемам абстрактной теории реализации, а представляет собой цикл периодического накопления и кризисного разрешения целого клубка противоречий и диспропорций. Поэтому периодические сдвиги и перегруппировки внутри производственной системы являются неизменным спутником капиталистического воспроизводства.

Но быть может «идея непрерывности» имеет еще другой смысл. Быть может она означает *не неизменность*, а просто *отсутствие перерывов*, несмотря на все колебания. Разберемся и в этом варианте, хотя положения Каутского звучат весьма недвусмысленно в пользу «неизменности».

В этом случае идея «непрерывности» равнозначуща непрерывному повторения производства, т.-е. воспроизводству в самом общем смысле. Получается весьма тощее обобщение: выход из кризисов облегчается тем, что общество, в силу постоянного возобновления потребностей, должно постоянно возобновлять производство. Но такое понимание не продвигает об'яснение кризисов ни на шаг вперед, потому что 1) и во время кризисов не получается полной приостановки (перерыва) производства по всей линии, т.-е. в известной мере сохраняется «непрерывность». 2) Центр тяжести вопроса заключается как раз в об'яснении того, какие силы выводят производство из кризиса к новому под'ему.

В этом случае нужно обратиться к анализу всей суммы основных противоречий капитализма в их динамике. Худосочная же идея «непрерывности» здесь ничем не поможет. Но эта идея имеет другой гораздо более важный смысл.

Социал-демократическая догма всегда отличалась тем, что вопрос о переходе к социализму ставила в плоскую метафизическую связь с развитием производительных сил. После войны этот тезис «углубился». Сразу после войны оказалось невозможным переходить к социализму потому, что производительные силы разрушены. Сначала нужно их восстановить, а потом ставить вопрос о переходе.

В этой связи идея «непрерывности» превращается в центральную идею. Переход к социализму путем революционной ломки оказывается с этой точки зрения невозможным. Производство должно быть непрерывным. Иначе кризис и всякие прочие бедствия. Отсюда—«лоскутная социализация», переход к социализму по отдельным отраслям; на это время коалиция с буржуазией, как политическая форма перехода.

1) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 38—39.

Именно с этой концепцией связана у Каутского идея «непрерывности производства».

«Речь не будет итти о том, чтобы построить совершенно новый экономический строй из ничего, но о том, чтобы продолжать развитие современного строя в направлении к социализму» [1]).

Что значит «продолжать развитие» (weiterzuentwickeln)? Если это заключает переход к социализму, то развитие *капитализма прервется*. Вместе с тем должен на некоторое время притти в расстройство и процесс производства, пока он хотя бы в самом черновом виде не перейдет на новые основы. Если же в этом заключается сохранение «непрерывности» во что бы то ни стало, то это положение неминуемо приведет к продолжению в бесконечность капиталистической системы. Перейти с одних рельс развития на принципиально иные никак нельзя без прыжка. Кто боится и не хочет этого прыжка, тот будет «катиться в будущее» по капиталистическим рельсам.

Мы вернемся еще к этому при разборе вопроса о социализации, а пока обратимся к современной эпохе в изображении Каутского.

Причины послевоенных кризисов.

Война нарушила пропорциональность и непрерывность производства.

«Важнейшая экономическая задача государственной власти в каждой стране после окончания военных действий состояла в том, чтобы использовать свое влияние в производственном процессе в том смысле, чтобы переход промышленности от работы на войну к производству мирного времени произошел в таком виде, в котором требуемая пропорциональность различных сфер производства была бы снова восстановлена».

Но в то же самое время, «политика со времени заключения мира не только не старалась снова восстановить прерванную войной пропорциональность производства, но она скорее действовала роковым образом в том направлении, чтобы обострить и продлить эру кризисов» [2]).

Чем же об'ясняется столь нелепое положение? Дело, оказывается, в том, что

«мирная политика господствующих классов во всех почти государствах управляется не экономическим и уже во всяком случае не марксистским знанием, а выросшим во времена войны культом грубой силы, дававшей повод воображать, что обладая им, можно не считаться ни с какими экономическими законами,—того насилия, носители которого были еще ослеплены чувством ненависти, страха и недоверия, выросшим во время войны до бессмыслицы» [3]).

Поэтому послевоенные кризисы

«в самой значительной части представляют собой продукт политики правительств, и они могли быть избегнуты также и при существовании капиталистического хозяйства,

1) «Die Gesellschaft», № 5, стр. 456.
2) Там же, стр. 463 и 464.
3) Там же, стр. 463.

если бы только политика правительств определялась несколько в более слабой степени милитаристическими и монополистическими соображениями, и в более сильной степени экономическим пониманием потребностей процесса обращения» [1]).

«Уже до войны создавшиеся предпринимательские союзы пытались для отдельных отраслей производства выколачивать сверхприбыль путем изнасилования законов обращения. Мировая война еще более усилила потребность обладателей больших капиталистических монополий в изнасиловании экономических законов капиталистического развития и увеличила средства для этого. Эти законы попираются все в большей степени не только милитаристами, но также и крупными финансовыми магнатами и оказываемое этому явлению сопротивление внутри капиталистического общества, становится все слабее» [2]).

Картина рисуется в общем итоге так: 1) современный капитализм имеет еще все основания для дальнейшего развития.

2) После войны, как и до нее, класс капиталистов должен был бы (!) позаботиться о соблюдении равновесия и пропорциональности общественного производства.

3) Но господство монополий приводит к «изнасилованию» законов обращения.

4) Причина всех зол заключается в том, что политика определяется «милитаристическими и монополистическими соображениями» и вдохновляется «культом грубой силы» и «чувством ненависти, страха и недоверия».

Чем же все-таки об'яснить, что до войны капиталисты вели «разумную политику», а теперь поддались милитаристическим соображениям и всем прочим порокам?

Как об'яснить с точки зрения приведенных положений тот общеизвестнейший факт, что С.-А. С. Ш.—страна самого высокого монополистического капитализма—находится в процессе бурного роста. В то же время Англия—тоже страна победительница - идет по нисходящей?

Почему расползается Британская империя, в которой дольше чем где бы то ни было держались фритредэрские традиции?

Почему Европа теряет свое исключительное положение в мировой системе и бурно растут внеевропейские страны?

Ведь всюду одинаково господствует политика, руководящаяся «монополистическими» соображениями и вдохновляемая «культом грубой силы»?

Ни на один из этих вопросов нельзя ответить, имея за душой лишь либерально-пацифистскую болтовню об «изнасиловании законов обращения» и «культе грубой силы».

Об'яснение современного положения Англии ошибочной политикой вдохновляемой «чувством ненависти, страха и недоверия» не будет ничем отличаться от об'яснения, напр., небезизвестного Авгура, что все беды Англии есть результат большевистских козней. Но Авгур не берется поучать человечество идеям Маркса и не пишет предисловия к «Капиталу».

[1]) «Die Gesellschaft», стр. 459.
[2]) Там же, стр. 468.

Во всех рассуждениях Каутского выпала одна малость... эпоха империализма со всеми ее характерными чертами.

По Каутскому вся эта эпоха есть лишь результат ошибочной политики, милитаристических «увлечений» и т. п. неприятных «случайностей». Целое столетие промышленный капитализм развивался по всем законам обращения и капиталисты свято блюли эти законы, но созданные «монополистическими увлечениями» предпринимательские союзы стали за последнее полстолетие насиловать эти законы. Вот все, что осталось за душой у Каутского от метода и основных положений экономической системы Маркса.

Современное господство монополий есть результат процесса концентрации и централизации. Современный финансовый капитал, есть качественно новое явление, выросшее из развития кредитной системы, акционерной формы предприятий и т. п. Развитие внутренних противоречий закона тенденции нормы прибыли к понижению, в основном обусловило такой огромный рост экспорта капитала со всеми его большими следствиями. Таким образом, все эти новые процессы созданы внутренним развитием основных тенденций капитализма.

Быть последователем Маркса в настоящую эпоху—это значит с помощью его метода изучать те новые специфические формы, в каких на настоящей ступени развития проявляются исследованные в «Капитале» основные законы капитализма. Такое изучение даст ключ к пониманию противоречий последних десятилетий и событий послевоенной эпохи. Это и есть путь Ленина.

Каутский же превращает систему Маркса в фразеологию, прикрывающую самые пошлые положения современной вульгарной политической экономии.

Свобода торговли и пролетариат.

Положительная программа Каутского стоит целиком на уровне его зауряд-либерального понимания эпохи. Он зовет назад в потерянный рай свободной торговли.

«Там, где невозможно социалистическое производство, свободный обмен и свобода торговли, если они проведены всесторонне, образуют лучшее условие для развития как производительных сил, так и сил пролетариата» [1]).

Каутский ставит, таким образом, вопрос о свободе торговли, как *всеобщем* двигателе производительных сил.

Конкуренция существует, конечно, и в монополистическую эпоху, но, во-первых, она приобрела совершенно иные формы, превратившись в основном в борьбу монополистических групп не столько политикой низких цен, сколько системой таможенных оград, раздела мира, вооруженного передела и т. п.; во-вторых, свободная конкуренция в том виде, в каком она господствовала до последней четверти XIX века имеет теперь весьма ограниченное поле деятельности и играет весьма подчиненную роль.

Призыв к свободной торговле есть попытка повернуть развитие вспять. Что Каутскому до того, что свобода торговли логикой своего собственного развития переродилась в монополию, что мир разбит на капиталистические группы, борящиеся не за свободу

[1]) «Die Gesels. haft», стр. 466.

если бы только политика правительств определялась несколько в более слабой степени милитаристическими и монополистическими соображениями, и в более сильной степени экономическим пониманием потребностей процесса обращения» [1]).

«Уже до войны создавшиеся предпринимательские союзы пытались для отдельных отраслей производства выколачивать сверхприбыль путем изнасилования законов обращения. Мировая война еще более усилила потребность обладателей больших капиталистических монополий в изнасиловании экономических законов капиталистического развития и увеличила средства для этого. Эти законы попираются все в большей степени не только милитаристами, но также и крупными финансовыми магнатами и оказываемое этому явлению сопротивление внутри капиталистического общества, становится все слабее» [2]).

Картина рисуется в общем итоге так: 1) современный капитализм имеет еще все основания для дальнейшего развития.

2) После войны, как и до нее, класс капиталистов должен был бы (!) позаботиться о соблюдении равновесия и пропорциональности общественного производства.

3) Но господство монополий приводит к «изнасилованию» законов обращения.

4) Причина всех зол заключается в том, что политика определяется «милитаристическими и монополистическими соображениями» и вдохновляется «культом грубой силы» и «чувством ненависти, страха и недоверия».

Чем же все-таки об'яснить, что до войны капиталисты вели «разумную политику», а теперь поддались милитаристическим соображениям и всем прочим порокам?

Как об'яснить с точки зрения приведенных положений тот общеизвестнейший факт, что С.-А. С. Ш.—страна самого высокого монополистического капитализма—находится в процессе бурного роста. В то же время Англия—тоже страна победительница - идет по нисходящей?

Почему расползается Британская империя, в которой дольше чем где бы то ни было держались фритредэрские традиции?

Почему Европа теряет свое исключительное положение в мировой системе и бурно растут внеевропейские страны?

Ведь всюду одинаково господствует политика, руководящаяся «монополистическими» соображениями и вдохновляемая «культом грубой силы»?

Ни на один из этих вопросов нельзя ответить, имея за душой лишь либерально-пацифистскую болтовню об «изнасиловании законов обращения» и «культе грубой силы».

Об'яснение современного положения Англии ошибочной политикой вдохновляемой «чувством ненависти, страха и недоверия» не будет ничем отличаться от об'яснения, напр., небезызвестного Авгура, что все беды Англии есть результат большевистских козней. Но Авгур не берется поучать человечество идеям Маркса и не пишет предисловия к «Капиталу».

[1]) «Die Gesellschaft», стр. 459.
[2]) Там же, стр. 468.

Во всех рассуждениях Каутского выпала одна малость... эпоха империализма со всеми ее характерными чертами.

По Каутскому вся эта эпоха есть лишь результат ошибочной политики, милитаристических «увлечений» и т. п. неприятных «случайностей». Целое столетие промышленный капитализм развивался по всем законам обращения и капиталисты свято блюли эти законы, но созданные «монополистическими увлечениями» предпринимательские союзы стали за последнее полстолетие насиловать эти законы. Вот все, что осталось за душой у Каутского от метода и основных положений экономической системы Маркса.

Современное господство монополий есть результат процесса концентрации и централизации. Современный финансовый капитал, есть качественно новое явление, выросшее из развития кредитной системы, акционерной формы предприятий и т. п. Развитие внутренних противоречий закона тенденции нормы прибыли к понижению, в основном обусловило такой огромный рост экспорта капитала со всеми его большими следствиями. Таким образом, все эти новые процессы созданы внутренним развитием основных тенденций капитализма.

Быть последователем Маркса в настоящую эпоху—это значит с помощью его метода изучать те новые специфические формы, в каких на настоящей ступени развития проявляются исследованные в «Капитале» основные законы капитализма. Такое изучение даст ключ к пониманию противоречий последних десятилетий и событий послевоенной эпохи. Это и есть путь Ленина.

Каутский же превращает систему Маркса в фразеологию, прикрывающую самые пошлые положения современной вульгарной политической экономии.

Свобода торговли и пролетариат.

Положительная программа Каутского стоит целиком на уровне его зауряд-либерального понимания эпохи. Он зовет назад в потерянный рай свободной торговли.

«Там, где невозможно социалистическое производство, свободный обмен и свобода торговли, если они проведены всесторонне, образуют лучшее условие для развития как производительных сил, так и сил пролетариата» [1]).

Каутский ставит, таким образом, вопрос о свободе торговли, как *всеобщем* двигателе производительных сил.

Конкуренция существует, конечно, и в монополистическую эпоху, но, во-первых, она приобрела совершенно иные формы, превратившись в основном в борьбу монополистических групп не столько политикой низких цен, сколько системой таможенных оград, раздела мира, вооруженного передела и т. п.; во-вторых, свободная конкуренция в том виде, в каком она господствовала до последней четверти XIX века имеет теперь весьма ограниченное поле деятельности и играет весьма подчиненную роль.

Призыв к свободной торговле есть попытка повернуть развитие вспять. Что Каутскому до того, что свобода торговли логикой своего собственного развития переродилась в монополию, что мир разбит на капиталистические группы, борящиеся не за свободу

[1]) «Die Gesels. haft», стр. 466.

торговли, а за расширение сфер своего монопольного господства, исключающего свободную конкуренцию. Что до того, что тенденции, приведшие к такому перерождению, анализированы еще в «Капитале». Что до всего этого Каутскому?! Свобода торговли должна торжествовать. И если капитализм в своем развитии отбрасывает ее, то пролетариат должен позаботиться о торжестве попранных законов. Тут мы подходим к одной из вершин каутскианского глубокомыслия.

«Задача пролетариата все в большей степени сводится к тому, чтобы выступить за соблюдение этих законов. Пролетариат попадает все больше в то странное положение, при котором в число его задач входит не только преодоление капиталистического способа производства и замена его социалистическим, но также и защита законов этого способа производства против изнасилования их монополистами крупного капитала, связанными с крупными аграриями, генералами, бюрократами, фабрикантами, профессорами и т. д.» [1]).

Положение действительно странное. Как понимать это замечательное сочетание: «Не только преодоление капиталистического способа производства... но также и защита законов этого способа производства»? В какой же последовательности пролетариат должен осуществлять такую программу? Если преодолевать капитализм, это значит преодолевать и те законы, по которым он развивается и переводить человечество на иные пути развития. Отправным пунктом в этом случае будет монополистическая система, которая задолго до пролетарской революции сама преодолела свободную конкуренцию. Если же заниматься восстановлением свободной торговли—это значит в настоящую эпоху отказаться от перехода к социализму. Путь к социализму откроется перед пролетариатом лишь после того, как будут уничтожены все «ненормальности» и «извращения» и снова восторжествует свободная конкуренция.

Такая перспектива может иметь только один об'ективный смысл. Все эти мудрствования являются в конечном счете призывом тащить капитализм из послевоенной трясины. Реальное господство, вопреки всем сказкам о свободной торговле, находится у монополистического капитала. Участие пролетариата в восстановлении «нормальных» отношений явится в конечном счете добровольной поддержкой и укреплением этого господства.

Социализация и обращение.

Предисловие, как мы сказали, начинается «взглядом в будущее». Этот взгляд приходится бросать в 1927 г., когда «путь к власти» уже однажды пройден. Социал-демократы средней Европы стояли уже однажды «у руля». Государственный аппарат был в их руках. Он усиленно наводнялся социал-демократическими чиновниками. Стоял и вопрос о «социализации». Но над всем этим довлела идея «непрерывности производства», которая и привела в конечном счете к Гинденбурговской республике. «Социализация» обанкротилась. После этого одно из двух: или нужно отказаться от идеи «непрерывности», признать единственно возможным способом перехода к социализму, диктатуру пролетариа-

[1]) Там же, стр. 468.

та и революционную ломку всей системы; или держаться за «непрерывность», в таком случае нужно отступать еще дальше по капиталистическому пути.

И вот, в 1927 году ревизионистский папа выступает с «новым поучением».

«Развитие общества в социалистическом смысле дало бы лишь недостаточные результаты, если бы оно ограничилось одним только производственным процессом. Оно должно учитывать весь хозяйственный процесс и влиять регулирующим образом на процесс *обращения* так же, как и на процесс производства» [1]).

Но что значит это новое положение в свете попыток «продолжать развитие современного строя к социализму»? Каутский дает раз'яснение и на сей счет.

«Задолго до того, как пролетариат завоевывает всю государственную власть, он создает себе собственные организации не только для борьбы, но также и для хозяйственной деятельности: кооперативы, хозяйственные предприятия, на основе сотрудничества рабочие банки. И если эти учреждения сами по себе не в состоянии изменить сущность современных способов производства, они все же могут иметь большое значение в качестве школ, в которых представители пролетариата получают подготовку и осваиваются с функциями современных капиталистов и где они приобретают способность самим взяться за выполнение этих функций, поскольку эти функции экономически необходимы, но уже не на пользу эксплоататорам, а в целях освобождения пролетариата.

Все более распространяющееся господство над крупными общинными самоуправлениями, также дает много случаев для практического изучения условий капиталистического процесса обращения» [2]).

В результате этой школы «пролетариат... должен быть в состоянии заменить во всех областях капиталиста пролетарскими учреждениями».

Социализация 1918—1919 г.г. провалилась. Тогда пытались базироваться на обобществлении производства. Теперь открываются новые пути: нужно «зацепиться» за процесс обращения и социализм восторжествует при сохранении «непрерывности производства».

Дело не обходится, конечно, без кивания на большевиков:

«большевистский эксперимент взятия рабочими фабрики в свои руки пострадал вначале, более всего от полного пренебрежения процессом обращения» [3]).

Большевики «пренебрегли процессом обращения». Но ведь никто иной как Ленин в «Грозящей катастрофе» еще в *сентябре 1917 года* развертывал план таких переходных мероприятий, которые опирались на достижения монополистического капитализма как в производстве, так и в обращении. Никто иной как Ленин развивал *весной 1918 года* известный план госкапитализма, рассчитанный именно на то, чтобы найти звенья перехода с учетом всех особенностей товарного хозяйства. И Каутскому, прямо вдох-

[1]) «Die Geselschaft», стр. 455.
[2]) Там же, стр. 456.
[3]) Там же, стр. 455.

новлявшему и вдохновляющему империалистическую интервенцию против СССР, не удастся «учено отбрехаться» от того факта, что дело совсем не в «пренебрежении процессом обращения», а в том, что большевики вынуждены были в пылу борьбы для спасения рабочей диктатуры пренебречь многими принципами экономической целесообразности. Совершив же переход к экономическому строительству, большевики не только сохранили фабрики в руках пролетарского государства, но на исходе первого десятилетия подводят баланс и в области обращения с огромным плюсом для дела социализма.

А вот с чем приходит Каутский к этому рубежу?!

Он понимал в свое время, что основа перехода к социализму—обобществление производства. Но его «ученая» политика (не «эксперимент») оказалась трухой в огне событий.

Что же представляют собой его «новые пути»? К каким берегам плывет социал-демократический патриарх?

«Сохранение функционирующего хозяйства, хозяйства на-ходу—вот категорический императив социализирования».

«Социализация не может начинаться с производства».

«Шаг за шагом, начавши с обращения, можно перевести на новые пути капиталистическое производство» [1]).

Такова соль венской мудрости. Каутский с его «непрерывностью производства» («хозяйство на-ходу» Реннер) с его овладением процессом обращения через школу товариществ и рабочих банков—Каутский выступает разносчиком реннеровских идеек. А ведь бывший канцлер схватывает в экономических процессах только их буржуазно-правовую оболочку. Он способен лишь на то, чтобы раскладывать отрывки из «Капитала» по статьям гражданского кодекса.

Новый план Каутского означает об'ективное признание банкротства своих прежних даже весьма куцих и уродливых попыток «социализации» производства. Она заменяется по существу призывом врастать в капиталистический процесс обращения. Американский капитализм выдвинул в последнюю эпоху ряд форм втягивания рабочей верхушки в капиталистическую систему (рабочие банки, участие в акционерных предприятиях и т. д.). Каутский теоретически обосновывает именно такой путь развития рабочего класса.

Монополистический капитализм характерен тем, что он стягивает в один узел всю систему. Поэтому острие проблемы—в овладении командующими центрами экономики. Только отсюда возможен охват всех хозяйственных процессов и перестроение их на социалистических основах. Диктатура пролетариата, овладевшая сердцем и мозгом монополистического капитализма, получает все возможности для использования и процесса обращения, как средства обобществления. Монополистический капитализм совершенно исключает овладение какими-либо частями хозяйственной периферии без предварительного захвата центрального нерва системы: крупного производства, банковской сети, разрушения государственного аппарата, как никогда срастающегося с экономикой и установления диктатуры пролетариата. Всякое же стремление действовать иначе не может не быть ничем иным, как

[1]) Реннер, «Теория капитал. хоз-ва», ГИЗ, 1926, стр. 326, 322, 319.

включением на подчиненном положении в империалистическую систему.

Сам вопрос об овладении процессом обращения вовсе не выглядит так просто, как это рисуется Каутскому: пролетариат подучивается технике обращения еще при капитализме и после получения на выборах большинства ставит своих (конечно, социал-демократических) чиновников, которые «заменяют» капиталиста. Трудность вопроса в том, чтобы капиталистическую технику обращения направить на обслуживание *принципиально* иных задач, вложить в эти формы новое содержание. Если в условиях империализма процесс обращения направлен на ограбление рабочего класса, крестьянства, колоний, то пролетарская диктатура ведет регулирование процесса обращения, кредитную политику и политику цен в прямо противоположном направлении, переламывая стихийное действие таких регуляторов, как борьба спроса и предложения и закон средней нормы прибыли. Этой стороны вопроса Каутский не только не разрешает,—он даже не способен понять ее. А между тем только *такое* овладение процессом обращения нужно для торжества социализма. Но оно невозможно без овладения тем, что мы называем «командными высотами», без национализированного крупного производства прежде всего. Такое овладение и есть большевистский путь.

Подведем итоги. Новейший вариант «социализации» является запоздалой попыткой отыскать новые пути после краха всех прежних планов. Путь революции закрыт. Остается одно средство: отступать еще глубже в капиталистический тыл. Новейшие теории прикрывают практику органического участия в восстановлении и развитии капитализма, к которой социал-демократия усиленно тащит пролетариат.

Но в эпоху распада мирового капитализма, в эпоху наибольшего обострения противоречий такая теория особенно несовместима с «Капиталом». Подлинно научный труд Маркса вдохновлен в то же время пламенной идеей «экспроприации экспроприаторов». Каутский вынужден поэтому извращать и пересматривать самые основные положения «Капитала», чтобы подогнать их под теорию увековечения «непрерывного капитализма».

М. Брудный.

О бюрократизме.

Вся экономическая работа в нашем союзе проходит под знаком строительства социализма. Днепрострой и какая-нибудь районная общественная кухня, новый машиностроительный завод и организация детской колонии, если не имеют равного значения для темпа нашего продвижения к социалистическому будущему, то в равной мере являются элементами строящегося социализма.

Вся наша экономическая жизнь представляет собой как бы поле становления социализма и в соответствии с этим все вопросы экономического строительства тесно связаны или являются моментами общего плана продвижения к социализму.

А государство? Находится ли оно в таком же положении, как экономика страны на пути к социализму, или его положение несколько иное? Возможно ли равномерное развитие к социализму экономики Советского Союза и его государственной организации? Наконец, что означает развитие нашей государственности в сторону социализма?

Ответ на эти и другие вопросы невольно напрашивается по мере приближения к десятилетней грани Октябрьской революции и по мере того, как вопрос о борьбе с бюрократизмом приобретает все более глубокое и принципиальное значение.

Развитие нашего государства к социализму, очевидно, означает развитие к безгосударственному общежитию трудящихся. Тут же мы сталкиваемся с основным противоречием между экономическим и государственным строительством. Экономическое строительство социализма в крестьянской стране требует для своей защиты от тормозящего влияния капиталистических отношений,— сильного государства. Государство же для постепенного перехода к безгосударственному обществу должно постоянно ослабевать, растворяясь в обществе. Отсюда неизбежность неравномерного развития государственной организации и экономики СССР к социализму. Отсюда неизбежность известного отставания государственной организации от экономики. Указанное противоречие выступает крайне выпукло, являясь блестящим образцом диалектического развития.

Начиная с октября 1917 года политические формы нашей страны представляют собой действительный скачок в будущее. У власти очутились угнетенные классы. Но экономика не «скачет». Старый государственный аппарат ~~эксплоататорских~~ классов мы сломали и бесповоротно сдали в архив. Экономические отношения мы также перевернули, но создание новых общественных отношений требует гигантского развития производительных сил. Исходный пункт развития, таким образом, следующий: социалистическое государство пролетариата в условиях отсталых, не-

однородно социалистических отношений. На первом этапе социалистическое государство служит решающим рычагом в деле социальной реконструкции хозяйства. На первом этапе пролетарской диктатуры государство по своему социальному определению находится впереди экономики. Таково же положение и теперь, если брать вопрос статически: советское государство представляется, как высший гребень поступательного рабочего движения, в то время как советская экономика еще почти целиком базируется на производительных силах, унаследованных от капитализма.

Но динамически отношения государственной организации и экономики союза иные. После того, как наша государственная организация сослужила службу мощного рычага реорганизующего хозяйство на новых социальных основах, она превратилась в охранительный щит, в защитный панцырь новой экономики. Эта главнейшая социальная функция нашего государства обостряет требование революционной законности, диктует всемерное укрепление начал государственности и насилия, как средства обороны и наступления социалистической экономики против капиталистических отношений, и приводит к намеченному выше противоречию между экономическим строительством социализма и государственным строительством безгосударственного общества.

Наше государство по своему типу строго различается от буржуазных государств тем, что оно не только охраняет известный строй экономических отношений, но само пронизано во всех своих звеньях экономическим элементом. Хозяйственная деятельность буржуазным государством лишь регулируется, у нас же является составным элементом государственной организации (тресты, синдикаты, и пр.) и изменение организационных форм хозяйствования неизбежно приводят к изменениям в системе госорганов, благодаря тому, что наше государство осуществляет собственность общества на средства производства, оно скрывает в себе тенденции постепенного превращения из политической организации в хозяйственную. «Госплан» без органов принуждения, т.-е. без приставки «гос» ведь и есть орган будущего регулирования общественной жизни.

Однако, указанное «перерождение» нашего государства из политической в хозяйственную организацию не происходит и не может происходить гладко, без прений, без противоречий.

Основанием этого процесса является экономический рост социализма, проводимая нашей партией политика индустриализации, перевод мелкого товаропроизводителя на рельсы крупного социалистического хозяйства. Чем больше будет возрастать хозяйственная мощь социализма в нашей стране, тем больше преобладание получат хозяйственные элементы над политическими в нашей государственной организации.

Отсюда необходимо делать вывод, что экономическое строительство социализма обновляет ткани нашего государства, все более выдвигая на первый план хозяйственные элементы государственности.

Но мы не должны выйти за пределы фактов. В настоящих условиях социализм в нашей стране ведет ожесточенную борьбу с капиталистическими элементами, постоянно растущими из мелкого товарного производства. В этой борьбе социализму недостаточно опереться на свои экономические рессурсы; ему необходимо все более укрепляющаяся политическая сила—пролетарская государ-

ственность. Отсюда неизбежное противоречие в ближайший период между экономическим строительством социализма и строительством безгосударственного общества. Это противоречие безусловно разрешимо на основе современного нашего социального развития, но учет его является необходимым условием принципиального подхода к вопросам бюрократизма.

Это противоречие, как нам кажется, находит разрешение в различении двух элементов в нашем государственном строительстве: элемента, осуществляющего классовое насилие пролетариата, и другого элемента, выражающего сращивание пролетариата с государством и намечающуюся тенденцию растворения государства в обществе. Само собою, что эти два элемента нашего государственного строительства теснейшим образом связаны и, именно, обусловленность развития государственной организации в целом первым элементом определяет отставание государства и невидимость на первый взгляд его исторического шествия «в музей древности рядом с прялкой и с бронзовым топором» (Энгельс).

С другой стороны, именно, в силу того, что наше государство осуществляет классовое насилие пролетариата над имущими классами, оно особенно близко угнетенным и трудящимся массам и имеет все предпосылки для сращивания трудящихся масс с государством, подготовляя растворение государства в обществе.

Под этим углом зрения особенное значение приобретает тот факт, что на ряду с усилением начал государственности, как и органов насилия,—наша партия проводит борьбу с бюрократизмом, направленную к вовлечению широких масс рабочих и крестьян в государственное строительство. В том-то и своеобразие нашего типа государства,—последнего в истории государств,—что укрепление его органов насилия или его все большее огосударствление идет рука об руку с вовлечением трудящихся в советское строительство, или, если можно так выразиться, с все большим «обезгосударствлением».

Бюрократизм не только во всех порах советской системы, но и у всех на губах. Борьба с бюрократизмом ведется упорная, жестокая; по крайней мере все о нем говорят.

Бюрократизм имеет много форм проявления и кроме их «внутреннюю сущность». Бюрократизм это сифилис в соединении с чесоткой.

Бюрократизм, как чесотка—это волокитство, чванство, самодурство чиновников и много других форм, которые мозолят всем глаза, «чешутся» и вызывают общее недовольство.

Бюрократизм, как сифилис, это его «внутренняя сущность», часто невидимая, но создающая прочный барьер между массами трудящимися и государством, отчуждающая их все больше от него. В этой области он часто невидим, но его разрушительная работа в организме советского государства страшнее всего для нас.

Как известно, форма проявления и сущность вещей тесно связаны между собой. Но различать их в данном случае нам нужно вот для чего:

Чванство, волокитство и проч. имеются и в западных государствах. *И буржуазия западноевропейская ведет не менее упорную, а во многих случаях и более успешную борьбу, чем мы с внешними формами проявления бюрократизма.* Для того, чтобы государство успешно отстаивало и представляло интересы какого бы то ни было господствующего класса, необходимо, чтобы его

аппарат был достаточно эластичен, гибок и налажен. Когда немецкий бюргер приходит в какую-нибудь канцелярию, он так же, как и наш рабочий, требует, чтобы его внимательно выслушали, чтобы его зря не задерживали, чтобы его делу был дан быстрый и правильный ход.

Проблема бюрократизма со стороны его внешних форм есть проблема культурной организации госаппарата. Чесотка бюрократизма—враг всякого культурного государства, будь оно на Западе или на Востоке. Но и в самой культурной и цивилизованной буржуазной стране внутренняя сущность бюрократизма, барьер между трудящимися и государством, бюрократизм, как сифилис, является социальной основой государства. *Этот* бюрократизм там не замечают, с *этим* бюрократизмом там не борятся.

У нас, в Советском Союзе, приходится учесть еще одно важное обстоятельство.

Самые различные классы СССР приемлют лозунг борьбы с бюрократизмом. Нэпман, платящий налоги в финотделе, кулак, тягающийся с обществом в волземкомиссии, батрак, обращающийся в отдел труда, и рабочий, ходатайствующий в наробразе о принятии его детей в школу—в равной мере требуют от нашего госаппарата четкости в работе, быстроты в исполнении и вежливого обращения. В борьбе с внешними формами проявления бюрократизма, в борьбе за культурный цивилизованный государственный аппарат выступают самые различные классы советской страны. Но в борьбе против самой сущности бюрократизма, в борьбе за вовлечение трудящихся в активное государственное строительство заинтересованы только пролетарии и беднейшие крестьяне. Борьба кулака и нэпмана в этой области есть борьба за свою эмансипацию от пролетарского государства. Под видом борьбы с бюрократизмом кулак и нэпман требуют освобождения от регулирования их общественной жизни рабочим государством. Не приходится говорить, что прямо противоположны классовые интересы пролетариата.

Вот почему борьбу с бюрократизмом надо рассматривать глубоко принципиально. Надо оттенить *особые* интересы пролетариата строящего социализм в проводимой борьбе с бюрократизмом. Коренной принципиальный интерес пролетариата в этой борьбе—это «обобществление» государства. В этой борьбе пролетариат стремится проложить пути к будущему безгосударственному обществу.

* * *

Учение Ленина о государстве есть учение о переходе от буржуазной демократии к пролетарской демократии и от пролетарской демократии к преодолению государства. Захват власти рабочим классом превращает государство «в нечто такое, что уже не есть государство» (Ленин). Ленин вложил живой смысл в слова Энгельса об отмирании государства. «Чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобность в этой власти» (Ленин).

Установление советской власти есть первый шаг человечества по пути отмирания государства.

Энгельс говорил о государстве, что это «сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него». Из этого энгельсовского определения государ-

ства ясно, что государство, все более приближающееся к обществу (пролетарское, советское), не есть государство в собственном смысле этого слова. Развитие пролетарского государства означает все увеличивающуюся степень растворения государства в обществе. Разбивая государственную машину буржуазии, пролетариат создает органы подавления эксплоататорских классов, но ни в какой степени не ставит себе целью создание таких органов эксплоатации, которые бы стали над трудящимися массами. Основа основ ленинского учения о государстве заключается как раз в том, что свое государство пролетариат строит не по образу и подобию буржуазии.

Наш рост за десять лет настолько значителен, что позволяет нам сделать *второй шаг* по пути отмирания государства. Этот шаг будет заключатся в решительном установлении контроля рабочих и крестьянских масс над повседневной деятельностью советских органов. При переходе к нэпу, Ленин учил партию сочетать нэп, свободную торговлю для крестьян с расстрелами меньшевиков. Нам действительно нужно научиться сочетать самые строгие кары для тех, кто прямыми или окольными путями борется с пролетарской диктатурой с таким широким демократизмом для рабочих и крестьян, который может себе позволить только наше пролетарское государство.

Если, таким образом, вопрос о бюрократизме взять в большой исторической перспективе, то неизбежно получится, что начатая нами сейчас особенно упорная борьба с бюрократизмом имеет своей целью не только немедленное уменьшение до минимума волокитства, чванства и прочих добродетелей нашего госаппарата, но является борьбой за проведение нашей программы в области государства, за неуклонное направление вперед процесса отмирания государства.

Могут возразить, что отмирание государства не есть декретируемое аннулирование государства и что оно не «делается», а есть об'ективный процесс и пр., и пр. Однако, если правильно, что отмирание государства нельзя декретировать, как этого хотели бы анархисты, все же величайшим предрассудком было бы думать, что отмирание государства не «делается», как это проповедуют оппортунисты всех оттенков. Опыт нашей революции показал, что отмирание государства, именно, «делается» и весь исторический смысл нашей борьбы с бюрократизмом как раз заключается в руководстве этим делом.

* * *

Один из главных исходных пунктов ленинизма заключается в признании огромных творческих сил массы. Это одновременно и принципиальная основа ленинизма и должна быть практической характеристикой советского государства. «То обстоятельство, что в России создалась советская власть, показало, что богаче всего революционным опытом является сама революционная масса, когда на помощь немногим десяткам партийных людей являются миллионы, сама практически за горло берущая своих эксплоататоров» (Ленин, т. XV, стр. 77).

На всем протяжении борьбы за завоевание и сохранение власти, красной нитью проходит основная сила нашего государства— его массовость, то, что оно опирается на толщи рабоче-крестьянских масс. Создателями нового общества «могут быть только многомиллионные массы. Как сотни были этими создателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном и непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов» (Ленин, т. XVI, стр. 23).

Борясь не только с волокитством и чванством, не только за культурный государственный аппарат, но за его все большее орабочевание, за все большее подчинение его контролю рядовых рабочих—мы выполним те *особые* классовые задачи, которые встают перед пролетариатом в настоящих условиях в области борьбы с бюрократизмом.

При этом нашей целью должно быть не только укрепление низовых ячеек советской власти и их демократизации, но и изобретение новых форм привлечения рядовых рабочих в госстроительство, контроля рядовых рабочих деятельности госорганов.

При обследовании РКИ какого-либо треста следует включить в комиссию выделенную для этого обследования, представителей рабочей массы, специально избираемых общим собранием рабочих. При этом нарушится «конституция», сводящаяся к тому, что во всякие такие комиссии вводится официальный представитель организации, зачастую также обюрокраченной и оторвавшейся от массы. Но если «конституция» нарушится—тем лучше.

Я думаю, что уж действительно лучше демократия без «конституции», чем «конституция» без демократии.

Нам лишь нужны гарантии, что такая политика не ослабит существующие рабочие организации, ибо рабочая демократия может приводиться лишь в организованных формах. Однако мы думаем, что демократизация существующих организаций возможна лишь при развязывании инициативы рабочих *снизу*. В наших условиях, где всяких правовых гарантий для рабочей самостоятельности достаточно, необходимо лишь решительное и смелое развязывание инициативы рабочих и беднейших крестьян. Приобщение рядового рабочего непосредственно к государственному строительству, хотя бы и не через его низовые организации, в конечном счете укрепит эти организации и будет способствовать освобождению их от бюрократических, по существу, буржуазных наслоений.

Почему, скажем, не направиться сотням рядовых рабочих нескольких заводов в школы, чтобы обследовать состояние народного образования с тем, чтобы предложения этих *рядовых* рабочих действительно легли в основу действительных улучшений дела народного образования. Возьмем худший и почти невозможный случай: сотни рядовых рабочих, выразивших желание обследовать школы, оказались в большинстве религиозными. Они пришли к выводу необходимости преподавания в школах закона божьего. Мы нарочито выбрали случай в пролетарской среде почти невозможный. Но предположим, что так случилось, что двести или триста рядовых рабочих потребовали введения «боженьки» в нашей школе.

Что тогда? Разогнать, принудить рабочих взять предложение обратно? Или поглумиться над бессознательностью рабочих?

— Это было бы верхом бюрократической глупости. На деле такой оборот обследования лишь означал бы для партии необхо-

димость мобилизовать свои лучшие пропагандистские силы и на широкой рабочей конференции суметь *убедить* рабочих в правильности нашей политики народного образования.

У нас на каждом заводе есть партдень, профдень, день молодежи и проч. Почему бы не установить день в неделю, или на первое время хотя бы в месяц для всех рядовых рабочих, и организовать обмен мнениями о недостатках нашего госаппарата с тем, чтобы деловые предложения рабочих легли в основу действительных улучшений? В этих беседах будет воспитываться новое поколение рабочего класса, нераздельно руководящего государством.

Корреспонденция из Харькова сообщает, что в последнее время там начали практиковать регулярные выезды групп ответственных работников на предприятия, где на общих собраниях рабочих обсуждаются наши «маленькие недостатки». Эти собрания проходят с большим успехом. Для начала возьмем дефекты аппарата, тормозящие работу данного предприятия. Это будет актуально и близко рабочим.

Самое важное заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых предложения рабочих не оставались под зеленым сукном, а быстро продвигались к осуществлению. Каждый «советский день» даст по всей СССР тысячи дельных и важных предложений рабочих об улучшении нашего госаппарата во всех его областях. Действительное осуществление этих предложений сблизит рабочие массы с госаппаратом.

РКИ может целый ряд *важнейших* государственных ревизий переносить на вечернее время, с тем, чтобы рядовые рабочие, специально избранные на общих собраниях, принимали участие в этих ревизиях.

Рабочие, проделав свою работу в РКИ, будут докладывать о результатах избравшему их общему собранию. Резолюции общих собраний рабочих по докладам своих представителей должны служить важнейшим материалом при вынесении РКИ своих решений. Таким образом, будут втягиваться все большие круги рабочих в государственное строительство, таким образом, мы будем продвигаться по пути отмирания государства.

Может быть, это кажется мелким, примитивным и незначительным. Это нас не должно пугать. Крайне интересно, что в большевистской литературе девять лет тому назад писалось об этом: «переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?) (Ленин, т. XIV, стр. 331).

Боязнь масс совершенно чуждая нашей партии болезнь. Инициатива и самодеятельность рабочих масс величайшая сила, способная сокрушить любое сопротивление эксплоататоров. Эту силу нам надо постоянно выращивать.

Систематическая борьба с бюрократизмом будет успешно проводиться лишь в том случае, если мы найдем соответствующие организационные формы для втягивания действительно широких масс в государственное строительство, если мы обратимся «туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры» (Ленин).

Дм. Т. Мерфи.

Ирландия прежде и теперь.

Из всех наций, подпавших под английское владычество, ни одна не оказывала такого длительного и упорного сопротивления англичанам, как ирландская. История Ирландии за последние 7 столетий является рекордной по количеству восстаний и сильнейших повстанческих движений. Почти каждое ирландское поколение принимало участие в вооруженной борьбе за освобождение Ирландии из когтей Англии. Необходимо сказать несколько слов об этих боях для лучшего уяснения событий теперешнего времени.

История этих боев за освобождение Ирландии распадается на три определенных периода. Четыреста лет тому назад борьба велась не только за независимую Ирландию. Борьба шла между двумя социальными системами, между ирландскими кланами, основывавшимися на принципе совместного владения землей, с одной стороны, и английским феодализмом—с другой. До насильственного разрушения клановой системы, происшедшего в 1649 году, вся земля, за исключением незначительной полосы вокруг столицы, Дублина, находилась в общинном владении. С падением клановой системы ряды ирландской аристократии заполнили иностранцы и ирландцы, предавшие народное дело, и руководство ирландским освободительным движением перешло в руки средних классов. Эти классы руководили движением до самого последнего времени, и в самый мощный и здоровый период своего развития это движение велось на основе принципов французской революции. Хотя руководство национальным движением находится еще и сейчас в руках средних классов, состоятельных фермеров и проч., нужно подчеркнуть, что возникновение ирландского рабочего классового движения является важным этапом в развитии ирландской освободительной борьбы.

Это последняя фаза исторического развития имеет огромнейшее значение и, хотя ирландское рабочее движение подвергалось многим переменам и им руководят теперь социал-демократы самого худшего пошиба, оно было создано революционными социалистами Джемсом Конолли и Джемсом Ларкином, внесшим свет марксизма в ирландскую историю. Они, и в особенности Конолли, выявили роль классов в национальной борьбе и доказали, что «ирландский рабочий класс является неподкупным продолжателем борьбы за освобождение Ирландии». До этого времени борьба в Ирландии была по существу, в лучших и наиболее широких своих проявлениях, борьбой крестьян, руководимых идеалистами и политиками из средних классов. В худшем своем периоде это была борьба политиков из средних классов, поддерживаемых наиболее храбрыми и сознательными бедными крестьянами и горожанами, плененными лозунгом свободы. Но всегда

и во всех фазах борьбы ирландские крестьяне вели борьбу с английскими и ирландскими землевладельцами-предателями. Всегда существовали организации, как, например, «дубовые парни», «стальные парни», «белые парни», «добровольцы», «об'единенные ирландцы», «фении», «сельская лига» и т. д., революционная борьба которых за свободу с помещиками-предателями полна глубокого интереса. Не забудем, что теперешний парламент «Свободного государства Ирландии» не является первым ирландским парламентом. Вооружение нации, проведенное добровольцами в 1778 году, когда Англия была занята войной с Америкой, заставило англичан пойти на уступки и разрешить созыв «Греттенского парламента» (по имени героя ирландского освободительного движения Генри Греттена). Правда, усилившаяся буржуазия предала это движение, захватила в свои руки руководство, обезоружила добровольцев и отдала Ирландию в руки Англии. Тем не менее, национальное движение за независимость достигло тогда кульминационной точки и почти добилось своей цели. Роль классовых сил в этой борьбе и характер парламента метко очерчены Вольфом Тоном, руководителем последующего великого движения об'единенных ирландцев, искавшим помощи французской революции в своей борьбе с английским господством. Он писал в знаменитом манифесте:

«Революция 1782 года была революцией, давшей возможность ирландцам продать за более высокую цену свою честь, честность и интересы своей страны. Это была революция, которая одним ударом удвоила состояние каждого лавочника в королевстве, оставив три четверти наших земляков — ирландцев в том рабском состоянии, в каком они были и раньше, и правление Ирландией в порочных, презренных руках людей, занимавшихся всю свою жизнь тем, что унижали и грабили страну. Больше того, некоторые из них хотя и безуспешно решительно отдавали свой голос против нашей славной революции. Кто из старых врагов страны потерял свою должность или пенсию? Кто из рядов оппозиции был призван к власти? Никто. Власть осталась в руках наших врагов, которые опять пользовались ею для того, чтобы нас разорять, с той только разницей, что раньше нам причиняли беды, обиды и оскорбления англичане бесплатно. Теперь же мы за все это платим очень дорого, так как это идет через руки ирландцев и нам теперь еще хуже, и этим мы гордимся и это мы называем революцией». (Коноллп, «Рабочие в ирландской истории»).

Тон считал возможным применить принципы французской революции в Ирландии. Он принял лозунги и программы французской революции для своей страны и призывал «об'единенных ирландцев» работать совместно с революционными организациями Англии и континента. Финтон Лелор и Джон Митчель, следовавшие по стопам Вольфа Тона, настаивали на том, что социальное восстание является единственно возможной основой для национальной революции. Более близкие нашему времени фении и Роберт Эмет были еще ближе к «низшим классам». Маркс пишет следующее о фениях:

«Известно, что к фенианству относились с нескрываемой неприязнью, если не со смертельной ненавистью, не только помещики и правящие классы, но и католическое духовенство, средние католические классы и значительное большинство фермерских классов. Лишь наиболее молодые и сознательные элементы рабочего класса и молодежь, живущая более скромной жизнью ремесленника или рабочего, относились к нему с симпатией». (Маркс, «Капитал», том I).

Вольф Тон, Финтон Лерор, Джон Митчель, Роберт Эмет являются идолами теперешнего республиканского движения, но необходимо открыто заявить, что мелкая буржуазия, интеллигенция и дети фермеров, руководящие синфейнерским и республиканским движением, пользуются этими именами, чтобы привлечь симпатии бедных крестьян, неимущих и городских рабочих к национальной борьбе и отвлечь их от социальной борьбы. Почти каждый номер газет, издаваемых республиканским движением, партией Фианна Фейл (партией до-Валера), синфейнерами, ирландской республиканской армией и другими, полон воспоминаний об этих ирландских мучениках и цитат из их сочинений. Но ни одна из этих организаций не дала вождя, который указал бы их истинное историческое значение, который проник бы в глубь вещей и указал бы связь между национальной освободительной борьбой и борьбой классов. Они лепечут о проклятой присяге, о своем страхе быть оскверненными контактом с англичанами, отказываются итти в парламент и создают подпольные военные организации, которые при нынешней программе этих организаций не приносят никакой пользы. Они хотят гражданской войны, готовы терпеть преследования и позволяют заключать в тюрьму и расстреливать лучших представителей Ирландии, лишь бы не присягать на верность английской короне. При этом ни партия Фианна Фейл, ни синфейнеры, ни ирландская республиканская армия не имеют представления о программе, которая облегчила бы нужду безземельных крестьян и освободила бы бедных крестьян от непосильных налогов. Ни слова о праве собственности на землю и распределении земли, ничего для тысяч безработных в городах, ни слова против капиталистической эксплоатации, ни слова о том, как с этой эксплоатацией покончить, ни слова об отношении всех этих вопросов в борьбе за независимость.

Так было и в период перед империалистической войной 1914 г., за исключением того, что ирландская буржуазия возглавляла движение за гомруль (самоуправление) и открыто стремилась превратить Ирландию в современное буржуазное государство, обещая облегчить положение крестьян и дать работу городским рабочим. В такой обстановке появились Коноллп и Ларкин, сорвавшие маску национального единства и разоблачившие предательство и эксплоатацию рабочих и крестьян со стороны буржуазии. В особенности Коноллп дал справедливую оценку всем ирландским вождям, пролил свет марксистского толкования на ирландскую историю и показал, что ирландский рабочий класс является подлинным стражем и носителем борьбы за ирландскую независимость.

Идеи порвали с традициями, и национальное движение подпало под их влияние. Они встряхнули многих республиканцев, они подняли ирландских рабочих и повели их вперед. И когда Коноллп повел небольшую кучку дублинской армии ирландских граждан впереди национальных добровольцев во время восстания 1916 года, пал сам Коноллп, запечатлев, таким образом,

свои слова своей кровью. Таким образом, когда на арену национальной борьбы выступил ирландский рабочий класс в качестве определенной социальной силы, история вступила в новую фазу, и борьба за независимость Ирландии получила новое направление.

Проводя свою программу активной деятельности, эти вожди ирландского рабочего класса были, без сомнения, пионерами, передовым отрядом рабочего класса, которому нужно было еще привить эти идеи и которого еще нужно было подготовить к тому, чтобы жертвовать жизнью за существование этих идей. Но прежде, чем указать связь между теперешними событиями и деятельностью этих ирландских революционеров необходимо рассказать о том развитии, которое непосредственно предшествовало теперешнему ирландскому кризису.

Незадолго до империалистической войны ирландская буржуазия руководила национальным движением гомруля (самоуправления), возглавляемым Гриффитсом, Редмондом и ирландскими синфейнерами. Партия гомруля развила мощное движение за восстановление в Ирландии законодательного собрания, при посредстве которого она надеялась сохранить ирландский рынок для ирландской промышленности и «об'единить все классы в единой нации». Хотя это движение вызвало интерес среди самых широких народных масс, вожди его доказали свои буржуазные симпатии во время большого дублинского локаута 1913 г. Несмотря на то, что эта колоссальная борьба, которая велась под руководством Конолли и Ларкина, обратила на себя внимание не только ирландского народа, но и всей Англии, Гриффитс и Редмонд не сказали ни одного слова в защиту этой борьбы. Английское правительство договорилось с этими элементами. Билль о гомруле прошел в Англии после того, как новая фаза развития буржуазных сил дала совершенно новый оборот событиям в Ирландии. Английские промышленники и землевладельцы в Ульстере и в северной Ирландии немедленно решили оказать вооруженное сопротивление новым законам. Их движение возглавлялось сэром Эдуардом Карзоном и поддерживалось теперешними членами английского консервативного правительства лордом Биркенхедом, сэром Джонсоном Хиксом и др. Они были пионерами при организации ульстерских добровольцев, подготовлявших восстания среди офицеров и все время связывавших руки правительства в вопросах законодательства.

Это создало новую ситуацию в рядах синфейнеров и сторонников гомруля. Защитники гомруля растворились в синфейнерском движении и последнее приступило к организации ирландских добровольцев в национальном масштабе. Ирландские массы немедленно откликнулись, и это крупное политическое движение в короткое время привлекло на свою сторону значительные вооруженные силы и, когда наступило 4 августа 1914 г., почва для конфликта была готова.

Буржуазные вожди снова ясно показали, что они борются не за ирландскую независимость, а за свои собственные карманы. Редмонд агитировал за вступление ирландских добровольцев в английскую армию и стал, на ряду со многими другими представителями ирландского национального движения, сержантом по набору солдат в английскую империалистскую армию. Это раскололо добровольческое движение. Редмонд и его сторонники были изгнаны из временного комитета и во главе ирландских

добровольцев стали проф. Мак Ниль и Патрик Пирс. Наступили мрачные дни для ирландского освободительного движения и. казалось, что все погибнет под мощной лапой британской империи.

Этот мрак был рассеян восстанием 1916 г., руководимым Конолли и Патриком Пирсом. Оба они—революционный социалист и ирландский идеалист—были убеждены в том, что Ирландия должна воспользоваться тем, что Англия занята войной, чтобы начать борьбу за свою свободу. Оба решили во что бы то ни стало поднять в Ирландии вооруженное восстание против английского господства, пока война еще не закончена. В начале 1916 г. им удалось распространить свое влияние на ирландских добровольцев. День восстания был назначен на пасхальное воскресенье 1916 г. Они надеялись на то, что все ирландские добровольцы, насчитывающие много тысяч человек, одновременно захватят общественные учреждения и власть в крупных городах.

Но узнало ли английское правительство, благодаря измене, об этих планах или по другой причине, но план не удался, и лишь тысяча человек появились в этот роковой день на улицах Дублина. Несмотря на расхождение в мнениях Конолли примкнул к ирландским революционерам со своей маленькой гражданской армией, образованной из рабочих ирландского профсоюза транспортников. Борьбой руководил, без сомнения, Конолли. По истечении нескольких дней тяжелой борьбы ирландцы были разбиты. Конолли и ряд других видных товарищей были расстреляны в Дублине, по распоряжению английского правительства, в состав которого входил и секретарь английской рабочей партии Артур Гендерсон.

Всего лишь пять дней развевался флаг ирландской республики над некоторыми правительственными учреждениями Дублина, но декларация и цель, ради которой эти люди выступили, подняли ирландский народ на одно. из величайших в ее истории восстаний. Началось колоссальное брожение и в конце империалистической войны в 1918 г. народный плебисцит подтвердил существование республики, основанной в пасхальную неделю 1916 г. В январе 1919 г. было созвано на основании прежних решений национальное собрание и это национальное собрание начало функционировать, как парламент республики, основанной в пасхальную неделю.

Это привело к длительной борьбе с Англией, которая вновь пыталась задушить вооруженной силой стремление ирландского народа к независимости. В 1922 г. ирландские вожди приняли колониальный статут для 26-ти ирландских графств и таким образом было основано Свободное государство Ирландии. Это раскололо республиканские силы, и круги, руководимые Де-Валера, отказались признать это соглашение. Они отвергли разделение страны на две части, отказались принести присягу и пытались сохранить республику 1916 г.

Рабочая партия проводила самую гнусную политику во все время этой борьбы и после гибели Конолли. Вместо того, чтобы следовать за Конолли, занявшего со своей пролетарской кучкой передовые позиции национальной борьбы и старавшегося показать, что только там место для пролетариата в национальной борьбе, они даже не осмелились протестовать против его казни, и когда началось новое движение, они оказались в хвосте националь-

ного движения, даже позади его буржуазных вождей. Не приходится поэтому удивляться, если они одобрили заключенный договор с Англией и начали помогать правительству Свободного государства в его борьбе с республиканцами.

Ситуация, таким образом, переменилась, и война ирландцев против англичан превратилась в гражданскую войну, в которой республиканцы продолжали бороться за независимость, а сторонники Ирландского Свободного государства старались с помощью английского империализма сокрушить тех, кто поддерживал первоначальную программу движения.

Англии, таким образом, удалось расколоть Ирландию на 3 части: 6 Ульстерских графств были отделены от Свободного государства и сохранили представительство в английском парламенте, в то время, как Свободное государство разделилось между теми, кто принял соглашение с Англией, и теми, кто поддерживал республику 1916 года. Когда произошли первые выборы в парламент Свободного государства, республиканцы, руководимые Де-Валера, боролись против этих выборов, отказываясь вступить в парламент Свободного государства и принести присягу. Они хотели создать большинство, которое признало бы весь аппарат Свободного государства ликвидированным и создало бы при помощи Ирландской республиканской армии республиканский правительственный аппарат.

Этот план не удался и делами Свободного государства ведают уже в течение нескольких лет сторонники партии Косгрева (премьер-министр Ирландии) вместе с рабочей партией, фермерской и, наконец, небольшой партией, возглавляемой Редмондом, сыном старого вождя движения гомруля, в то время как члены партии Де-Валера, выбранные в парламент, отказались занять там свои места. Таковы события, предшествовавшие последнему кризису, когда после всеобщих выборов, во время которых Де-Валера боролся за свои требования, создалась новая обстановка и его партия решила проводить новую политику и вступить в парламент Свободного государства.

События, сопутствовавшие этой неожиданной перемене, таковы: один из министров Свободного государства О'Хигинс был неизвестно кем убит. Правительство было того мнения, что О'Хигинса убил республиканец, но республиканцы категорически отрицают свою причастность, порицая убийство так же горячо, как и члены правительства. Тем не менее, правительство воспользовалось этим событием, как предлогом, для издания новых законов, призванных разгромить республиканское движение, обязующих всех членов парламента принести присягу, лишающих депутатского звания тех депутатов, которые отказываются работать в парламенте—короче говоря, создающих диктатуру в целях уничтожения республиканской армии и ликвидации партии Де-Валера и других республиканских групп. В ответ на это партия Де-Валера единодушно решила принести присягу и вступить в парламент.

Интересно отметить и следующие характерные факты. Еще до этого решения рабочая партия просила Фианна Фейл (партию Де-Валера) отказаться от своей политики изоляции и вступить в парламент. На митинге протеста против новых законов т. Ларкин также просил республиканцев вступить в парламент и бороться там с новыми законами. Позже Ларкин и Де-Валера встретились на конференции, которая практически не привела к каким-либо результатам. После этого вожди рабочей партии вместе с вождем группы Редмонда совещались с Де-Валера и было решено, что в случае, если республиканцы вступят в парламент и правительство потерпит поражение, республиканцы будут поддерживать коалицию рабочей партии с группой Редмонда. Но эти планы не осуществились, правительство удержалось у власти благодаря тому, что голоса разделились поровну, и председатель парламента, имеющий в этом случае решающий голос, высказался за правительство. После этого правительство еще более усилилось благодаря двум новым представителям, выбранным на дополнительных выборах в Дублине. На этих выборах правительственная партия получила значительное большинство, и в одном месте оно получило мандат, принадлежавший партии Де-Валера. После этого правительство немедленно решило назначить всеобщие выборы на 15 сентября.

Все говорит за то, что правительственная партия победит. Силы республиканцев еще более раскололись. Республиканская газета, раньше поддерживавшая Де-Валера, выступила теперь против него, и это является лучшим доказательством глубокого недовольства, царящего в кругах республиканцев. Синфейнерская группа, имевшая 6 парламентских мандатов, отвергает линию партии Де-Валера и отказывается выставить кандидатов на предстоящих всеобщих выборах. Дальнейшим новым фактором является появление ирландской Рабочей Лиги, которая, как мы теперь узнали, собирается выставить на этих выборах не меньше 6 кандидатов.

Каковы бы ни были результаты парламентских выборов, не подлежит сомнению, что мы вступили в новую важную стадию ирландской борьбы. Мы можем с полной уверенностью сказать, что события последних недель представляют собою не только саморазоблачение обанкротившихся мелкобуржуазных вождей республиканского движения, но они доказывают полную неспособность буржуазии, мелкой буржуазии, интеллигенции и элементов рабочей партии, которых отождествляли с ирландским движением за независимость, приблизить ирландские массы, хотя бы на один шаг к их освобождению. Мы можем далее сказать, что вряд ли в каком-либо периоде ирландской истории массы ирландских рабочих и крестьян имели худшее руководство и были жертвами более гнусного предательства.

В справедливости этого легко убедиться, если присмотреться к экономическому положению и к программам соответствующих партий. Когда вожди этого движения одобрили соглашение о создании Ирландского Свободного государства, это государство рассматривалось, как шаг к достижению ирландской независимости. Пять лет прошло с тех пор, как хозяином положения является правительство Косгрева и оказывается, что Англия давит теперь экономически на Ирландию еще хуже, чем раньше. Ирландские финансы не являются чем-то независимым, и тем не менее открыто признается, что теперешние скоропалительные выборы об'ясняются настоятельной нуждой в английском займе. Вся пропаганда в печати, поддерживающая правительство Косгрева, представляет собою призыв к спокойствию, которое обеспечивало бы успех предполагаемого займа. Но что изменилось во внутреннем положении в Ирландии? Освободило ли прави-

тельство «Свободного государства» крестьян от ига Англии? Отнюдь нет! Ирландские крестьяне попрежнему платят подати Англии за право пользования своей землей. Даже план мелкого землевладения теперешнего правительства основан исключительно на деньгах, занятых у англичан. Правительство надеется разрешить земельный вопрос и произвести передел земли путем покупки крупных имений за эти деньги. Эти участки будут потом отданы в аренду фермерам, которые должны будут погашать заем в зависимости от величины взятых ими участков. Этот план не является разрешением земельного вопроса в Ирландии, и проведение его в жизнь зависит исключительно от Англии. Серьезность вопроса о распределении земли видна из следующего факта: из 560 тыс. земельных хозяйств в Ирландии не больше 90 тыс. имеют 5 акров и выше. Таким образом, в Ирландии имеется 90 тыс. земельных участков с 11 млн. акрами земли и 470 тыс. хозяйств всего с 8 млн. акрами.

Общие статистические данные последних лет дают грустную картину. В 1923 г. общая сумма вкладов в банках равнялась 188 млн. фунт., в 1926 г. эта сумма упала до 158. В 1922 г. в Ирландии числилось $4^1/_2$ млн. жителей, а в 1926 г. число жителей понизилось до $4^1/_4$ млн. Это значит, что ежегодно эмигрирует из Ирландии 1,6 проц. населения. В десятилетие после голода прошлого столетия эмиграция не превышала 1,7 проц. населения. В 1920 г. пахотной земли в Ирландии было всего 2 млн., не считая лугов. В 1926 г. статистические данные говорят уже лишь о полутора милл. акров пахотной земли. Этот общий упадок проявляется и в скотоводстве, этой главной отрасли экономической жизни Ирландии, и в вывозе скота, являющемся главной экспортной статьей. В 1920 г. в Свободном государстве насчитывалось на фермах 8.771.577 голов скота; в 1926 г. это число упало до 8.214.000. Точные данные о безработице в городах не опубликованы, но можно думать, что число безработных доходит до высокой суммы—70—80 тыс. Что касается общего уровня зарплаты, то о нем можно судить по тому факту, что в большом «Шенонском плане» (постройке мощной электрической станции) неквалифицированные рабочие получают не свыше 23 шил. в неделю и что даже эта жалкая зарплата привлекает больше рабочих, чем требуется.

Что могут партии по этому поводу сказать? Правительство понизило подоходный налог, но ожидаемое оживление торговли не наступило, и правительство более чем когда-либо зависит от английских займов. Вот почему оно хлопочет о стабилизации положения для того, чтобы создать большие гарантии для английских денег. Что говорит рабочая партия? Она выражает свою готовность помочь правительству в его стараниях стабилизировать положение. Это доходит до того, что после убийства О'Хигинса вождь рабочей партии, мистер Джонсон, побежал к правительству и стал уверять премьер-министра в готовности рабочей партии сделать все возможное для того, чтобы доверие к власти не пошатнулось, и что она даже готова пойти на коалицию. Такова роль рабочей партии по отношению к правительству; ирландская же и английская буржуазия занимаются «дружелюбной критикой». На практике рабочая партия ничем не отличается от буржуазно-либеральной, за исключением того, что большинство ее членов принадлежат к рабочему классу.

Что сказать о Фианна Фейл—партии Де-Валера? Если из речей вождей этой партии выбросить все, что касается присяги, то останется очень мало. Мы не видим никакой программы, которая имела бы отношение к интересам безземельного крестьянства и переделу земли—ничего, что отличало бы их от буржуазных вождей, держащих в своих руках бразды правления.

Де-Валера даже не знает, должны ли ирландские фермеры платить тот налог, который с них взимают теперь английские финансисты. Как он, так и его сторонники могут говорить лишь о высоких жалованьях правительственных чиновников и о необходимости сокращения расходов. Теперешнее их заявление о готовности вступить в парламент ясно показывает, что они отказались и от тех революционных стремлений, которые они когда-то имели и, таким образом, разница между Де-Валера и Косгревом невелика. Вожди Фианна Фейл открыто заявили, что их решение вступить в ирландский парламент вызывается не стремлением вести революционную борьбу в парламенте за интересы ирландских бедных крестьян, представляющих главную массу партии, а желанием *избежать революционной борьбы*. Их требование начать переговоры относительно присяги следует рассматривать, как попытку замаскировать свою капитуляцию, так как нет никаких данных, говорящих о том, что они намерены предпринять в случае, если английское правительство откажется внести те изменения, которых они хотят добиться путем этих переговоров. Де-Валера умолчал об этом вопросе, но его коллега Айкен, бывший одно время руководящим членом республиканской армии, ясно формулировал преследуемую цель. Согласно сообщению «Айриш Таймс», от 20 августа, он заявил в одной из своих речей на избирательном собрании:

> «Они пытались вовлечь нас в преждевременную революцию, но мы им дали понять, что мы не дадим себя втянуть в революцию тогда, когда они считают это удобным. Единственной альтернативой революции было вступление в парламент. При этих условиях мы вступили в парламент и пытаемся взять в свои руки правительственный аппарат и взять его из рук тех, которые являются плохими представителями ирландского народа».

Предложив единственную экономическую меру, заключающуюся в уменьшении правительственных расходов, он заявил дальше:

> «Если ирландский народ будет с нами, мы надеемся добиться об'единения всех вооруженных сил Ирландии как на севере, так и на юге. В течение нескольких месяцев мы добьемся об'единения всех вооруженных сил 26-ти графств».

Он умолчал о том, как они собираются добиться об'единения этих 26-ти графств. Повидимому, он думает, что как только будет создано правительство Де-Валера, все его будут поддерживать, и английское правительство и вообще все признают Ирландскую Республику. Ни слова о том, как они об'единят север и юг при наличности ожесточенной оппозиции со стороны севера и сопротивления, которое английское правительство безусловно окажет при первых попытках правительства Де-Валера изменить соглашение 1922 г. При настоящих условиях он не желает гражданской войны, в виду наличности сил борющихся с респуб-

ликанцами, но он считает, что *весь* ирландский народ, включая и противников республиканцев, готов начать войну с Англией. Это значит, что Айкен так же, как и Де-Валера, прикрывают свое отступление фразами. Оба они умалчивают о том, что средние классы, руководимые Фианна Фейл, устали от борьбы с правительством Косгрева и стремятся к компромиссу, который может быть достигнут лишь при предательстве интересов революционных рабочих и крестьян, оказывавших им свою поддержку.

Что касается синфейнерской партии, то она приписывает все злоключения Ирландии англичанам и не говорит ни слова о глубоких социальных проблемах, стоящих перед ирландскими массами.

Тем не менее, в рядах этих партий происходят сдвиги. В рядах республиканцев появляются новые социальные идеи. В органе республиканцев «Репюблик» появляются в последние месяцы много статей о рабочих и крестьянах и перепечатываются статьи Джемса Конолли. Недавно там появился очерк о жизни Ленина и ряд смелых заявлений о военной опасности, из коих ясно видно, что многие республиканцы мечтают о новом руководстве, которое заботилось бы о нуждах неимущих классов. Так, например, О'Доннель пишет 10 июня в «Репюблик»: «Добровольцы думают о революции, и нация им поможет ее сделать. Богатые люди—плохие революционеры. Необходимо собрать широкие массы рабочих и крестьян, которые последуют за Фианна Фейл (синфейн) для создания правительства».

Но О'Доннель считает рабочий класс и крестьянство скорее средством для подталкивания вперед вождей средних классов, чем живой силой для борьбы, ибо он говорит: «Движение средних классов вперед опирается на рабочих, но одно это движение вперед не является нашей целью, и рабочие, начинающие толкать вперед, не должны это непременно сознавать». Это характерно для многого, что появляется в этой газете. В №, от 12 августа, там напечатана статья—«Могут ли рабочие и крестьяне об'единиться», призывающая к реорганизации трэд-юнионов и организации крестьян, но ничего не говорящая о том, что эти организации должны делать, когда они будут созданы. Этот орган тесно связан с республиканской армией и, без сомнения, связан с неимущими крестьянскими элементами, которые глубоко затронуты новым поворотом вождей Фианна Фейл. Полное отсутствие политической программы, которая бы распространялась на социальную жизнь Ирландии, неизбежно должно вызвать реакцию в рядах партии и ускорить процесс искания новых вождей.

Это делает вдвойне важным факт появления Ирландской Рабочей Лиги, руководимой т. Ларкиным. С тех пор, как Ларкин вернулся из Америки, идет колоссальная внутренняя борьба в движении ирландского рабочего класса. Трэд-юнионы раскололись, появились новые организации. Ларкин возглавлял ирландский профсоюз транспортных рабочих, отколовшийся от ирландского профсоюза неквалифицированных и транспортных рабочих. Он основал Ирландскую Рабочую Лигу для пропаганды ирландской рабочей республики и ведет общую коммунистическую пропаганду. Мы не знаем, насколько эта организация сильна, но во всяком случае она является зародышем новой революционной партии ирландских рабочих. Достаточно вспомнить об описанном выше недовольстве масс и упомянутых выше социалистических симпатиях республиканцев, равно как и о положении дел в ирландском профсоюзном движении, чтобы притти к заключению о наличности подходящих условий и средств для развития подобной революционной партии.

Но для того, чтобы это сделать и превратить эту партию в большую массовую партию революционных рабочих, способную руководить большим движением рабочих и крестьян против буржуазии и землевладельцев Ирландии и Англии, необходимо работать на основе программы, которая об'единила бы в себе стремление к ирландской независимости со стремлением удовлетворить повседневные нужды рабоче-крестьянских масс. Но она не должна удовлетвориться одной лишь программой, которая включала бы следующие требования: 1) создание ирландской рабоче-крестьянской республики; 2) создание ирландской национальной милиции; 3) национализация земли; 4) полный передел земли среди крестьян; 5) национализация банков; 6) национализация транспорта и крупной промышленности; 7) государственный контроль внешней торговли; 8) восьмичасовой день для рабочих; 9) бесплатное обучение и т. д.

Она должна также использовать революционный опыт последних лет и решительно пустить в ход все средства для осуществления этой программы. Это так же важно, как и сама программа. Она ни в коем случае не должна повторять фразы ирландских революционеров, не считаясь при этом с теми условиями, которые господствовали тогда, когда эти фразы были сказаны, и с тем, применимы ли они при теперешних условиях. Партия должна продолжать работу, начатую Коноли и Ларкиным, и двигать ее вперед. Она должна научиться смотреть не только на одну Ирландию, но и видеть связь между Ирландией и событиями, происходящими за ее пределами.

Некоторые положения превратились почти в аксиомы для ирландских революционеров. Ни один ирландский республиканец или рабочий не верят в возможность создания Ирландской республики без применения вооруженной силы. Ни один ирландский республиканский вождь не верит в то, что ирландскому движению, каково бы оно не было, может когда-либо удаться добиться успеха в борьбе с Англией, когда последняя не будет находиться в войне с другой державой. Ирландские вожди уже издавна выдвинули лозунг: «затруднения Англии—это удобный случай для Ирландии». И они всегда об этом думали, когда Англия воевала. Они вспоминают о восстании 1782 г., теперь они снова думают о восстании 1916 г. и эта мысль у них постоянно в уме. Необходимо, чтобы ирландская революционная партия развивала эту идею более, чем когда-либо. Необходимо не только показать, что независимая Ирландия не принесет никакой пользы ирландским рабочим и крестьянам без программы, разрешающей социальные и политические нужды, но доказать, что такая социальная революция связана с борьбой за социальную революцию в Англии. Думать об Англии безотносительно к ее социальным классам так же гибельно для ирландских вождей революции, как думать об ирландской нации безотносительно к ее социальным классам. Буржуазия любит такой образ мыслей и она хотела бы, чтобы и ирландские рабочие и крестьяне рассматривали нацию, как нечто оторванное от классов. И только благодаря тому, что ирландские рабочие и

крестьяне неоднократно сознательно так поступали, они становились жертвами обмана со стороны других классов.

Невозможно думать об Ирландской республике независимо от одновременного движения ирландских и английских масс против английского имперского правительства даже и в том случае, если Англия будет занята войной с другой страной. Ирландские рабочие и крестьяне не имеют ни морского, ни воздушного флота, ни сильной армии, и было бы безумием надеяться на то, что ирландское движение, как бы оно не было единодушно, сможет противостоять колоссальной военной силе английского империализма, в особенности, если население Англии будет относиться индифферентно к судьбе Ирландии. Кто же в Ирландии может обратиться с призывом к социальным силам Англии? Буржуазия? Но одно упоминание этого класса является вместе с тем ответом. Мелкая буржуазия или интеллигенция? И тут видна безнадежность подобного призыва. Крестьяне? Но к кому они обратятся? К фермерам Англии—этой наиболее консервативной политической силе страны, если не считать буржуазии? Нет. Ирландские крестьяне не могут надеяться на успех, если они будут оторваны от рабочего класса. Если они соединятся с рабочим классом и пойдут под его руководством, то путь будет ясен не только для борьбы с их социальными врагами и эксплоататорами в Ирландии, но и для борьбы с их английскими угнетателями. Революционная солидарность ирландских рабочих и крестьян должна найти отклик в солидарности английского рабочего класса. Их интересы общие, и английский рабочий класс нуждается в содействии революционных борцов за ирландскую независимость в своей борьбе с английской буржуазией. Ирландская Рабочая Лига должна в случае, если она превратится в ирландскую революционную рабочую партию, работать в пользу этого союза бок-о-бок с английской компартией. Первой задачей Ирландской Рабочей Лиги при превращении ее в ирландскую рабочую революционную партию будет уничтожение оторванности ирландского революционного движения от английского и развитие этого революционного союза.

Когда наши ирландские товарищи поймут это и претворят это в жизнь, тогда история отметит, что важнейшим событием в Ирландии является теперь не начало распада Фианна Фейл, не банкротство мелкобуржуазного руководства этой партии и его капитуляция перед ирландской буржуазией и английским империализмом, а появление нового руководства ирландскими трудящимися массами и настоящих подлинных носителей ирландской независимости—борцов за создание ирландской рабоче-крестьянской республики.

П. Китайгородский.

Заметки о кемалистской Турции[1]).

Причины победы национальной революции в Турции.

Из всех социальных революций, разразившихся в результате империалистической войны 1914—1918 г. г., в целом ряде стран Центральной и Восточной Европы (России, Баварии, Венгрии, Финляндии) полностью победу одержала пролетарская революция на территории, площадью равной *одной шестой* земного шара, в стране Советов. Из всех национальных революций, возникших в силу той же империалистической войны в разных колониальных и полуколониальных стран Африки (Египет, Марокко), Азии (Индия, Сирия, Китай, Индонезия, Турция и др.) решительную победу одержала лишь национальная революция на территории, равной площади в 302.094 квадратных миль, в нынешней кемалистской Турции.

Успех национальной революции в Турции, в первую очередь, обусловлен Октябрьской революцией. Без победы Октябрьской революции в царской России немыслима была бы победа национальной революции в бывшей Оттоманской империи, в стране продажных султанов. Не будь у национально-революционной Турции гарантированного, спокойного советского тыла, равно как материальной и морально-политической поддержки советского правительства, кемалистская партия, носительница буржуазной революции, не могла бы добиться победы над внешними и внутренними врагами. Октябрьская революция является одним из крупнейших внешних факторов, содействовавших успешному завершению «первого этапа» национальной революции в Турции.

Не менее важным внешним фактором, благоприятствовавшим ходу победоносной национальной войны турецкого народа за независимость, явился *раскол* империалистического фронта, отсутствие общего языка в лагере «союзников»—Англии, Франции и Италии, тот самый фактор, на который указывал Ленин, фактор, значительно помогавший нам укрепиться и упрочить диктатуру пролетариата.

Но не только эти внешние факторы обусловили победу национальной революции в Турции. Были еще причины внутреннего порядка, а именно: анатолийское разоренное крестьянство, мелкие городские ремесленники и средняя анатолийская буржуазия, усилившаяся экономически во время войны, явились главными движущими силами национальной революции. В Анатолии, отрезанной военной оккупацией «союзников» от «первопрестольной» столицы—Константинополя, *пролетариата почти*

---

[1]) В периодической печати до сих пор давалось освещение кемалистской Турции крайне односторонне, останавливаясь на реформаторской деятельности ангорского правительства. В этой статье мы постарались осветить и теневые стороны новой Турции. (*П. К*).

что не было и буржуазии очень легко удалось взять руководство крестьянством в свои руки. Именно ставленнику национальной буржуазии, Мустафе-Кемалю-паше, удалось слить разрозненные партизанские крестьянские выступления в единое антиимпериалистическое движение. Крестьяне Анатолии первые выступали не только против внешнего врага, но и против «врага внутреннего»—против беев, феодалов-помещиков.

Анатолийские крестьяне смутно ловили слухи о социальной революции в России, об уничтожении ига царя, помещиков и буржуазии. Немногочисленные коммунистические подпольные группки турецких товарищей деятельно в то время работали в Анатолии. Кемалисты, в целях овладения крестьянством, прибегли к хитрости: ими была основана «с помощью Аллаха» официальная турецкая коммунистическая партия в целях отвлечения крестьянских масс от зловредных «московских» коммунистов... Эта «официальная коммунистическая партия» просуществовала недолго. Как только национальная буржуазия окрепла и почувствовала себя прочно в седле, она ликвидировала эту официальную лже-коммунистическую партию, предварительно разгромив и истребив лучших наших товарищей во главе с т. Мустафой Субхи, представителей секции Коминтерна.

Почти полное *отсутствие промышленного пролетариата в Анатолии* за исключением железнодорожников, зонгулдакских шахтеров и рабочих военных заводов дало буржуазии возможность обманом, кровавым насилием, подлостью и жестокостью овладеть крестьянским движением, обуздать деревенскую стихию и направить революционное движение масс в русло национально-буржуазной революции.

Организаторами победы национальной революции явилась интеллегенция, политическая и военная, которая от имени «нации» в целом вела массы в бой против империалистов. Среди этой интеллигенции были значительные группы выходцев из низов. В султанской Турции энергичным выходцам из низших классов часто удавалось пробиться в ряды господствующей олигархии. Война вовлекла в командный состав армии значительный контингент из крестьянской среды—народных учителей и прочих представителей крестьянской интеллигенции. Кроме того, не надо забывать, что господствующая нация старой Оттоманской империи состояла преимущественно из военно-бюрократического сословия, потерявшего связь с землей, и крестьянства. Национальная буржуазия отсутствовала. Функции торговой крупной буржуазии выполняли инородческие элементы греческой, еврейской и армянской буржуазии. Лишь незадолго до войны, отчасти при содействии немецкого капитала, появляется национальная, коренная анатолийская торговая буржуазия, которая во время войны разбогатела на военных поставках и подрядах.

Как и в младо-турецкой революции 1908 г., нанесшей первый серьезный удар турецкому самодержавию, главную роль играли военные элементы. Кемаль-паша, организатор национальной войны за независимость, умный, дальнозоркий и талантливый полководец, искусный политик, играл видную роль еще во время революции 1908 г. Военный элемент был «душою» восстания и в годы национальной революции.

Итак, и внешние и внутренние причины оказались весьма благоприятны для победы «чистой» национальной буржуазной

революции. Близость к СССР, спокойный советский тыл, отсутствие единого империалистического фронта (факторы внешнего порядка); отсутствие промышленного пролетариата в Анатолии (Смирна, Константинополь—города с относительно значительным рабочим населением были отрезаны «союзнической» оккупацией от остальной Турции) молодая едва оперившаяся национально-торговая буржуазия, враждебная империализму, сросшемуся с «инородческой» портовой буржуазией (греческой, еврейской и армянской); забитое, темное, но революционно настроенное крестьянство, подпавшее под влияние молодой анатолийской буржуазии; военное бюрократическое сословие с значительной примесью народных элементов—таковы внутренние факторы, благоприятствовавшие победе национальной революции.

Национально-буржуазная, но не буржуазно-демократическая революция.

Сделаем теперь моментальный снимок с кемалистской Турции. Правящей партией Турции является партия, переименованная в апреле 1923 г. в «Народную партию» «Халк-Фыркассы»). Основное ядро этой партии, руководимой Кемалем, или «Гази» («победитель иноверных») составляют чиновники, военные и гражданские, журналисты, депутаты, представители «третьего элемента», активные участники войны за независимость. В «Народную партию» входят некоторые рабочие группы и народные учителя и богатые крестьяне. Вопросы «высокой политики» не обсуждаются на партийных собраниях, которые бывают весьма редко. Тон задает «головка», состоящая из Кемаля и его антуража, как Исмет-паши, нынешнего премьера-министра, Рушди-бея, мининдела, Али, бывшего председателя военно-революционного трибунала («Суда Независимости») и целого ряда других военных и гражданских крупных чиновников.

Фактически всей полнотой власти обладает Кемаль, «Гази», пользующийся огромной популярностью в стране. Это—национальный революционный диктатор Турции. Он является душою всех проведенных реформ—политических и гражданских, судебных и бытовых.

Кроме «Народной партии», никакая другая партия в стране не существует. Коммунистическая партия загнана в подполье. Правая партия «младо-турок», переименовавшая себя в «прогрессивно-народную партию», обезглавлена за свою контр-революционную деятельность и сейчас от нее почти ничего не осталось: военный трибунал беспощадно расправился с нею.

«Народная партия», созданная Кемалем, не хочет ни с кем делиться властью, сейчас она является полновластным хозяином страны. Уже после Лозанской конференции, официально зафиксировавшей победу национальной революции, сведшей почти на нет колониальный режим капитуляций, Кемалю удается на выборах в меджилис провести большинство своих ставленников. По своему социальному составу депутаты этого меджилиса, созванного в 1924 г., составляли:

Офицеров	49
Чиновников	33
Лиц свободных профессий	50
Духовенства	18
Представители торговой и земледельческой буржуазии	76

Вот эти военные, журналисты, купцы и помещики творили в поте лица в течение трех лет от имени «нации». Демократическим слоям населения, трудящимся массам доступ в меджилис был закрыт, словно все 12 миллионов населения Турции состоят из купцов, газетчиков и рубак... Ни турецкий городской рабочий класс, насчитывающий по самым скромным подсчетам 300.000 человек, ни крестьянство, образующее основу населения ($80^0/_0$), не представлены в меджилисе. «Народная партия», партия «нуворишей», разбогатевших подрядчиков, спекулянтов, биржевиков, членов сомнительных акционерных иностранных кампаний, обуржуазившихся помещиков, депутатов, за определенный крупный «бакшиш» украшающих свои имена в разных иностранных фирмах,—вот кто составляет «соль» турецкой нации, вот кто выступает от имени «нации» в целом.

В июне этого года меджилис был распущен, чтобы дать место новому меджилису, который должен быть созван в октябре этого года. Какая же работа была проделана распущенным меджилисом? На его долю, прежде всего, *выпала большая заслуга в деле окончательной ликвидации халифата, секуляризации турецкой общественной жизни, уничтожения власти духовенства и секуляризации церкви, лишения ее вакуфного (церковного) имущества.* Введение на место старого шариата (мусульманского законодательства) нового гражданского судебного кодекса, по образцу швейцарского; серьезные, но, правда, нерешительные шаги в деле эмансипации женщины (снятие чадры, запрещение многоженства, регламентирование брачного кодекса).

В области социально-экономической меджилис провел отмену «ашара», т.-е. средневекового десятинного сбора, бывшего гнойной язвой на крестьянском теле. Этой реформой—заменой натурального налога с десятины денежной формой—исчерпывается вся социально-экономическая реформаторская деятельность меджилиса в пользу крестьянства.

Одно время заигрывая с крестьянством, провозглашая устами Кемаля во всеуслышание, что «крестьянин—хозяин нашей страны» (то было 1 марта 1923 г., в пору упоения победой над внешним врагом, одержанной благодаря неисчислимым жертвам, принесенным крестьянством), меджилис, однако, скоро покончил с крестьянофильством. Эгоистические, шкурнические интересы одержали верх и о крестьянине, этом «хозяине страны», забыли. Справедливость, однако, требует сказать, что в общем налоговая политика меджилиса была всем острием направлена против городского потребителя. Но сама деревня страдает от отсутствия дешевого кредита и деревенская и уездная власть, разные «камайкамы» дают крестьянам деньги в рост по $150^0/_0$ и более.

Учрежденный правительством сельско-хозяйственный банк предоставляет кредиты только богатым землевладельцам. Турецкая деревня крайне бедна, ее разоряет сельско-хозяйственная политика правительства, поощряющего только богатых земледельцев, которым предоставляются всяческие льготы.

Что же касается рабочего законодательства, то меджилис так и не удосужился рассмотреть проект кодекса о труде,—проект, в значительной мере ухудшающий и без того тяжелые условия труда рабочих, занятых в промышленности.

Вся реформаторская работа меджилиса была направлена на то, чтоб дать буржуазии возможность поднять производительные силы страны за счет трудящихся классов. В восточных вилайэтах (губерниях) и до сих пор феодализм не уничтожен. Целые деревни находятся в распоряжении феодалов, помещиков, интересы которых кемалистское буржуазное правительство не решается задеть. (Видный кемалист Дженани является сам владельцем многих деревень и на его фермах работают полукрепостные крестьяне...).

Налоговая политика, политика монополий (табачная, сахарная, нефтяная, спичечная), концессионная и железнодорожная политика построены таким образом, чтоб содействовать росту крупного торгового национального капитала за счет беспощадной эксплоатации рабочего, мелкого ремесленника и крестьянства.

Меджилис в области экономической политики руководствовался соображениями, продиктованными интересами обрастающей анатолийской национальной буржуазии.

Необходимо только отметить, что в последнее время темп поднятия промышленности замедлился. С 1920 г. по 1926 г. были оборудованы 626 предприятий с моторами выше 5 лошадиных сил, учреждено 69 промышленных обществ, с капиталом в 22 миллиона турецких лир (всего промышленных заведений в Турции 1920), были построены 223 крупные мельницы, 116 лесопильных заводов, 61 текстильная фабрика, 50 мыловаренных заводов. Все это за счет национального капитала буржуазии Анатолии. Мы уже не говорим о 400 километрах железнодорожного пути, проложенного средствами самого государства, и двух новых сахарных заводах.

За последний год, однако, кроме нескольких маслобойных и мыловаренных заводов, почти ничего в области «индустриализации» не сделано. Сказывается недостаток капиталов и рабочих рук, отсутствие технических сил и специалистов.

Если в 1924 г. на выборах в меджилис еще конкурировали партии, стоящие на правом фланге (коммунисты и тогда были в подполье) кемализма, то в этом году выборы в меджилис, куда депутаты заранее назначены и подобраны самим «Гази», происходят на фоне полной монополии правящей партии при поражающем абсентеизме избирателей.

Выборы двухстепенные. Избирательным правом на первой стадии пользуются лица *мужского пола*, старше 18 лет. Избиратели «выбирают» выборщиков, а эти последние—выбирают депутатов. Женский политический клуб Константинополя заикнулся было о предоставлении им права выбирать... мужчин-феминистов, но власти дали суровую отповедь и клуб, под председательством Назиэ Мухедим Ханум, не решился больше настаивать...

При таких условиях отсутствия предвыборной агитации (газеты уделяют выборам несколько строк), избирательной кампании, при наличии монополии одной политической партии ничего удивительного нет, что крестьяне «единодушно» голосуют за партию «Гази», а городское население, мало интересующееся выборами, столь же «единогласно» избирает исключительно кандидатов «Народной партии»...

Кемалисты с помощью народа завоевали независимость, но всеми выгодами победы воспользовался не народ, а новоявленная буржуазия. О серьезной социальной и подлинно демократической реформе никто из правящей партии не помышляет. Наделение

крестьян землей и дешевым кредитом, проведение радикальной аграрной реформы, решительная борьба с остатками крепостничества в восточных вилайэтах, подрыв экономической базы помещичьего класса—все это находится вне поля зрения кемалистских политиков. Улучшение положения рабочего класса, проведение рабочего законодательства—это правящую партию не занимает. Все для буржуазии и ничего для народа, для низов. «Народ» это—навоз, долженствующий удобрить поля богатых, новоиспеченных классов, утилизирующих для себя победу национальной войны за независимость.

В области военной совершены крупные реформы. Фески отменены, внешнее обличие турецких аскеров (солдат) ничем не отличается от европейских воинов. Но в правовом положении турецкого солдата не произошло никаких изменений. Турецкий солдат остался тем же крепостным, что и в армии султана и младотурок. *Палочная система практикуется во-всю.* На военном плацу всенародно производится экзекуция провинившихся солдат. Если солдат плохо сделал поворот, то по приказу офицера ему связывают руки и ноги, поднимают на палку и офицер хлещет его стэком... Солдат тот же крепостной, бесправный, каким он был в дореволюционной армии.

В области национальной политики меджилис создал для нацменов невыносимое положение, своего рода «черту оседлости». Грекам, армянам, арабам, состоящим в турецком гражданстве, запрещено свободное передвижение из одной губернии в другую; требуется особое разрешение врача, скажем, для армян, едущих из Константинополя в Бруссу на минеральные воды. К евреям—«эспаньолам» немного более терпимое отношение, но и они ограничены в своих правах.

Греческим и армянским рабочим очень трудно попасть на государственную фабрику. Они находятся на положении пасынков, париев среди турецких пролетариев. Кемалистское правительство своей великодержавной шовинистической политикой побило рекорд. Эта узконационалистическая политика отравляет душу турецкого рабочего, зачастую поддающегося на удочку кемалистской власти.

Как в царской России еврейская беднота была козлом отпущения, так и в Турции греческий и армянский рабочий, бедный ремесленник и мелкий торговец являются жертвой националистической политики кемалистов.

Не буржуазно-демократическая революция, а буржуазно-либеральная революция, отвечающая интересам восходящей крупной национальной буржуазии Анатолии—вот что получилось в результате успешного завершения национальной борьбы за независимость.

Средняя буржуазия, ставшая у власти, перерождается в крупную, усваивая все повадки и манеры последней. Процесс «перерождения» клеточек быстро прогрессирует. Правящая партия обрасла жиром. Сейчас она находится на распутьи. Она ищет капиталов, внешних займов. Она начинает заискивать перед Европой, строить ей глазки.

Кто может сказать, как долго эта партия удержится на антиимпериалистической позиции?

Положение турецкого рабочего класса.

Кемалисты усиленно опекают турецкого рабочего, не давая ему ни свободы собраний, ни свободы стачек, профсоюзов. Власть стремится обеспечить за собою контроль над рабочим движением, беспощадно подавляя малейшие самостоятельные выступления рабочих под руководством подпольной коммунистической партии.

Рабочий лишен политических прав, его материальное положение крайне плачевно. Чтоб представить себе ясно уровень жизни турецкого рабочего, рассмотрим его бюджет. Возьмем в качестве иллюстрации средний заработок рабочего железнодорожника. В неделю такой рабочий получает 13 лир 75 пиастров (почти 13 руб. 75 коп.) или 55 лир в месяц. Из этой суммы рабочий должен уплатить:

1) налог на зарплату—5 лир,
2) налог на тротуары, школьный и больничный—2½ лир.

7½ лир.

Одних прямых налогов он уплачивает 7½ лир, т.-е. около 14% со всего своего ежемесячного заработка. Но остальных 47½ л. не хватает при существующей дороговизне жизни на удовлетворение даже прожиточного минимума. Только за одну квартиру он платит 10—12 лир в месяц. На завтрак, состоящий из хлеба и сыра, на обед из супа и фасоли и на такой же скудный ужин он тратит от 80 пиастров до 1 лиры в день только на личное прокормление. Остается 5½ лир, которые необходимо затратить на обувь, белье, платье, баню, бритье и другие самые необходимые потребности. Но в том-то и дело, что он не в состоянии все эти потребности удовлетворить. А если он семейный, то надо обладать большим воображением, чтоб представить себе, как он умудряется свести концы с концами. Но редко, когда он получает полностью эти 55 лир. Ведь существуют на свете штрафы, от которых житья нет. В среднем штрафы отнимают от 3 до 8 и выше лир в месяц. Тут рабочему совсем крышка.

Но мы взяли зарплату среднего железнодорожника. А вот трамвайный служащий вагоновожатый получает 35—30 лир в месяц. Текстильщик г. Смирны получает в среднем 36 лир, а табачники по 24—26 лир в месяц!

Излишне распространяться о существующих условиях труда на заводах, где нет минимума санитарных норм, где эксплоатация невероятна.

Стоит рабочему лишиться заработка, как ему остается броситься в Босфор. Ни социального страхования, ни биржи труда—ничего этого в помине нет.

Существует в Константинополе, Смирне, Адане и др. городах некоторое подобие профсоюзов или, правильнее, кассы взаимопомощи, охватывающие небольшой процент рабочих. Так, в передовом «Союзе Союзов» («Амеле Теали Джумхуриет») всего числится 300 членов. Есть отдельные «союзы», об'единяющие по 200—300 рабочих табачной отрасли, электрической станции, трамвайщиков и др. На 100.000 рабочих и служащих г. Константинополя всех об'единенных в «союзы» насчитывается около 2.000 членов. На 75.000 рабочих г. Смирны—около 800 об'единено в разные кассы взаимопомощи.

При той скудной зарплате, которая еле хватает на покрытие самых необходимых потребностей, рабочему трудно выплачивать

членский взнос, как бы он ни был невелик. Сказывается еще отсталость, некультурность и невежество рабочих масс. Семейный рабочий живет впроголодь; туберкулез прочно гнездится в рабочих кварталах, а детская смертность прямо-таки колоссальна. Организм турецкого рабочего быстро изнашивается, в 40 лет рабочий выглядит стариком.

За последнее время, однако, мы замечаем известный под'ем рабочего движения; то здесь, то там вспыхивают стихийно забастовки, массы выдвигают своих руководителей, обнаруживающих порою недюжинные организаторские способности.

В апреле этого года вспыхнула забастовка среди табачников г. Константинополя, охватившая около 3.000 рабочих, работниц и детей-подростков. Забастовка продолжалась около недели. Работницы проявили больше энергии и решимости, нежели рабочие. Работницы ободряли рабочих своей выдержкой. Одна 52-летняя работница выступила на собрании с горячей речью, в которой, между прочим, заявила: «Нам угрожает голод?—Что же, мы всю жизнь голодаем. Поголодаем еще несколько дней, за то выиграем». Забастовка окончилась частичной победой рабочих.

В день 1-го мая около 2.000 рабочих г. Константинополя не явились на работу. Трамвайщики серьезно пострадали, так как бельгийская компания уволила за участие в праздновании 1-го мая 69 рабочих, наиболее активных и наиболее сознательных.

Кемалисты, к которым делегация уволенных рабочих обратилась за содействием, и пальцем о палец не ударили, чтоб оказать давление на иностранное трамвайное общество, получающее крупные дивиденты из эксплоатации городской железной дороги (только в 1926 г. чистая выручка составила 2.600.000 лир!).

Кемалистская власть вообще не допускает забастовок на «отечественных» частных и государственных предприятиях, не останавливаясь пред применением и вооруженной силы. Во время забастовки, имевшей недавно место на Аданской железной дороге, принадлежащей французскому капиталу, кемалистская полиция стреляла в забастовщиков—железнодорожников, осмелившихся остановить пущенный штрейкбрехерами поезд в ход...

Медленно, но упорно развивается рабочее движение вопреки уверениям кемалистов, будто в Турции не имеется классовой борьбы. Идеологи кемализма хотят замазать классовые противоречия, мол де в Турции отсутствует крупная буржуазия, подобная европейской и т. д. и тому подобное. Кемалисты прибегают к испытанной политике «зубатовщины». Однако, рабочая хроника все больше дает о себе знать, забастовки и стачки завоевывают право гражданства, классовая борьба развивается вопреки кемалистской идеологии. Ибо перед рабочим классом стоит дилемма: либо умереть с голоду, либо борьба за улучшение своего существования. Среди рабочих появляются сознательные агитаторы—революционеры, сплачивающие рабочих на борьбу с капиталом, отечественным и иноземным...

Положение крестьянства.

Кемалистская экономическая политика направлена на усиление мощи крупных аграриев, кулаков и отечественных фабрикантов. Государственный сельско-хозяйственный банк выдает субсидии и предоставляет кредиты только экономически сильным сельским хозяевам. Остальные слои деревни предоставлены самим себе и вынуждены прибегать к кабальным сделкам и ростовщическим займам. Сама сельская и уездная власть занимается ростовщичеством.

Кроме отмены средневекового натурального налога «ашар» (о котором выше упомянули), кемалисты ни одной аграрной реформы не провели. А между тем, положение крестьянства прямо-таки отчаянное. Еще на Смирнском экономическом конгрессе 1923 г., на котором были представлены все классы турецкого общества, крестьяне-делегаты в своих бесхитростных речах, полных горечи и укоризны, рисовали мрачные картины беспросветной жизни турецкого крестьянства.

— «Вы тут обсуждаете, как бороться с болезнями кур, а в деревне люди умирают, как мухи, без всякой помощи», говорил один крестьянин-делегат из Диарбекирского района.

И сейчас в турецкой деревне неблагополучно. Войны (балканская 1912 г., империалистическая война и война за независимость) местами обезлюдили целые деревни. Кемалисты льстили крестьянству, покуда длилась национальная война, но по одержании победы над внешним врагом они, националисты, не выполнили своего обещания наделить крестьян землею и дешевым инвентарем. В поле зрения кемалистской сельско-хозяйственной политики только мощный крестьянин-кулак. Ему правительство покровительствует, предоставляя всяческие льготы.

В Адане, хлопковом районе, кемалисты депутаты и члены кемалистской партии, пользуясь услугой госаппарата, разными правдами и неправдами экспроприируют земельные владения мелких крестьян, «огораживая» свои поля, подобно тому, как это имело место в конце XVIII века в Англии.

В Смирнском районе батраки в течение зимы получают у богатого крестьянина-подрядчика пособие на жизнь, а в летний сезон они попадают в его полное распоряжение. Подрядчик их отдает гуртом крупному землевладельцу, у которого он (а не батраки) получает их жалование. То же самое имеет место и в Адане на бирже, на которую являются крупные хлопководы и обращаются к подрядчику за рабочей силой. Этот последний представляет партии сельско-хозяйственных рабочих, находящихся всецело в его распоряжении.

В турецкой деревне местами существует кабальная форма «исполу» и другие виды средневековой эксплоатации. Турецкая деревня страдает от полицейского произвола, взяточничества и разных «дополнительных» налогов.

Во время восстания шейха Саида в 1925 г., вспыхнувшего при содействии англичан, в восточных вилайэтах (здесь феодальные отношения сохранились почти во всей своей неприкосновенности), крестьяне убивали своих беев—помещиков, активно поддерживавших восстание. Правительственные же власти не могли допустить «анархии» и казнили крестьян.

Таков лик «революционного» кемализма. Жадный, хищнический, коррупированный, господствующий режим голой буржуазной диктатуры твердо стоит на страже интересов имущих классов города и деревни, высасывая все соки из трудящихся слоев населения.

Кемалистская Турция и СССР.

Перед лицом нависшей над нами военной угрозы крайне важно узнать, какова будет позиция кемалистской Турции в случае капиталистической интервенции в пределы СССР. Надо сказать, что турецкое правительство держало недавно экзамен на аттестат политической зрелости и самостоятельности в связи с разрывом англо-советских отношений и убийством т. Войкова. Если судить по поведению константинопольской прессы, которая вся кемалистская или вынужден лепетать по-кемалистски, под страхом в два счета быть приведенной в полное молчание, то нельзя сказать, что правительство экзамен на все 100 процентов выдержало.

В течение нескольких дней кемалистская официозная и полуофициозная печать обычно не в меру болтливая, молчала, ничем не реагируя на убийство посла дружественной страны. Но вот спустя несколько дней после убийства т. Войкова появляется статья от 10/VI в «Милли эте», кемалистском официозе, возмутительная по тону и по содержанию.

Реверанс в сторону Англии, порицание т. Розенгольца за его речь, произнесенную на Лондонском вокзале перед от'ездом, грязный анекдот, явно унижающий достоинство дружественной державы, оценка убийства т. Войкова, как простое убийство «красный—убит белым»—и все; заискивание перед Польшей, «выказавшей столь удивительное и похвальное хладнокровие». Это было тогда, когда Ангора на минутку растерялась, испугавшись, как бы война Англии с СССР не вовлекла и ее в драку. Когда же Ангора опомнилась, убедившись, что война отсрочена, константинопольская пресса заговорила языком «дружественного» нейтралитета.

Нам представляется, что процесс перерождения клеточек правящей партии уже начался. Турция переживает экономический и финансовый кризис. Министр финансов Абдул-Халик бей рыщет по Европе, обивая пороги европейских биржевиков, надеясь получить заем.

Хотя турецкая пресса гордо заявляет, что Турция—не Индия, не колония и что она готова сотрудничать с иностранным капиталом на условиях полного уважения к независимости страны и политической незаинтересованности контр-агента, но... все-таки в кемалистском царстве не все обстоит благополучно. Поездка Шукри-Кайи-бея, председателя иностранной комиссии меджилиса, в Женеву на конференцию Труда при Лиге Наций, где ему демонстративно всячески льстили, воскуривали фимиам; урегулирование вопроса о купонах с обязательством выплачивать 18—19 миллионов ежегодно (на Лозанской конференции вопрос об Оттоманском долге остался открытым и лишь сейчас урегулирован), усиленные поиски займов во что бы то ни стало,—и целый ряд других фактов, все это являет собою симптомы, сигнализирующие определенные процессы начинающегося сдвига политики Ангорского правительства в сторону империалистического Запада.

Наши заметки имеют целью обратить внимание нашей партийной и советской общественности на современную Турцию, выявить подлинный лик этой страны, в которой бывшая угнетенная национальная буржуазия из «ничего» стала «всем». Дело же нашей красной дипломатии изыскать пути, могущие действительно обеспечить дружественный нейтралитет Турции в отношении СССР не на словах, а на деле.

Н. Р.

Клерикализм и пролетариат в Германии.

Одной из главнейших задач коммунистических партий на современном этапе мировой пролетарской революции, является задача завоевания под знамя коммунизма широчайших рабочих масс. Эта задача упирается в основном в борьбу против социал-демократии, как главного проводника влияния буржуазной идеологии (в ее реформистской форме) на пролетариат. Социал-демократические партии в Западной Европе до сих пор составляют очень крупную силу и ведут за собой самую большую часть рабочего класса.

Однако, социал-демократы не являются *единственным* врагом и конкурентом коммунистических партий в борьбе за руководство рабочим движением. На ряду с ними *(и об этом у нас часто забывают)* немалое значение имеет *клерикализм*, который также ставит своей задачей завоевание для капитализма рабочих масс. В целом ряде стран Западной Европы, клерикализм пустил прочные корни в рабочее движение и ведет за собой большие отряды рабочего класса, так что можно даже говорить о массовом католическом рабочем движении. В таких странах, как Германия, Бельгия, Голландия, Италия (до фашистского периода), Испания и друг. лозунг борьбы за массы означает борьбу не *только* за социал-демократических или синдикалистских рабочих, *но и за христианских, особенно католических, рабочих*. Между тем, на практике это обстоятельство работниками западных компартий часто упускалось из виду, все внимание сосредотачивалось на борьбе с социал-демократическим влиянием на пролетариат, а такая немаловажная часть последнего, как сотни тысяч и миллионы католических рабочих предоставлялись работе отделов партий или организаций типа нашего общества «безбожник», например, союзу свободомыслящих (Freidenkerbewegung) в Германии. Опасность подобной установки для наших братских партий потому особенно велика, что атеистическая, безбожническая пропаганда является наиболее трудным способом завоевания католических рабочих, ибо она, почти не задевая классового инстинкта последних и не нащупывая общих интересов с рабочими коммунистами, попадает в самое больное место их—в религиозность, отрешиться от которой для рабочего католика несравненно труднее, чем взяться за оружие для борьбы с капитализмом.

Таким образом, недооценка влияния клерикализма на рабочий класс и неправильные методы борьбы за «душу» католического рабочего, являются одним из *слабых* мест коммунистического движения в католических странах Западной Европы. Чтобы обосновать это положение, мы остановимся здесь на роли клерикализма в Германии и на его борьбе за рабочий класс этой страны.

Как известно, за последние годы во внутренней политике Германии важнейшую роль играет католическая партия центра (Zentrumspartei). Начиная с 1920 г., не было ни одного общегерманского и прусского правительства, в котором бы не участвовала партия центра. Коалируясь то с социал-демократами, то с националистами (партия аграриев и тяжелой индустрии) и народной партией (партия крупной промышленной буржуазии), центр неизменно оказывает громадное влияние на всю германскую внутреннюю политику. Поэтому борьба против этой партии является одной из главнейших задач коммунистической партии Германии.

Католическая партия центра является политическим орудием клерикализма в Германии и вместе с тем она является одним из искуснейших орудий, при помощи которого буржуазия осуществляет свое влияние на широкие массы рабочего класса и мелкой буржуазии. Там, где никакая другая буржуазная партия не может найти доступа в рабочие массы и в крестьянство, там, где националистические лозунги не могут прикрыть классового антипролетарского содержания других партий буржуазии (напр., националисты), последняя искусно использует духовную отсталость масс и при помощи клерикализма, сочетающего религиозный дурман с широкой социально-политической демагогией, завоевывает себе влияние на трудящиеся массы. В протестантских районах Германии, социал-демократы вполне удовлетворительно выполняют задачу отравления классового сознания рабочих, в католических же районах они делят эту свою работу с партией центра. Если принять во внимание, что католики составляют *около 34—35% населения* Германии, то станет понятным, какую *огромную роль* играет в стране католическая партия центра.

Партия центра возникла в 1871 году в результате об'единения различных элементов, недовольных новой германской империей и господством в ней прусской юнкерской реакции. В ту эпоху католическая церковь была на положении гонимой в Германии. Бисмарк вел против нее энергичную борьбу (так наз. «культуркампф») и это весьма содействовало образованию особой католической политической партии. Используя свое положение гонимого, клерикализм об'единил в рядах партии центра самые различные социальные группы—крупных промышленников католического Запада Германии, недовольных засилием прусского юнкерства (аграриев) в правительстве империи, рабочих, искавших в католической церкви защиты от эксплоатации их протестантскими промышленниками, городскую мелкую буржуазию (ремесленники и т. п.), экономическая самостоятельность которой находилась под ударами конкуренции крупного капитала, наконец, крестьян, желавших освободиться от политического руководства крупных аграриев. То обстоятельство, что центр в первые годы своего существования находился в оппозиции к правительству из-за культуркампфа, позволило ему написать в своей программе ряд либеральных лозунгов и обещать рабочему классу различные социальные реформы. Это, на ряду с религиозной оболочкой программы, привлекло к партии центра довольно значительные рабочие массы, несмотря на то, что в своей практической политике центр в первые десятилетия своего существования отражал, главным образом интересы городской мелкой буржуазии (так наз. Mittelstand'а), а со временем превратился в типичную партию

крупной буржуазии, руководящуюся на деле целиком интересами магнатов промышленности Западной Германии. Достаточно назвать имена таких влиятельных центровиков, являющихся крупнейшими предпринимателями промышленности, как Клекнер, Тен Гомпель, Ламперс и т. д. На ряду с этим, на политику партии огромное влияние оказывают рейнские католические аграрии и крупные крестьяне, из рядов коих вышли б. министры центровики Кроне, Герольд, Гаслинде и др. Само собой разумеется, что такая практика партии центра, искусно маскировалась громкой фразеологией о защите интересов рабочего класса, о необходимости для капиталистов в своих отношениях с рабочими руководствоваться «христианским чувством братства» и т. п. На ряду с этим, партия центра вместе с католической церковью широко развернула организационную работу по об'единению вокруг своего знамени рабочих и мелкой буржуазии в самые разнообразные культурные, профессиональные, сословные и даже классовые организации. Этим двум методам своей работы клерикализм обязан тому, что он до сих пор ведет за собой миллионные массы трудящихся в Германии.

Сфера влияния клерикализма в партии центра охватывает все католические районы Германии—Баварию (где клерикализм работает через отколовшуюся после революции от центра баварскую народную партию), Баден, отчасти Вюртемберг и Гессен—Нассау и в Пруссии Рейнскую провинцию, Вестфалию, Верхнюю и Нижнюю Силезию. Таким образом, влияние клерикализма распространяется *на важнейшие индустриальные центры Германии—на угольные и металлургические районы Рура, Рейна, Вестфалии и Верхней Силезии, на химические центры Бадена и т. д.* Именно в этих районах клерикализм развернул широкую организационную деятельность среди индустриального пролетариата и там он представляет враждебную коммунизму силу, подчас только немного уступающую социал-демократии.

Одним из показателей политического влияния партии центра в Германии является тот факт, что вплоть до революции, как показывают избирательные подсчеты, за центр систематически голосовало не менее 500.000 рабочих.

После революции 1918 года центр, бывший до того конституционно-монархической партией, перекрашивается в республиканские цвета, об'являет себя народной христианской партией, преследующей цели создания «социально справедливого народного государства» (Sozialer Volksstaat), выравнивания и сглаживания классовых противоречий, защиты интересов труда от «чрезмерной эксплоатации», обещающей «обуздывать несправедливые и преувеличенные требования отдельных капиталистов» и т. д.

Практически, после революции партия все время блокировалась с социал-демократией, образуя вместе с ней и буржуазными демократами так называемую «веймарскую каолицию» (в Веймаре была принята на Национальном Собрании конституция Германской республики). Коалиция эта, имевшая своими главными программными пунктами соглашение с Антантой в международной политике и защиту республики вместе с куцой программой социальных реформ, фактически находилась в зависимости от политических настроений центра и немало содействовала укреплению в массах иллюзий о центре, как о народной партии. Все это на ряду с введением всеобщего избирательного права привело

к значительному росту и укреплению партии центра и к усилению охвата ею большого круга избирателей.

Следующие цифры характеризуют политическое влияние центра на массы после революции по сравнению с социал-демократами и коммунистами.

Выборы в Рейхстаг после революции (в тысячах).

Год	Общее число голосов	Число голосов центра	% от общего числа голосов	Число голосов соц-демократов	% от общего числа голосов	Число голосов независ. соц.	% от общего числа	Число голосов ком.	% от общего числа
1919 (Нац. Собр.)	30.400	5.980	19,7	11.509	38,3	2.317	7,7	—	—
1920	28.196	3.845	13,6	11.159 ¹)	40,0	¹) голоса независ. присчитаны к с.-д.	—	589	2,1
1924 май	29.281	3.921	13,4	6.009	20,5	235	0,8	3.693	12,6
1924 декабрь	30.290	2.118	13,6	7.881	26	99	0,3	2.709	9
1925 март (Президиум выбран)	26.866	3.887	14,5	7.802	29,1	—	—	1.871	6,9

При оценке этих цифр нужно принять во внимание, что в 1919 году от партии центра откололась право настроенная клерикальная Баварская народная партия, представляющая интересы баварского крупного крестьянства. Эта партия получала на выборах в среднем около 1 миллиона голосов (около 35% всех голосов в Баварии). Таким образом общее количество голосов, которые собирал клерикализм в лице партий Центра и Баварской народной, равняется, примерно, 5 миллионам, т.-е. свыше 18% всех голосующих на парламентских выборах.

По отдельным избирательным католическим округам соотношения голосов еще больше в пользу партии центра.

Например, на бывших в феврале 1927 года частичных коммунальных и муниципальных выборах в Верхней Силезии из общего числа 290 мандатов, центр получил—107 (37%), коммунисты—42 (14,5%) и соц.-демократы—29 (10%).

Все эти цифры показывают, что центр является опаснейшим врагом коммунистической партии в Германии, ведущим за собой от 1 до 1½ миллионов рабочих, завоевать которых является сложнейшей задачей для компартии.

Какими же путями клерикализм и партия центра осуществляют свое влияние на пролетариат?

Методы и пути эти очень разнообразны.

В первую голову следует указать на прессу. Партия центра имеет в своем распоряжении 329 газет, т.-е. до 12% всей периодической прессы Германии, в то же время соц.-демократы имеют 162 газеты (5%), а коммунисты—39 (1,2%). Многие провинциальные газеты центра имеют по 40—50.000 тиража. Эти газеты в зависимости от района и круга читателей имеют правые или левые тенденции и искусно играют на настроениях масс. Кроме

этой политической ежедневной прессы, партия центра распространяет свое влияние через сотни журналов, еженедельников, ежемесячников, издаваемых различными клерикальными организациями. 27 января 1927 г. центральный орган партии центра «Германия» опубликовал список в 574 журнала, издаваемых в Германии клерикалами, имеющих по совокупности несколько миллионов тиража. Среди них имеется 20 журналов по педагогике, 11—посвященных критике и литературе, 24—политике и экономике, 78—религиозные журналы для народа, 20—периодических обозрений, 39—семейных и беллетристических, 26—детских изданий, 60—для юношества, 23—для женщин, 21—профессиональных, 22—учительских и т. д. и т. п. Чтобы получить представление о распространении этих изданий, следует указать, что 10 семейно-беллетристических журналов имели тираж—1.175.000 экз., из них журнал «Народный Союз» («Volksverein»)—475.000, 27 религиозных народных издания—1.964.000 экз. и т. д.

Помимо прессы в распоряжении партии центра находился широко-разветвленный аппарат крупнейшей общественной организации клерикализма в Германии—«Народный Союз Католической Германии». Эта организация была основана в 1890 году вождем партии центра Виндхорстом со специальной целью организации и мобилизации католических народных масс в интересах германской буржуазии и клерикализма. Формально этому союзу была поставлена задача «культурного и социального воспитания масс», фактически он является важнейшей организацией для борьбы с проникновением в массы марксизма. «Католический Народный Союз» об'единял в 1925 году около 600.000 членов, из них 125.000 женщин (по сравнению с последними годами до мировой войны, союз потерял много членов в индустриальных районах), он имел 4261 местных организаций, а в его аппарате работало около 45.000 функционеров, среди которых духовенство играло главную роль. Союз издает 4 журнала. За 1923 год им было организовано до 4500 массовых собраний, множество всяких конференций, курсов и т. п.

Но этим организационная деятельность клерикализма не ограничивается. Используя особые интересы различных групп населения, партия центра и «Католический Народный Союз» создают многочисленные организации самого разнообразного типа, в которые привлекают различные слои народа. Укажем на важнейшие из них.

На ряду с партией центра для католического юношества существует политическая организация—«в лице Всегерманского об'единения союзов имени Виндхорста». Затем для юношей создано аполитичное «Об'единение католических юношеских союзов Германии», насчитывающее до 375.000 членов. Для девушек—такое же «Об'единение союзов католических девушек» с 620.000 членов. Для женщин—«Немецкий союз католических женщин» с 250.000 членов. Для научной и культурной работы имеется «Gorresgesellschaft zur Pflege der Wissenschaft im katholischen Deutschland»—в Мюнхене. Католические журналисты об'единяются в трех крупных союзах католической прессы («Аугустиниус-ферейн», Саксонский и Баварский союзы), об'единяющие до 65.000 индивидуальных членов и 59.800 членов, входящих в них коллективно через 1213 обществ. Библиотечная работа ведется через «Борромаус-ферейн» с 376.000 членов. Кроме того имеются союзы учительские, искусства, драматические, санитарные и т. д. и т. п.

Однако, центр тяжести влияния клерикализма лежит не в этих многочисленных организациях, а в специально созданных профессиональных и сословных организациях для рабочих и крестьян.

Крестьянство клерикализм привлекал к себе тем, что он организовывал для него ряд об'единений, которые создавали у крестьян иллюзию самостоятельных, независимых от влияния крупных помещиков и представляющих интересы самого крестьянства. Так еще задолго до мировой войны под руководством католических ксендзов и политических деятелей партии центра, были созданы многочисленные сельско-хозяйственные закупочные, сбытовые и кредитные кооперативы, которые об'единили в своих рядах около $1\frac{1}{2}$ миллиона членов. Понятно, что практическое руководство в этой крестьянской кооперации находилось в руках крупного крестьянства (Grossbauer). Затем для защиты общекрестьянских интересов были созданы преимущественно в Западной и Южной Германии, а отчасти и в Верхней Силезии католические крестьянские союзы, об'единившиеся затем в «Об'единение немецких крестьянских союзов». Хотя и в этих организациях руководство принадлежало крупным крестьянам, они все же сумели вовлечь в свои ряды не малое количество мелких крестьян, что об'ясняется тем, что эти союзы стоят в оппозиции к «Германскому союзу сельских хозяев» (Reichslandbund), который находится целиком в руках крупных аграриев и является боевым орудием прусского юнкерства. В 1922 году «Об'единение католических крестьянских союзов» насчитывало 24 отдельных союза с 454.000 членов (Союз сельских хозяев имеет около 1 миллиона членов), из коих 145.000 в Баварии, 105.000—в Рейнской провинции, 500.000—в Вюртемберге, 36.000—в Вестфалии, 91.000—в Бадене и т. п.

В своей аграрной политике в парламенте, партия центра в значительной степени руководствуется интересами этих союзов, вожди которых стоят на правом фланге партии. Поэтому центр всегда поддерживал введение защитных аграрных пошлин, содействовавших значительному под'ему сельскохозяйственных цен на внутреннем немецком рынке. Точно так же, центр после мировой войны и революции поддерживал стремления аграриев уничтожить всякие попытки государства регулировать сельское хозяйство и рынок сельскохозяйственной продукции. Эта политика, часто толкала центр на сотрудничество с националистами и обеспечила в значительной мере существование нынешнего буржуазного блока в Рейхстаге. Но она же вызывает острое недовольство католических рабочих, ибо ведет неизбежно к понижению уровня жизни городского потребителя и в первую очередь рабочих.

Влияние на рабочий класс клерикализм оказывает через христианские профсоюзы и кроме того через специальные сословного типа католические рабочие общества. Клерикализм проявил в создании этих двух систем рабочих организаций большую мудрость: для более передовых, больше осознающих свои классовые интересы рабочих (конечно, передовыми их можно назвать только относительно, ибо по сравнению с рабочими коммунистами и социал-демократами они классово отстали) клерикализм создал профессиональные союзы, по своей структуре и программе отчасти похожие на классовые профсоюзы; для более отсталых рабочих, преимущественно средних и мелких предприятий, он создал католические рабочие общества, которые находятся под организационным руководством ксендзов, обычно являющихся председателями и секретарями этих обществ. Кроме этих организаций, существуют еще профессионально-цеховые об'единения ремесленников-католиков, однако, значение последних за последнее время сошло почти на нет.

Влияние клерикализма на профсоюзы характеризуется следующими цифрами.

Не менее одного миллиона рабочих, служащих и чиновников (а в 1922 г. почти два миллиона) прямо организованы или составляют круг влияния христианских профсоюзов. К этому следует прибавить 400.000 членов католических рабочих обществ (согласно данным Кобленцкого с'езда обществ в июне 1927 г.; в 1921 г.—500.000) и получится цифра в 2—$2\frac{1}{2}$ миллиона рабочих, служащих и чиновников, находящихся под организационным влиянием клерикализма, которые составляют в своей значительной части массу избирателей, т.-е. политическую силу партии центра (часть голосует даже за националистов, например, часть чиновников, торговых служащих и сельско-хозяйственных рабочих). Рабочие, организованные в католические профсоюзы, составляют около 12% всех членов рабочих профсоюзов.

Чем привлекает клерикализм рабочих в созданные им рабочие католические профсоюзы и общества?

Что касается христианских профсоюзов, то после революции 1918 года разница в политике и практике последних и социал-демократических профсоюзов очень не велика. И те, и другие профсоюзы стоят практически на почве классового сотрудничества предпринимателей и рабочих (Arbeitsgemeinschaft), и те и другие разговаривают о «хозяйственной демократии» в рамках капитализма, если же у социал-демократических профсоюзов в программе и красуется понятие классовой борьбы, то на практике оно давно потеряло свое значение. По крайней мере, обе организации одинаково работают над всяческим придушением классовых конфликтов, над недопущением стачек, над приспособлением деятельности профсоюзов к интересам поднимающегося германского капитализма. И свободные и христианские профсоюзы одинаково ответственны за ту систему принудительного третейского разбирательства экономических конфликтов между рабочими и предпринимателями, которая узаконена в Германии и последствия которой так остро чувствуют на своей спине немецкие рабочие. Наконец, по важнейшим вопросам рабочей политики (рабочее время, заработная плата, участие в Бюро труда Лиги Наций, рационализация и др.) свободные и христианские профсоюзы обычно выступали вместе и солидарно, а в парламенте же по этим вопросам обычно создавался блок социал-демократов и центра. Поэтому католический рабочий не видит практической разницы между христианскими и свободными профсоюзами, переходить же в последние потому, что в их программе в качестве далекого идеала обещан «социализм», они не считают нужным, для них христианство и загробный мир являются не менее реальными идеалами, чем социализм Лейпарта и Грассмана. Недаром, Іоос—вождь партии центра, с полным правом мог сказать: «Социализм и христианство *одинаково* стоят против капиталистического духа», что на практике означает—социал-демократия и католические профсоюзы *одинаково* саботируют борьбу рабочего класса против капитализма.

Вину за то, что клерикализм владеет душами 1—1½ миллионов организованных немецких рабочих, несет в первую голову германская социал-демократия, которая в своем руководстве профсоюзами проводит практику сотрудничества с капиталистами, практику, воспринятую и католическими профсоюзами.

Что касается католических рабочих обществ, то католические попы создавали их под лозунгом—католическая церковь защитит рабочих от несправедливостей повседневной жизни и обещает им лучшее будущее на том свете.

В программе об'единения этих обществ имеются следующие положения, процитировать которые не бесполезно для понимания того, чем держит клерикализм отсталых рабочих в своих лапах.

«Название—сословное движение выбрано в сознательном противоречии к слову—классовое движение, ибо католические рабочие и работницы не стоят во враждебном противоречии к другим слоям народа, они не ищут в борьбе низших классов против высших средства достигнуть господства, но они хотят в согласном сотрудничестве со всеми другими классами народа повести к материальному и духовному под'ему положение наемных работников...».

«...Основой для наших стремлений является вера в цель и ответственность человека на том свете, вера в личного бога...».

«...Мы стоим на почве частной собственности, которая заложена в природе стремящегося человека и в потребностях семьи и общества...».

«...Мы отрицаем коммунизм, как в преувеличенной форме обобществления всех благ, так и в форме отчуждения из личной собственности земли, машин, инструментов и сырья и передачи их в собственность общества или человечества...».

Комментируя программу католических рабочих обществ в газете центра «Германия», один из деятелей обществ Ефес говорит: «Итак, либерально-капиталистический экономический порядок отвергается католическими рабочими. Они требуют в своей программе нравственной и социальной хозяйственной системы».

В комментарии к программе обществ, составленном в 1921 г. центральным правлением последних, говорится:

«...Необходимо преобразование нынешнего преимущественно либерального народного хозяйства на более высокую степень общественного хозяйства... Но путь общественного хозяйства не может быть путем социалистического хозяйства. Должна быть обеспечена возможность путем хозяйственной деятельности приобретать собственность для личного потребления... Особенно необходимо вовлечь рабочий класс наряду с «капиталом» в соответствующей мере в производственный процесс: ни в целой отрасли хозяйства, ни в отдельном предприятии рабочие не должны быть совсем исключены от распоряжения средствами производства... Так был бы на практике мыслим случай, что рабочие какого-либо предприятия, организованного как акционерное общество, приобретут большую часть акций и таким образом получат значительную часть дивидентов. Другим средством могут быть производственные кооперативы...».

Таким образом, программа этих рабочих обществ является винегретом из религиозных формул и социально-экономической демагогии, весьма искусно подогнанным под уровень политической малосознательности католических рабочих, которые уже инстинктивно чувствуют несовместимость со своими интересами капиталистического строя, но еще не нашли путей к научному социализму. Впрочем, практическая программа обществ не так уж разительно отлична от социал-демократической премудрости послевоенного времени. Это в сущности та же «хозяйственная демократия», о которой болтают Гильфердинги и Реннеры, это то же сотрудничество классов, которое является целью Грассманов и Лейпартов из соц.-дем. профсоюзов, наконец, это те же практические предложения превращения рабочих в акционеров промышленности и создания кооперативов, которые теперь широко пропагандируются американскими тред-юнионистами и их немецкими подголосками. Не мудрено, что отсталый католический рабочий при таких условиях готов верить и следовать за католическим попом, который в качестве рабочего «вождя» не так уже сильно отличается от социал-демократической профсоюзной бюрократии.

При всем этом социал-демократические вожди принимают все меры к тому, чтобы усилить иллюзии рабочих насчет партии центра и католических рабочих организаций. Многолетние коалиции с последней в Веймарском блоке социал-демократы обосновывали особым «рабочелюбием» центровиков. Даже теперь, когда партия центра вместе с националистами и народной партией образовала реакционный блок аграриев и тяжелой индустрии и проводит в стране реакционнейшую политику, социал-демократические вожди продолжают цепляться в отдельных государствах Германии—в Пруссии, Бадене и Гессене за коалицию с центром, создавая иллюзии того, что центр—«левая», «народная» партия. Больше того, главным героем социал-демократии за последнее время является бывший рейхсканцлер Вирт—вождь левого крыла центра, стоящий в оппозиции к официальной политике своей партии. Имя Вирта всячески превозносится и популяризируется среди социал-демократических рабочих и среди членов союза «республиканского флага», в качестве истинного республиканца и представителя прогрессивной части буржуазии и все это для того, чтобы иметь впоследствии зацепку для новой имперской коалиции с центром, быть может под эгидой Вирта. При этом социал-демократы прекрасно понимают, что об'ективная роль Вирта и других «левых» центровиков заключается в том, чтобы кажущейся оппозиционностью и враждебностью к буржуазному блоку, сохранить иллюзии среди католических рабочих, что их партия еще не целиком враждебна пролетариату и что есть еще надежда ее вернуть на путь истины. Это искусное разделение ролей в партии центра, при котором правое аграрно-промышленное крыло во главе с Марксом и Штегервальдом ведет практическую политику буржуазного блока, а левое, мелкобуржуазное прикрывает эту политику оппозиционной фразеологией, на деле скрывается социал-демократией от масс и все во имя оправдания ее соглашательской политики классового сотрудничества. Это положение ни в коем случае не отменяется последними решениями Кильского соц.-дем. партейтага, на котором в высокопарных тонах говорилось о необходимости завоевания для социализма католических рабочих. В конечном счете это «разговоры для бедных», на деле Гильфердинги и Велсы будут продолжать сотрудничество, а не борьбу с Виртом и Марксом и другими вождями партии центра.

До сих пор мы касались сфер влияния клерикализма на массы в Германии, а также методов и организационных форм этого влияния. Картина была бы не полной, если бы мы не остановились и на тенденциях *расслоения*, на *противоречиях* и *элементах распада* в массовых организациях клерикализма и, в частности, внутри партии центра.

Все эти тенденции закономерно заложены в самой структуре организаций клерикализма и партии центра. Как мы уже указывали выше, партия центра является конгломератом различных социальных групп и классов католического населения Германии. Естественно поэтому, что на ряду с элементами центростремительными, сцепляющими воедино разнородные части партии (религия и пр.), имеются и сильные противоречия и центробежные тенденции, вытекающие из наличия различных социальных и классовых интересов у отдельных частей партии. Эти противоречия острее всего сказываются между пролетарскими частями партии, католическими рабочими организациями и ее крупно-промышленно-аграрным крылом. Руководство партии старается в общем лавировать между различными социальными группами ее, при чем это лавирование заключается в том, что партия ведет политику крупной буржуазии и богатого крестьянства и по временам делает рабочим незначительные уступки, сопровождаемые большой агитационной шумихой. Успех такой политики зависит в основном от степени остроты классовых противоречий в стране. Чем острее классовые противоречия, тем труднее удается партийному центру склеивать и замазывать щели в партии, тем требовательнее становятся католические рабочие, тем больше растет существующее всегда недовольство рабочих политикой партии и тем больше проявляются тенденции расслоения и даже распада.

За последние годы общее экономическое и политическое положение Германии содействует *росту* и *обострению классовых противоречий*. На ряду с этим, в политике партии центра выявился большой крен вправо, доказательством чему является тот реакционный курс, который осуществляется в стране буржуазным блоком под эгидой партии центра. Реакция эта находит свое выражение, как в общем курсе промышленности на переложение тяжести частичной стабилизации капитализма на рабочий класс, так и во всем социальном и культурном законодательстве правительства страны. Все это вызвало значительное обострение классовых противоречий в партии центра и острое недовольство католических рабочих политикой партии. Особенно содействовала этому позиция центра в ряде крупнейших вопросов внутренней политики:—в вопросе о возмещении бывших князей и, в частности, Гогенцоллернов, партия заняла официально враждебную позицию к лозунгу коммунистов, поддержанному социал-демократами о безвозмездном отчуждении имущества б. князей. В то же самое время католические рабочие с энтузиазмом поддержали этот лозунг и во время народного голосования по этому вопросу от 1—1½ миллионов избирателей партии центра, преимущественно рабочих, голосовали за экспроприацию князей. Точно так же, очень недовольна рабочая часть партии поддержкой со стороны последней повышением ввозных аграрных пошлин, которые были проведены в угоду крупным аграриям и которые привели к росту дороговизны в стране и к отягощению рабочего бюджета.

Далее, в области рабочего законодательства политика партии содействовала успешному наступлению капитала на рабочее время, заработную плату и другие условия труда рабочих.

Этот рост недовольства католическими рабочими политикой партии и клерикализма вообще находит свое отражение в партийной литературе и прессе. Литераторы и политики партии, констатируя наличие элементов кризиса в партии, анализируют его причины и ищут способов его устранения.

Особенно показательным для характеристики кризиса в отношениях клерикализма с пролетариатом является материал секретной анкеты, которую руководящие инстанции партии центра провели в конце 1926 года среди функционеров аппарата партии и духовенства. Анкета эта, касающаяся нынешних настроений католических рабочих, была затем обработана для внутреннего употребления партийного аппарата и не опубликовывалась в германской печати. Она представляет огромный интерес, ибо характеризует настроения не верхушки католических рабочих организаций, а самих масс. Поэтому мы позволим себе привести несколько более длинные выдержки из нее.

Об отношении католических рабочих к предпринимателям лицо, разрабатывавшее ответы анкеты, говорит:

> «Я читаю везде—«отчужденно», «недоверчиво», «отрицательно», «напряженно», «противоречия на лицо», «враждебно». Слабейшее выражение из Верхнего Пфальца гласит «холодный нейтралитет». Единодушно констатируется растущая напряженность и обострение противоречий... Один, охватывающий все факты и причины отчет из Нижнего Рейна, говорит: Католические рабочие относятся к предпринимателям с большим недоверием. Чисто капиталистическая установка большинства предпринимателей не допускает доверчивого сотрудничества... В предприятии рабочий не чувствует себя человеком... в общественной и политической жизни он видит предпринимателей большей частью в лагере реакции... Католические рабочие в большей части уже не питают больше веры, что нынешние предприниматели честно хотят соглашения и сотрудничества с рабочими... Особенно велико противоречие к безличному характеру крупных предприятий—к концернированным предприятиям... Таково же отношение к большинству католических предпринимателей... Ожесточающе действует, что католический предприниматель ограничивает католическую мораль на частную жизнь и боязливо старается, чтобы эта мораль не проявлялась в хозяйственной деятельности».

Таковы действительные настроения католических рабочих—обострение классовых противоречий, прекращение эпохи гармонического сожительства под крылышком клерикализма. Соответственно этому звучат и ответы анкеты на вопрос об отношении католических рабочих к классовой борьбе:

> «Христианский рабочий осуждает головой классовую ненависть против собственнических и состоятельных кругов народа. Но чувством он также стоит под влиянием глубоко-отрицательного отношения к богатым классам... Везде, где живут чисто-наемные рабочие, противоречие с богатыми слоями за последние годы выросло».

Среди католических рабочих явно растет сознание необходимости классовой борьбы и в результате этого растет расслоение в католических организациях, об'единяющих все группы католического населения, нарастает кризис клерикализма. По этому поводу анкета отмечает:

«С трудом можно привлечь рабочих к сотрудничеству в общекатолических организациях»... «Среди неохваченных обществами рабочих наростает всеобщее недоверие против клеруса и церкви».

Один рейнский отчет говорит по этому поводу в следующих выражениях:

«Доверие к клерусу проделывает опасную пробу. Нужно быть слепым на оба глаза, чтобы не видеть, как исчезает авторитет духовенства»... «Кризис доверия»,—говорит один вестфальский отчет,—«в деревне не меньше, чем в городах»...

«...В областях, где религия соприкасается с хозяйством и политикой, мнение духовенства не оценивается более, как евангелие».

Об отношении католических рабочих к социалистическому и коммунистическому движению анкета констатирует:

«Во всей Германии практическое и идейное отношение католических рабочих к социалистическому движению значительно изменилось. Противоречие практически ощущается только в вопросах мировоззрения, не так в преследовании социальных и экономических целей... Острая борьба против социалистов не найдет больше в католических рабочих кругах никакого энтузиазма.

...В целом ряде отчетов указывается даже на опасность, что и границы мировоззрений могут постепенно стереться... в результате всего этого отмечается растущая радикализация католических рабочих».

О коммунистах анкета говорит:

«Коммунисты являются наследниками бывших социалистов... Нельзя оспаривать, что коммунистические идеи проникли и в круги католических рабочих... Коммунистический «Ротер Юнгштурм» влияет тоже на состояние католической рабочей молодежи».

Об отношении к современному буржуазно-демократическому государству со стороны католических рабочих анкета отзывается следующим образом:

«Парламентская система в ее нынешней форме встречает мало симпатий, частично даже вызывает резкую критику».

В общем и целом анкета эта, которую недаром держат вожди партии центра в секрете, дает картину роста кризиса клерикализма в отношении влияния на рабочий класс и значительное сближение католических рабочих с социалистическим и коммунистическим движением. За последнее время такое настроение приводит к отдельным отколам рабочих групп от партии центра и к образованию всякого рода радикально-настроенных промежуточных организаций. Среди них наиболее выдающуюся роль играет христианско-социальная партия (Christlich-Soziale Reichspartei) под руководством Витуса Геллера. Это пока еще небольшая партия, охватывающая радикальных католических рабочих западных промышленных районов Германии, настроена резко антикапиталистически и периодически сотрудничает с коммунистической партией, например, в кампании по экспроприации князей. Физиономия этой партии характеризуется ее декларацией, напечатанной в ее органе «Новый Народ» в феврале 1927 года. Приводим некоторые интересные места:

«Реакция, собственность, милитаризм, дух старой Германии, к этому кажущаяся демократия, которая связана с капитализмом, тяжелая индустрия, финансовая верхушка и т. д., консервируют снова старые силы. Индустрия, биржевые курсы, банковские прибыли вновь «восстанавливаются», новая милитаризация, неразрывно связанная с системой Гесслера (военный министр Германии. *Н. Р.*) и духом старых партий, ведет шаг за шагом в идейном и материально-организационном направлении к новому вооружению. Лига Наций—не гарантия мира. Широкие слои народа, однако систематически идут к низу... Мы ясно осознаем положение, мы делаем последние выводы, мы идем к решению в корне: радикальное решение социальных вопросов через единство трудящегося народа. Действительное народное государство после ниспровержения капитализма».

Язык этот звучит совсем иначе, чем даже у иных «левых» социал-демократов, здесь призыв к борьбе, который становится еще резче в словах вождя партии Витуса Геллера:

«Ясное решение: человек или денежный мешок. Классовая борьба буржуазного блока или освободительная борьба трудящегося народа».

Таким образом, общую оценку роли клерикализма в рабочем классе Германии можно резюмировать следующим образом: клерикализм и его политический орган—партия центра являются еще крупной массовой силой, опирающейся на широкие слои католической мелкой буржуазии и на политически отсталые части пролетариата. Он обладает мощной, с большими традициями организацией воздействия на массы. Однако, в ней налицо трещины, вследствии роста классовых противоречий в стране и радикализации католических рабочих. На почве социальной и экономической борьбы растет у последних сознание общности их интересов с социал-демократическими, коммунистическими рабочими.

Из всего этого должен быть сделан вывод, что коммунистические партии в странах с католическим населением должны в программу завоевания масс включить и борьбу с клерикализмом за католических рабочих. Эта борьба должна итти в первую очередь по линии нащупывания *общих социальных и классовых интересов коммунистических и католических рабочих*. Разоблачение лицемерия католической церкви, католических партий и рабочих организаций, их роли как агентов капитализма, общие выступления с низовыми католическими рабочими организациями по вопросам рабочей политики, крупным вопросам внутренней политики (налоги, таможенная политика и т. п.)—таковы пути воздействия на католические рабочие массы. Повторяем, ошибочно оставлять последних только воздействию атеистических организаций и антирелигиозной пропаганды. Это уже вторая задача, осуществлять которую необходимо чрезвычайно осторожно и которая будет тем более успешной, чем успешнее непосредственно политическое воздействие на католических рабочих.

Б. Колесников.

Итоги и перспективы индустриализации [1]).

Индустриализация нашей страны—вот вопрос, от решения которого зависит судьба советской власти. До тех пор, пока наша страна остается по преимуществу крестьянской, море мелко-собственнических хозяйств всегда будет грозить захлестнуть островки нашей национализированной промышленности. Пока крупное государственное хозяйство еще не завоевало сохраняющего природу товарного хозяйства земледелия, это последнее останется питательной средой для законов досоциалистической экономики, охватывающих своими щупальцами весь наш народно-хозяйственный организм и ежеминутно сталкивающихся с нашей государственной надстройкой. При наличии такого глубокого противоречия между законами нашей экономики и нашей государственной надстройкой, их взаимодействие может осуществляться только на основе подвижного равновесия, развивающегося либо в одну, либо в другую сторону, либо назад к торжеству законов досоциалистической экономики над формами нашего государственного бытия, т.-е. к капитализму, либо вперед, к торжеству пролетарской диктатуры над досоциалистической экономикой, к социализму.

Поскольку законы нашей экономики уходят своими корнями в толщу мелко-собственнического крестьянского хозяйства, подрезать их можно только там, в сельском хозяйстве; эта историческая задача может быть выполнена с переходом к обобществленному земледелию. Но обобществление земледелия требует не только культурной революции в крестьянской среде, которую готовит наше кооперативное движение; она станет возможной лишь с переходом техники сельского хозяйства на новую, высшую ступень, что сопряжено с огромным переливом национальных капиталов из промышленности в сельское хозяйство и мыслимо лишь при индустриализации всего хозяйства нашей страны. «Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве и, чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», писал об этом Ленин (см. его доклад на VIII Всероссийском с'езде советов, том XVII, стр. 428).

Вот почему индустриализация нашего народного хозяйства, перевод его на техническую базу современного крупного производства есть вопрос, от решения которого зависит судьба советской власти. Разобраться в том, как наша партия на деле этот вопрос решает, нужно с фактами и цифрами в руках.

---

[1]) Статья печатается в дискуссионном порядке.

Одним из главнейших показателей индустриализации является соотношение между ростом промышленности и сельского хозяйства. Оценка этого соотношения дается у нас обычно на основе опыта истекших лет, охвативших т. н. «восстановительный» период. Сравнивая развитие промышленности и сельского хозяйства в последние годы, нужно помнить, что в тех условиях, какие сложились у нас в минувшую эпоху, промышленность была гораздо более подвижна, чем сельское хозяйство. Поэтому в период гражданской войны разруха захватила промышленность глубже, чем сельское хозяйство; промышленная продукция в 1922—23 году (неурожайный 1921—22 год не характерен для сравнения) составляла всего 34,7% довоенной, в то время как продукция сельского хозяйства не падала в том же году ниже 66,8% довоенного уровня. Напротив, за годы восстановительного периода промышленность восстанавливалась быстрее, чем сельское хозяйство, и в 1925—26 году промышленная продукция подошла к довоенному уровню даже несколько ближе, чем валовая продукция сельского хозяйства: первая составила 98,8% довоенной, а вторая—88,2% довоенного уровня. Причины этого несколько более быстрого восстановления промышленности *по отношению к довоенному уровню* заключаются прежде всего в том, что промышленность должна была восстанавливать преимущественно свой оборотный капитал, а сельское хозяйство восстанавливало в значительной части также и основной капитал (рабочий скот и проч.).

Соотношение роста промышленности и сельского хозяйства в годы восстановительного периода, неоднократно давало повод рассматривать более быстрый рост промышленности по сравнению с сельским хозяйством, как доказательство прогрессирующей индустриализации нашей страны. Из многочисленных заявлений такого рода приведем известные выступления т. Бухарина в июле 1926 г. в Ленинграде и в январе 1927 г. в Москве. В своей ленинградской речи, сравнивая процент увеличения продукции промышленности и сельского хозяйства с 1922—23 по 1925—26 год (по промышленности—274%, по сельскому хозяйству—32%)., т. Бухарин заявил, что «баланс получился в пользу промышленности», так как «наша промышленность до сего времени в своем росте обгоняла развитие сельского хозяйства» (см. Рыков и Бухарин «Партия и оппозиционный блок», стр. 38). В своей московской речи, сравнивая процент роста промышленной и сельскохозяйственной продукции с 1923—24 по 1925—26 год (по промышленности—120,7%, по сельскому хозяйству—27,6%), тов. Бухарин заявил еще более решительно: «отсюда вытекает, что темп развития нашей промышленности гораздо более быстрый, чем темп развития сельского хозяйства, или, что то же, *удельный вес индустрии в нашей стране повышается*» (см. Бухарин «Международное и внутреннее положение СССР», стр. 22).

Можно ли делать какие-либо выводы о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране» на основе сравнения роста промышленности и сельского хозяйства в годы восстановительного периода? По нашему мнению, поступать так можно только грубейшим образом игнорируя самую сущность происходившего у нас *восстановительного* хозяйственного процесса. Наша промышленность *восстанавливалась*; это значит, что скелет бездействовавшего основного капитала мало-по-малу обрастал живой плотью производственных материалов, топлива, рабочей силы и т. д.

Естественной границей этого процесса восстановления, к которой он тяготел в своем развитии, являлся уровень продукции, соответствовавший наличному основному капиталу, т.-е., в общем и целом, довоенный уровень производства. Примерно в таких же формах протекал восстановительный процесс и в других отраслях народного хозяйства: в земледелии он шел к достижению довоенной посевной площади, на транспорте—к соответствовавшему промышленной и сельскохозяйственной продукции грузообороту и т. д. Органическая взаимозависимость между отдельными элементами нашей экономики заставляла их соразмерять темп своего восстановления так, чтобы основные пропорции между ними были восстановлены на основе довоенных соотношений, примерно, к одному и тому же сроку; вот почему в 1925—26 г. различные отрасли нашего народного хозяйства, с разных сторон, подошли в общем и целом к одному и тому же довоенному уровню—за исключением тех из них, развитие которых (как, например, денежного обращения) было нарушено изменением социальной структуры нашего хозяйства. Такова несложная философия восстановительного хозяйственного процесса.

А в чем же проявлялось при этом влияние регулирующей воли государства? Положительное влияние регулирующей воли государства проявлялась в той мере, в какой она *помогала* восстановительному процессу в каждой отдельной отрасли хозяйства протекать именно в том темпе, какой соответствовал гармоничному завершению восстановления народного хозяйства в целом. *В этой мере* государственное регулирование сыграло свою, далеко немалую роль, достаточно вспомнить, что за весь восстановительный период наше народное хозяйство только однажды (в 1923 году) испытало глубокое и всеобщее по своему характеру экономическое потрясение. Но, на ряду с этим в тех случаях, когда указания регулирующей воли государства *расходились* с об'ективными тенденциями восстановительного процесса, наши хозяйственные планы безжалостно корректировались стихией рыночного хозяйства: прекрасным примером этого служит систематическое превышение производственных программ промышленности на практике за последние два года.

Все это имеет прямое и непосредственное отношение к выводам о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране», которые неоднократно делались т. Бухариным (в цитированных выше его речах) и другими на основе опыта хозяйственного развития за восстановительный период. Поскольку темп восстановления всякой отрасли хозяйства, стремившейся прийти к своему довоенному уровню вместе с другими элементами нашей экономики, определялся прежде всего тем, насколько далеко или близко отстоял *исходный* уровень развития от *конечного*, довоенного—постольку каждая отрасль нашего хозяйства должна была восстанавливаться тем более крупными шагами, чем ниже падала она в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи. Чем более далек был путь до довоенного уровня, тем быстрее нужно было по этому пути подвигаться, чтобы прийти к «финишу»,—роль которого в восстановительном процессе играл довоенный уровень,—одновременно со всем народным хозяйством в целом. Промышленная продукция к 1922—23 г., как мы видели выше, упала, примерно, вдвое глубже по сравнению с продукцией сельского хозяйства—поэтому, чтобы прийти к довоенному уровню, она должна была вырасти,

примерно, в три раза, в то время как продукция сельского хозяйства для этого же достаточно было увеличиться в полтора раза. Если предположить, что продукция промышленности в 1922—1923 году была бы еще вдвое меньше, ее восстановление до довоенного об'ема было бы вдвое более быстрым и глаз тов. Бухарина радовали бы еще более крупные проценты роста промышленности в годы восстановительного периода. Из этого следует, что о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране» сравнение роста сельского хозяйства и промышленности за восстановительный период с точки зрения проблем индустриализации, не говорит ничего; единственное, о чем говорит это сравнение—это о глубине падения промышленности в период гражданской войны и первых лет нэпа.

Таким образом, для ответа на поставленный нами вопрос—как решает партия проблему индустриализации нашей страны—*прошлое* нашего хозяйственного развития не дает устойчивых данных. Тем большее значение приобретают данные о *будущем* нашего хозяйственного развития, по крайней мере в ближайший отрезок т. н. «реконструктивного» периода, охваченный госплановскими «Материалами» по пятилетнему хозяйственному плану. К характеристике некоторых важнейших черт этих «Материалов» мы и переходим.

Госплановские «Материалы» представляют собою попытку охватить перспективы нашего хозяйственного развития широко и многосторонне. При оценке индустриализации нашей страны в том об'еме, в каком она намечена пятилеткой, нельзя ограничиваться сравнением роста промышленности и сельского хозяйства; «Материалы» позволяют измерить индустриализацию в целом ряде новых разрезов, освещающих проблему индустриализации с разных сторон. Но прежде чем перейти к характеристике намеченного пятилеткой хозяйственного развития, нужно выяснить, какую общественно-материальную базу подводят «Материалы» под индустриализацию нашей страны—другими словами, на какой класс они возлагают «издержки по индустриализации»?

Проблема накопления капитала в социальном ее разрезе отнюдь не нова. Вопрос о том, должна ли индустриализация опираться на прибавочный труд и доходы не-пролетарских классов,—в частности, крестьянства,—неоднократно ставился в нашей печати. Именно по этой линии шли известные споры с Преображенским, которого официальные публицисты обвиняли в призывах к *неумеренной* перекачке национального дохода из крестьянского хозяйства в государственную промышленность, угрожающей подорвать политический союз пролетариата с крестьянством. Однако, наша официальная печать, на ряду с борьбой против такой *неумеренной* (по ее мнению) перекачкой капиталов из сельского хозяйства в промышленность, никогда не отрицала неизбежность и необходимость такой перекачки вообще. В подтверждение этого можно привести бесконечное число примеров; чтобы не загромождать текст излишними цитатами, ограничимся ссылкой на передовицу № 9—10 «Большевика» за 1926 год (посвященную решениям пленума ЦК ВКП в апреле 1926 года), утверждавшую совершенно недвусмысленно: «Само собой разумеется, что индустриализация будет производиться и за счет деревни, в первую очередь за счет ее буржуазных слоев, а также в известной мере, и за счет основной середняцкой массы крестьянства».

Несколько более осторожно ставились и решались вопросы накопления в резолюциях последних партийных с'ездов и конференций,—но все же и в них предусматривалась необходимость перекачки дополнительных средств в промышленность извне, т.-е. в том числе, и из сельского хозяйства. Так, в утвержденных Политбюро ЦК ВКП к XIV с'езду тезисах доклада по «Вопросам хозяйственного строительства» (как известно, не заслушанного с'ездом) говорилось: «необходимо, однако, помнить при составлении и осуществлении практических планов, направленных к осуществлению этой задачи (индустриализации страны), что темп этой реорганизации находится в тесной зависимости от тех средств, которые будут представляться социалистическому государству общим хозяйственным под'емом страны и что практические планы должны быть строго увязаны с ходом накопления средств как в крестьянском хозяйстве, так и в государственном бюджете и в каналах государственного кредита. *Политика партии должна быть направлена к тому, чтобы в меру роста благосостояния страны, все большая сравнительно доля средств направлялась на промышленное строительство, электрификацию и общую индустриализацию страны*» (подчеркнуто нами).

Резолюция пленума ЦК ВКП в апреле 1926 г. по вопросу «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» подходила к интересующей нас проблеме с другой стороны; она подчеркивала, что «эта задача (индустриализации) может быть успешно разрешена только в том случае, если партии удастся» на ряду с жесткой экономией в расходах «увеличить приток свободных средств населения во всякого рода кредитные, кооперативные учреждения и государственные займы, в целях использования этих накоплений для дальнейшего развития производительных сил страны и, прежде всего, индустрии».

Наконец, в резолюции XV Всесоюзной партконференции по докладу «О хозяйственном положении страны и задачах партии» мы встречаем особый раздел, озаглавленный «Источники накопления», где говорится: «Темп расширения основного капитала будет зависеть: а) от размеров накопления обобществленной промышленности; б) *использования через государственный бюджет доходов других отраслей народного хозяйства*; в) использования сбережений населения путем вовлечения их в кооперацию, в сберегательные кассы, внутренние государственные займы, кредитную систему и т. п.». Специально о промышленности этот же раздел говорит следующее: «Как бы ни возрастало внутрипромышленное накопление его, во всяком случае на протяжении ближайшего периода, не может быть достаточно для обеспечения необходимого темпа развития индустрии. Поэтому дальнейшее развертывание промышленности будет в значительной степени зависеть от тех *дополнительных* средств, которые будут направлены в промышленное строительство» (подчеркнуто нами).

Мы привели эти несколько длинные выдержки из решений высших партийных органов, чтобы показать как выглядит в свете этих решений постановка, которую дают проблеме накопления «Материалы по пятилетнему хозяйственному плану». Предоставим слово авторам «Материалов».

«Было бы ошибкой думать,—читаем мы на стр. 27 и следующих,—что дополнительные ресурсы бюджета *целиком* извлекаются им из частно-хозяйственного сектора. Государственная

промышленность и торговля питают бюджет не только своими прибылями, но и в порядке налогового обложения, акцизов, пошлин и т. д. Кооперированное хозяйство тоже вносит в госбюджет изрядную долю своих накоплений. За счет деревни в этих «из'ятиях» мы во всяком случае не располагаем никакими рессурсами, для осуществления намеченного нами плана индустриализации страны». «Деревня не оплачивает сельхозналогом полностью даже тех затрат,—читаем мы дальше,—которые советская власть несет на социально-культурные расходы деревни. И если тем не менее, в нашей пятилетке мы намечаем не менее 1.200 милл. рублей на финансирование сельского хозяйства, то здесь уже не индивидуалистическая деревня к городу, а социализирующийся город к деревне приходит со своей мощной поддержкой». Из этого вытекает, что «в последнем счете все финансирование нашего народного хозяйства, происходит ли оно за счет прибылей наших государственных предприятий или за счет бюджетных рессурсов, падает всей своей тяжестью на трудовые доходы и прежде всего на городской пролетариат».

Такое решение проблемы накопления капитала госплановские «Материалы» об'ясняют и оправдывают тем, что «при низком уровне производительности труда и низком душевом доходе, деревня живет на *пороге физиологических норм существования* и не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления».

В этих цитатах выражено политически совершенно определенное решение вопроса об общественно-материальной базе индустриализации, т.-е. о том, *какой класс должен вынести индустриализацию на своих плечах.*

Беглый взгляд на основные расчеты «Материалов» убеждает в том, что приведенное выше решение вопроса целиком преломилось в соотношении развития основных элементов нашей экономики. Общая сумма капитальных вложений определена по пятилетке в 17.428 млн. руб. (не считая резерва в 150 млн. рублей), а общая сумма накоплений в государственном хозяйстве, за исключением бюджета — в 13.844 милл. рублей. Таким образом, дефицит государственного хозяйства за пять лет выражается в сумме 3.584 милл. рублей, а покрывающие его с некоторым запасом бюджетные ассигнования на индустриализацию запроектированы в сумме 4.406 милл. руб. Нет никакого сомнения в том, что поступления в бюджет от государственного хозяйства,—за исключением тех из них, которые (как отчисление от прибылей и подоходный налог) вошли очевидно в итог *накоплений* по государственному хозяйству,—*превысят* эту цифру бюджетных ассигнований на индустриализацию; достаточно указать, что один промысловый налог с госпредприятий (без патентов) определен на пятилетие в сумме 573 милл. рублей, гербовый сбор и пошлины, на три четверти ложащиеся на государственное хозяйство, предположены в сумме 1.093 милл. руб., таможенные доходы, при отсутствии потребительского импорта падающие почти целиком на промышленность, запроектированы в сумме 1.155 милл. руб. и т. д. и т. д. Если вспомнить, что в цифру капитальных вложений входит 1.200 милл. руб. на сельское хозяйство, которые, за исключением 40 милл. руб. для электрификации деревни и совхозов, целиком предназначены для удовлетворения тех или иных нужд крестьянского мелко-собственнического хозяйства,—

остается согласиться с тем, что пятилетка не только не предусматривает известной перекачки средств из крестьянского хозяйства в государственное, но, напротив, таит в себе обратную перспективу перераспределения капиталов из т. н. «государственного сектора» в сельское хозяйство.

Впрочем, в данном случае цифровая проверка намеченной в «Материалах» общей линии лишена особого интереса, поскольку сама линия открыто подтверждается ее авторами. Итак, «Материалы» предлагают индустриализировать хозяйство нашей страны исключительно за счет прибавочного труда пролетариата, т.-е. иными словами, *за счет рабочего класса.* Такая постановка вопроса *в корне противоречит духу всех прежних решений партийных органов на этот счет.* Но, может быть, наша страна так разбогатела, а производительность труда поднялась на такую высоту, что мы можем отказаться от привлечения к покрытию «издержек индустриализации» непролетарских классов? Посмотрим, насколько отвечает индустриализация пятилетки пред'являемым к ней требованиям и насколько она, прежде всего, удовлетворяет развитию производительных сил нашей страны.

Основная производительная сила есть *человеческий труд.* Если, с одной стороны, мертвые средства производства становятся источником богатства, лишь при оплодотворении их живым человеческим трудом, то, с другой стороны труд, есть важнейший залог роста национального богатства. Поэтому использование производительных сил должно быть прежде всего наиболее полным и целесообразным использованием наличного человеческого труда. Вопрос, насколько отвечает требованиям развития производительных сил наша пятилетка, решается прежде всего под этим углом зрения, в прямой зависимости от того, насколько полно и целесообразно она предполагает использовать свободные запасы человеческого труда в нашей стране.

Этот же вопрос имеет еще другое, более важное значение. Наша экономическая политика призвана не только вообще развивать производительные силы страны, но развивать их в направлении к *социалистической* организации хозяйства. Важнейшим показателем движения к социалистической организации хозяйства, является постепенное рассасывание безработицы, вплоть до полного исчезновения резервной трудовой армии— так же, как относительный рост безработицы является неизбежным спутником *капиталистического* развития. «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а, следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше относительное перенаселение или промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный, признанный властями пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления*», писал по этому вопросу Маркс («Капитал», том I, гл. 23).

Таким образом, «социалистическое качество» наших хозяйственных планов проверяется прежде всего тем, насколько они преодолевают этот «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления», насколько они ликвидируют «промышленную резервную армию», насколько они помогают рассасыванию безработицы. Как же выглядит наша пятилетка с этой стороны?

К несчастью, в этом разрезе пятилетний хозяйственный план не в силах удовлетворить даже самые скромные требования, несмотря на то, что проблема использования трудовых ресурсов рассчитана в «Материалах» довольно оптимистически. Достаточно привести основные, относящиеся к этому вопросу цифры, чтобы полная несостоятельность пятилетки под интересующим нас углом зрения стала совершенно очевидна. Общее число лиц наемного труда, составляющее в 1926—27 году 11.160 тыс. чел., к 1930—1931 году, по предположениям пятилетки, дойдет до 13.325 тыс. чел., т.-е. увеличится всего на 2.165 тыс. чел. Нужно заметить, что это увеличение предполагается преимущественно за счет строительства; в крупной промышленности число рабочих должно увеличится за 5 лет всего на 316 тыс. чел., т.-е., примерно, по 60—65 тыс. в год, а на транспорте—на 258 тыс. чел., т.-е., примерно, по 50—55 тыс. в год (см. стр. 6 приложений). Прирост трудоспособного городского населения за тот же период предположен в размере 2.165 тыс. чел.—эту цифру нельзя не признать преуменьшенной, ибо по свидетельству зав. отд. рынка труда НКТ СССР Гиндина, «данные всесоюзной переписи населения, показавшие прирост населения городов за три года почти в пять с лишним миллионов, неопровержимо доказывает, что число оседающих ежегодно в городах из прибывших из сельских местностей достигает колоссальной цифры в миллион человек (см. его статью «Состояние безработицы и меры борьбы с ней» в «Правде» от 7 июня с. г.). Но даже принимая госплановскую цифру прироста трудоспособного городского населения в 2.165 тыс. человек, мы получаем в балансе использования городского населения в рабочем возрасте (см. стр. 15 приложений) почти стабильный остаток безработных, уменьшающийся с 1.189 тыс. чел. в 1926—27 г., до 1.146 тыс. чел., в 1930—31 г., т.-е. всего на 3,6% за 5 лет. Да и это предполагаемое «уменьшение» безработицы на 3,6% стоит очень немного, если принять во внимание, что уже в текущем году число безработных вместо намеченной пятилеткой средней годовой в 1.189 тыс. чел., фактически достигло к 1 апреля с. г. огромной цифры в 1.455 тыс. человек.

«Материалы» предполагают вместо постепенного рассасывания безработицы, ее стабилизацию, а на практике их осуществление вызовет, несомненно, дальнейший рост числа безработных со всеми вытекающими отсюда последствиями—ростом нищеты масс и пр. *Естественное воспроизводство рабочего класса грозит превратиться в трагедию.* Недаром на заседании Промплана ВСНХ СССР, где обсуждалась пятилетка по промышленности, представитель ВЦСПС напоминал о том, что «необходимо подумать не только о той излишней рабочей силе, которая идет из деревни, но и о естественном приросте рабочего класса, о детях рабочих», ибо «при намеченном вовлечении новых работников работы не хватит даже и для них». (См. отчет в «Торгово-Промышленной газете» от 2 февраля с. г.). Действительно, уже среди безработных, зарегистрированных на бирже труда на 1 мая с. г., рабочих-подрост-

ков было 141 тыс. чел., или 9,9% всех зарегистрированных безработных...

Не лучше обстоит дело и в деревне, «аграрное перенаселение» которой играет роль фундамента «промышленной резервной армии». По балансу труда сельского населения (см. стр. 16 приложений), избыточное сельское население (в мил. рабочих лет, что близко к мил. душ) составляет в 1926/27 году 7,15 мил., а в 1930/31 году—7,22 мил. Но авторы «Материалов» оговариваются, что этот расчет сделан в предположении «неизменной производительности труда из расчета на единицу площади в сельском хозяйстве». «Но если исходить,—продолжают «Материалы»,—даже из весьма скромной цифры прироста производительности за 5 лет в 5%, то этот прирост может сразу повысить избыточное население деревни на 3 миллиона душ рабочего возраста» (см. стр. 14 «Материалов»).

Итак, решить задачу использования основной производительной силы, каковой является человеческий труд, пятилетка оказывается не в состоянии. Миллион с лишним безработных в городе и семь с лишним миллионов «лишних» работников в деревне, т.-е. в лучшем случае то, что мы имеем сегодня—вот что обещают нам «Материалы» через пять лет. Марксов «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» под обстрелом плановых расчетов нашей «социалистической бухгалтерии» остается непоколебленным...

Но, может быть, хищническая растрата человеческого труда, тяготеющая над нами, как наследство экономики царской России, настолько велика, что ликвидировать ее не в силах даже самый крутой темп промышленного строительства и индустриализации страны? Чтобы дать оценку пятилетки с этой стороны, обратимся к рассмотрению темпа индустриализации нашего хозяйства в том виде, в каком намечают его «Материалы».

Валовая промышленная продукция, составляющая в 1926/27 году 8.117 милл. дов. рублей, должна по пятилетке увеличиться к 1930—31 г. до 11.817 милл. дов. рублей, т.-е. на 45,6%. Во втором году этого пятилетия об'ем промышленной продукции составит 112,3% по отношению к первому году, в третьем году—109,7% по отношению к предыдущему году, в четвертом году—109,0% и, наконец, в пятом году—108,4%. Попутно заметим, что в этом ряду цифр бросается в глаза падающий темп годового прироста промышленной продукции (т. н. «потухающая кривая») к концу пятилетия. В общем же, за 5 лет средний годовой прирост промышленной продукции должен составить 9,8%. Несколько выше этот средний годовой прирост продукции по крупной государственной фабрично-заводской промышленности, где он составляет 10,7% (см. стр. 2 приложений).

Взятые сами по себе, эти цифры остаются несколько сухими, но они должны заговорить *в сравнении* с данными о росте промышленной продукции в других странах или в дореволюционной России. Так, как образцом быстрого промышленного развития принято считать Северо-Американские Соединенные Штаты, приведем для сравнения данные о среднем годовом росте промышленной продукции в этой стране. Высчитанный в среднем для каждого десятилетия, этот годовой прирост составлял: с 1850 по 1860 год—8,7%, с 1860 по 1870 г.—7,9%, с 1870 по 1880 год—5,8%, с 1880 по 1890 год—4,9% и с 1890 по 1900 год—4,3% (см. статью

Гинзбурга «Пятилетняя гипотеза развития промышленности» в «Социалистическом Хозяйстве» за 1926 г., кн. IV, стр. 47). Эти цифры значительно ниже годового прироста промышленной продукции, который предположен нашей пятилеткой. Иначе и быть не может, ибо здесь сравниваются перспективы нашего развития в нормальных экономических условиях с итогами полувекового развития капиталистической страны, многократно проходившей в течение этого времени свойственные капиталистическому хозяйству и сменяющие друг друга фазы экономического развития и застоя. Плановая организация нашего хозяйства должна предохранить нас от экономических кризисов, поэтому сравнивать темп нашей пятилетки следует не с развитием промышленности в других странах вообще, а с ее развитием в периоды экономического под'ема, когда производительные силы капиталистического хозяйства получают возможность проявиться в полной мере.

Не имея под рукой подробных данных о росте промышленной продукции в Соединенных Штатах по отдельным годам (которые позволили бы выделить периоды промышленного под'ема), обратимся к данным о росте промышленной продукции в дореволюционной России. Кстати, нужно заметить, что темп этого роста не только не уступал «американскому», но и *превышал* его. Для сравнения с нашей пятилеткой возьмем периоды двух последних экономических под'емов—с 1893 по 1899 и с 1911 по 1913 год. Годовой прирост фабрично-заводской промышленной продукции составлял в 1893 году—9,2%, в 1894 году—11,5%, в 1895 году—12,3%, в 1896 году—10,1%, в 1897 году—10,7%, в 1898 году—12,4% и в 1899—16,8%. В среднем же за эти семь лет годовой прирост составлял 11,9%. Далее, в 1911 году годовой прирост фабрично-заводской продукции составил 9,5%, в 1912 году—13,6% и в 1913 году—11,1%, а в среднем за эти три года—11,4% (см. брошюру Струмилина «Проблема промышленного капитала в СССР», стр. 30—31). Этим цифрам среднего годового прироста продукции фабрично-заводской промышленности в периоды экономического под'ема царской России (11,9% и 11,4%), в нашей пятилетке противопостоит несколько меньший средний годовой прирост в 10,7%.

Несколько более благоприятная картина получается при сравнении роста продукции по важнейшим промышленным товарам, производимым тяжелой индустрией. Так, по каменному углю пятилетка проектирует средний годовой рост добычи в 10,7% против 11,9% в период 1911—1913 г. г. По чугуну—в 15,2% против 13,3% в период 1891—1900 г.г. и 14,% в период 1911—1913 г.г. По стали—в 13,7% против 12,7% в период 1891—1900 г.г. и 12,0% в период 1911—1913 г. г. По прокатному металлу—14,7% против 12,7% в период 1891—1900 г. г. и 12,0% в период 1911—1913 г. г. (см. стр. 68 приложений к госплановским «Материалам» и статью Квиринга «Товарный голод и перспективы промышленности» в «Красной Нови» за 1925 г., № 10, стр. 173). Таким образом, пятилетка проектирует темп роста фабрично-заводской промышленности в среднем несколько более *слабый* по сравнению с периодами хозяйственного под'ема дореволюционной России, при чем этот темп несколько *выше* по основным продуктам тяжелой индустрии и, очевидно, несколько ниже средней по товарам обрабатывающей промышленности.

Рост промышленной продукции зависит прежде всего от роста промышленных капиталов и, в особенности, от роста основных капиталов промышленности. Поэтому полезно сравнить темп накопления основных капиталов государственной промышленности, т.-е. темп капитального строительства по нашей пятилетке с приростом основных капиталов русской промышленности в периоды экономических под'емов до революции. Общая сумма капитальных вложений (за все 5 лет) предположена в сумме 5.653 мил. руб.—эта цифра не на много меньше общей суммы основных капиталов, которыми обладает наша крупная госпромышленность в текущем году (6.104 мил. рублей). На первый взгляд может показаться, что основные капиталы крупной промышленности должны почти удвоиться, в ближайшее пятилетие. На деле это, однако, далеко не так, ибо капитальное строительство питает не только прирост основных капиталов, служащих базой *расширенного* промышленного воспроизводства, но и покрывает износ старых капиталов, восстанавливаемых (хотя бы на новой технической основе) за счет амортизационных фондов, расходование которых в ближайшее пятилетие должно достигнуть огромной суммы в 2.193 мил. рублей; а капитальное строительство, производящееся за счет амортизационных фондов, служит базой не расширенного, а *простого* воспроизводства. Соответственно этому, реальный прирост основных капиталов промышленности по пятилетке составит 9,1% за 1926—27 год, 10,9%—за 1927—28 год, 9,8%—за 1928/29 год, 8,7%—за 1929/30 год и 7,2%—за 1930/31 год (см. стр. 72 приложений). В среднем за 5 лет годовой прирост основных капиталов составит 9,1%. Следует подчеркнуть, что и здесь мы сталкиваемся с падением годового прироста основных капиталов, с «потухающей кривой» капитальных вложений к концу пятилетия.

Сравним с этими цифрами данные о приросте основных капиталов русской фабрично-заводской промышленности в период экономического под'ема 1893—1900 годов. Они не сравнимы с данными нашей пятилетки по своей абсолютной величине, ибо включают не только стоимость зданий, оборудования и пр., но и стоимость национализированной ныне земли и, кроме того, высчитаны в довоенных рублях, в то время как стоимость основных промышленных капиталов по пятилетке высчитана в червонных рублях; но динамику основных капиталов, темп их роста они отражают вполне удовлетворительно. Согласно этим данным (см. брошюру Струмилина «Проблема промышленного капитала в СССР», стр. 30—31), прирост основных капиталов фабрично-заводской промышленности составлял в 1893 году 14,4%, в 1894 году—10,6%, в 1895 году—5,9%, в 1896 году—9,9%, в 1897 году—17,3%, в 1898 году—19,2%, в 1899 году—20,7% и в 1900 году—10,1%. В среднем же за эти 8 лет годовой прирост основных капиталов составлял 13,5%. В отдельные годы этот прирост был еще более бурным, достигая 16,8% в четырехлетие 1897—1900 годов или 15,2% в 1913 году. Как видно, эти цифры значительно превышают предположенный пятилеткой средний прирост основных капиталов нашей крупной промышленности, определенной в размере 9,1% в год.

Обратимся теперь к сравнению роста промышленной и сельско-хозяйственной продукции по пятилетке. Валовая промышленная продукция с 8.117 милл. рублей в 1926—27 г. к 1930—31 году поднимается до 11.817 мил. рублей, т.-е. на 45,6%. Одновременно валовая сельско-хозяйственная продукция с 10.656 мил. рублей в 1926/27 году поднимается к 1930/31 году до 12.488 мил. рублей, т.-е. на 17,2%. Таким образом, валовая продукция промышленности по пятилетке растет, примерно, в два с половиной раза быстрее, чем валовая продукция сельского хозяйства. Однако, гораздо важнее сравнение не валовой, а *товарной* продукции промышленности и сельского хозяйства, ибо в рыночном обороте страны равновесие между промышленностью и сельским хозяйством устанавливается на основе пропорции между *товарной* их продукцией. Товарная продукция промышленности по пятилетке возрастает с 7.056 мил. рублей в 1926/27 году до 10.529 мил. рублей, т.-е. на 49,2%; товарная продукция сельского хозяйства—с 1.932 мил. рублей в 1926/27 году до 2.785 мил. рублей в 1930/31 году, т.-е. на 44,1%. Следовательно, по пятилетке темп роста товарной продукции промышленности лишь не на много превышает темп роста товарной продукции сельского хозяйства, и этот показатель темпа индустриализации страны не может быть признан особенно благоприятным для нашей пятилетки.

Чтобы общий облик индустриализации нашего хозяйства при том ее размахе, какой предположен пятилеткой, стал более выпуклым, приведем несколько данных о развитии производства отдельных промышленных товаров *на душу населения*. В настоящее время, хотя по ряду отраслей промышленности их продукция близка к довоенному уровню, душевые нормы потребления в общем значительно ниже довоенных (вследствие прироста населения с 1913 года); они составляли в 1925/26 году для городского потребления 86% довоенной нормы по обуви, 80% по хлопчато-бумажным тканям, 51% по шерстяным тканям, 83% по сахару, 45% по стеклу и т. д. (см. статью Гинзбурга «Пятилетняя гипотеза развития промышленности» в «Социалистическом хозяйстве» за 1926 г., кн. IV, стр. 37). По данным пятилетки, довоенные нормы потребления на душу населения будут превзойдены в 1926—27 году по каменному углю (до 108% довоенных) и по керосину (тоже до 108% довоенных), в 1927/28 году—по соли (до 104%) и галошам (до 112,0%), в 1928/29 году—по сахару (до 100,0%) и в 1929/30 году—по чугуну (до 111,5%), стеклу (до 103,0%), мылу (до 100,0%) и папиросам (до 104,0%) (см. стр. 73 приложений). Ряд промышленных товаров, играющих важнейшую роль в потреблении масс, отсутствует в этом перечне грядущих наших достижений—из этого вытекает, что довоенный уровень промышленного производства *на душу населения* в общем только вырисовывается перед нами к концу пятилетия, которому посвящены госплановские «Материалы».

Чтобы покончить с вопросом о темпе индустриализации, коснемся еще соотношения между спросом и предложением промтоваров, как оно предположено пятилеткой. Баланс между спросом и предложением промтоваров является немаловажным показателем индустриализации; превышение спроса на промтовары над их предложением, т.-е. «товарный голод» является несомненным признаком *отставания* промышленности в сравнении со

всем народным хозяйством. Как ликвидирует нынешний товарный голод пятилетка?

Емкость внутреннего рынка на промышленные товары широкого потребления по подсчетам пятилетки возрастает с 1925—26 г. по 1930—31 год на 63% (см. таблицу на стр. 20). «Это довольно хорошо гармонирует,—читаем мы на ст. 21 «Материалов»,—с намеченным по пятилетке приростом продукции соответствующих отраслей государственной промышленности по физическому об'ему на 67%. Но с учетом частной и кооперативной продукции широкого потребления, этот прирост ожидаемого предложения будет значительно ниже—не более 59%. И если бы мы не приняли соответствующих мер в области регулирования квартирной платы и некоторых других статей рабочего бюджета, то получили бы избыток потребительского спроса на продукты промышленности к концу пятилетия в сумме до 250 мил. рублей довоенных или до 400 мил. рублей червонных».

Нужно заметить, что исходный год пятилетки (1926/27) отличается довольно резко выраженным товарным голодом; поэтому даже одинаковый процентный рост емкости рынка промтоваров широкого потребления и их производства означал бы сохранение товарного голода в размерах, близких к нынешнему году. При отставании роста продукции промтоваров широкого потребления (на 59%) от роста платежеспособного спроса (на 63%) товарный голод должен *обостриться*. Но рост емкости рынка в 63% определен *при неизменных ценах*; между тем, пятилетка предполагает снижение цен промтоваров к 1930/31 году на 17,5% (см. стр. 24). Совершенно очевидно, что при сниженных ценах емкость рынка вырастет соответственно больше, чем на 63%, «ножницы» между спросом и предложением промтоваров раздвинутся еще шире и товарный голод обострится еще более.

Заслуживают быть отмеченными и те мероприятия, с помощью которых пятилетка намерена бороться с товарным голодом. «Изжить эту диспропорцию более мощным развертыванием соответствующих отраслей промышленности было бы очень трудно из-за недостатка рессурсов для капитальных вложений», говорит пятилетка (см. стр. 21). «Но в данном случае нет и особой нужды итти по пути расширения *товарного* предложения». «За предстоящее пятилетие бюджет промышленного рабочего возрастет реально в 1,5 раза. И если при таком росте общего уровня благосостояния мы повысили бы расход на помещение в бюджете рабочего только до 10% всех его затрат, что было бы совершенно безболезненно (!?!) для его самочувствия, то уже этим мы сделали бы все, что нужно для преодоления угрожающей нам диспропорции между спросом и предложением продуктов широкого потребления».

Итак, сложнейший хозяйственный вопрос получает в пятилетке самое простое решение. Повысить квартирную плату, срезать этим платежеспособный спрос пролетариата—и дело в шляпе... Товарный голод ликвидируется *отрицательным* методом и притом не за счет потребителя вообще, а именно за счет рабочего потребителя.

Как же выглядит в свете всех этих данных общий темп индустриализации нашего хозяйства, оставляющей за бортом миллион безработных в городе и семь миллионов «лишних» работников в деревне? Как можно видеть из вышеизложенного, он выглядит, мягко выражаясь, довольно неважно. Темп роста промышленной продукции, уступающей, за исключением важнейших товаров тяжелой индустрии, темпу роста промышленной продукции в периоды экономических под'емов дореволюционного хозяйства нашей страны; темп роста основных капиталов промышленности, еще более уступающий темпу роста основных промышленных капиталов в периоды экономических под'емов до революции; падение годового прироста промышленной продукции и основных капиталов промышленности к концу пятилетия; рост товарной продукции промышленности, лишь не на много превышающий рост товарной продукции сельского хозяйства; довоенные нормы производства на душу населения, к которым мы в общем и целом подходим лишь к концу пятилетия и, наконец, обострение товарного голода, с которым авторы «Материалов» пытаются бороться *за счет рабочего класса*—таковые некоторые главнейшие черты проектируемого пятилеткой темпа индустриализации нашей страны.

Однако, как бы сдержанно ни оценивать намеченный «Материалами» темп нашего промышленного развития и связанное с ним использование наличных запасов человеческого труда, нельзя отрицать, что осуществление пятилетнего хозяйственного плана даже в нынешнем его виде приведет к известным сдвигам в сторону превращения нашего Союза в промышленную страну. Других путей нам вообще не дано. Но в наших условиях индустриализация есть не только экономический, но и социальный процесс; нашей целью должна быть не промышленная страна вообще, но такая промышленная страна, в которой непрерывно возрастал бы удельный вес пролетариата и как производителя, и как потребителя национального богатства. Выше пятилетка рассматривалась в ее *экономическом* разрезе, с точки зрения развития промышленности среди других отраслей *производства*; теперь нам остается познакомиться с пятилеткой в ее *социальном* разрезе, с точки зрения участия разных общественных классов в распределении и *потреблении* национального дохода страны.

К сожалению, «Материалы» не содержат данных о доле пролетариата в народном доходе для будущих лет, подобных данным, которые для прошлых лет дают «Контрольные цифры на 1926/27 год» (см. стр. 214); поэтому приходится ограничиться некоторыми косвенными показателями. На стр. 30 «Материалов» мы читаем, что в настоящее время «производительность городского труда раза в три выше сельского. Этим об'ясняется, конечно, втрое более низкий уровень благосостояния деревни». Приведенная там же таблица показывает, что в 1925/26 году каждый работник в городе создавал новых ценностей в среднем на 693 рубля, а каждый работник в деревне—на 229 рублей. Как же намечает пятилетка развитие производительности труда и уровня благосостояния пролетариата и крестьянства в дальнейшем? Ответ на этот вопрос мы находим на стр. 12—13. «По промышленности ожидается прирост производительности на 49%,—говорят «Материалы»,—заработную плату мы проектируем повысить номинально на 33%, а в реальном выражении—примерно на 50%». «Продукция сельского хозяйства из расчета на душу сельского населения по физическому ее об'ему может подняться за те же годы всего на 15%». «Но пятилетка проектирует значительное снижение промышленных цен—не

менее 17%—при стационарности сельско-хозяйственных. При этих условиях благосостояние крестьянина возрастет уже не на 15%, а, примерно, на 30%».

Весь этот вопрос пятилетка трактует с точки зрения необходимости ликвидировать или хотя бы сгладить тот разрыв между уровнем благосостояния пролетариата и крестьянства, который имеет место в настоящее время. Разумеется, смешно было бы отрицать выдающееся значение этой задачи: уничтожение всяких различий между городом и деревней и ликвидация «идиотизма деревенской жизни», по выражению Энгельса, числятся с давних пор среди важнейших идеалов социалистического движения. Но единственный верный путь к этому лежит через под'ем производительности земледельческого труда; лишь на этом пути можно подтянуть деревню к городу за счет развития производительных сил страны, а не за счет других общественных классов. Пятилетка толкает нас по другому пути. В настоящее время производительность труда рабочего в три раза выше производительности труда крестьянина—и уровень жизни рабочего на круг также в три раза выше уровня жизни крестьянина. К концу пятилетия производительность труда рабочего должна будет стать в четыре раза выше производительности труда крестьянина, а уровень благосостояния пролетариата будет только в три с половиной раза выше уровня благосостояния крестьянства. Это не может означать ничего другого, кроме того, что пятилетка, приводя в движение механизм рыночных цен, пытается *понизить* долю пролетариата в распределении национального дохода страны.

Наша печать не даром придавала такое огромное, принципиальное значение росту доли пролетариата в народном доходе за прошлые годы,—для характеристики нашего развития в социальном его разрезе этот вопрос, действительно, имеет первенствующее значение. Рядом с ним тускнеют как достижения, проектируемые «Материалами» в области заработной платы, так и слабые места соответствующих разделов пятилетки, среди которых особенно выделяется жилищный вопрос. Рост реальной заработной платы по пятилетке предположен в 50%, а с учетом предполагаемого повышения квартирной платы—в 40—41%, что составляет 7—8% в год. Как ни медленно приближает нас такой темп роста заработной платы к уровню зарплаты европейских и, особенно, американских рабочих, все же он является некоторым шагом вперед по сравнению с полной стабилизацией уровня заработной платы, фактически установившейся у нас с осени 1925 года. Зато в совершенно безнадежных красках намечает пятилетка решение жилищного вопроса, имеющего тем большее значение, что государственный жилищный фонд, по своей стоимости, составляет ныне почти пятую часть всех наших государственных фондов (см. «Контрольные цифры» на 1926—27 год, стр. 312—313). Капитальные вложения в государственное жилищное строительство предположено пятилеткой в сравнительно ничтожной сумме 1.196 милл. рублей за пятилетие, из которых только 296 милл. руб. перебрасываются в жилищный фонд из других отраслей народного хозяйства. Вместе с вложениями в частное и кооперативное жилстроительство, это даст всего половину того, что требуется для доведения жилой площади на душу городского населения до 6 кв. метров и всего пятую часть того, что требуется для жилой площади в 8 кв. метров на душу. Вследствие этого, пятилетка

вынуждена молча примириться с дальнейшим обострением невыносимого и теперь уже жилищного кризиса: по пятилетке средняя жилая площадь *падает* вплоть до 1929—30 года и в последний год пятилетия она должна составить всего 5,41 кв. метров на душу против 5,59 кв. метров в 1926—27 году, т.-е. на 3,3% меньше (см. стр. 166—167 приложений).

В заключение нужно напомнить, что даже чрезвычайно умеренные расчеты госплановской пятилетки требуют весьма осторожного к себе отношения—ибо опыт доказывает, что в действительности темп развертывания новой промышленной базы, т.-е. темп накопления промышленных капиталов до сих пор систематически отставал от наших плановых предположений. Примером может служить хотя бы сравнение контрольных цифр на 1926/27 год с первым вариантом госплановской пятилетки (на 1925—26—1929—30 г.г., см. доклад Струмилина на первом с'езде госпланов в сборнике «Проблемы планирования», 1926, стр. 22—85). В то время, как капитальные вложения промышленности в 1926—1927 г., предположенные первым вариантом пятилетки в сумме 900 милл. руб., были окончательно установлены (без резерва) в сумме 918 милл. руб., капитальные вложения транспорта в том же году, предположенные пятилеткой в сумме 858 милл. руб., в контрольных цифрах оказались сниженными до 330 милл. руб. Таким образом, нам удалось в 1926—27 г. выдержать предположения первой пятилетки по промышленности, т.-е. по тому участку нашего хозяйственного строительства, который привлекает наибольшее внимание партии и пролетариата, лишь за счет крупнейшего недовыполнения капитальных работ, предположенных по транспорту, остающемуся до сих пор несколько в тени [1]). Между тем, разрыв между ростом промышленности и транспортом грозит свести на-нет все наши достижения в области промышленного строительства—не следует забывать, что 70% всего грузооборота составляют перевозки промышленных товаров, в то время, как «в 1926/27 году намеченный размер работы дорог превосходит на 15% работу 1913 года и исчерпывает почти полностью все резервы технической мощи транспорта», а «собственные восстановительные возможности железных дорог исчерпаны во всех областях» (см. статью Халатова «Железнодорожный транспорт и реконструкция народного хозяйства» в «Известиях ЦИК СССР» от 9 января с. г., а также доклад Рудзутака на III сессии ЦИК СССР в феврале с. г.).

Этим же опытом об'ясняется, очевидно, отчасти и самый пересмотр госплановской пятилетки. Для тех четырех лет, которые вошли в оба варианта пятилетки (с 1926/27 по 1929/30 год), общая сумма капитальных вложений оказалась *снижена* с 14.102 милл. руб. по первому варианту до 13.249 милл. руб. по второму варианту. Этот опыт также должен быть учтен при оценке «Материалов по пятилетнему плану».

На этом можно подвести некоторые итоги—безнадежно было

---

[1]) Этим же характеризуется и проект контрольных цифр на 1926/27 год, по которому капитальные вложения в промышленность составляют 95% предположений второго варианта пятилетки (1.141 мил. руб. против 1.200 мил. руб. по пятилетке), а капитальные вложения в транспорт—всего 20—27% предположений пятилетки (170—220 мил. руб. против 807 мил. руб. по пятилетке. См. статью Сулимова «К вопросу о капитальных вложениях на транспорте» в «Правде» от 31 июля с. г.).

менее 17%—при стационарности сельско-хозяйственных. При этих условиях благосостояние крестьянина возрастет уже не на 15%, а, примерно, на 30%».

Весь этот вопрос пятилетка трактует с точки зрения необходимости ликвидировать или хотя бы сгладить тот разрыв между уровнем благосостояния пролетариата и крестьянства, который имеет место в настоящее время. Разумеется, смешно было бы отрицать выдающееся значение этой задачи: уничтожение всяких различий между городом и деревней и ликвидация «идиотизма деревенской жизни», по выражению Энгельса, числятся с давних пор среди важнейших идеалов социалистического движения. Но единственный верный путь к этому лежит через под'ем производительности земледельческого труда; лишь на этом пути можно подтянуть деревню к городу за счет развития производительных сил страны, а не за счет других общественных классов. Пятилетка толкает нас по другому пути. В настоящее время производительность труда рабочего в три раза выше производительности труда крестьянина—и уровень жизни рабочего на круг также в три раза выше уровня жизни крестьянина. К концу пятилетия производительность труда рабочего должна будет стать в четыре раза выше производительности труда крестьянина, а уровень благосостояния пролетариата будет только в три с половиной раза выше уровня благосостояния крестьянства. Это не может означать ничего другого, кроме того, что пятилетка, приводя в движение механизм рыночных цен, пытается *понизить* долю пролетариата в распределении национального дохода страны.

Наша печать не даром придавала такое огромное, принципиальное значение росту доли пролетариата в народном доходе за прошлые годы,—для характеристики нашего развития в социальном его разрезе этот вопрос, действительно, имеет первенствующее значение. Рядом с ним тускнеют как достижения, проектируемые «Материалами» в области заработной платы, так и слабые места соответствующих разделов пятилетки, среди которых особенно выделяется жилищный вопрос. Рост реальной заработной платы по пятилетке предположен в 50%, а с учетом предполагаемого повышения квартирной платы—в 40—41%, что составляет 7—8% в год. Как ни медленно приближает нас такой темп роста заработной платы к уровню зарплаты европейских и, особенно, американских рабочих, все же он является некоторым шагом вперед по сравнению с полной стабилизацией уровня заработной платы, фактически установившейся у нас с осени 1925 года. Зато в совершенно безнадежных красках намечает пятилетка решение жилищного вопроса, имеющего тем большее значение, что государственный жилищный фонд, по своей стоимости, составляет ныне почти пятую часть всех наших государственных фондов (см. «Контрольные цифры» на 1926—27 год, стр. 312—313). Капитальные вложения в государственное жилищное строительство предположено пятилеткой в сравнительно ничтожной сумме 1.196 милл. рублей за пятилетие, из которых только 296 милл. руб. перебрасываются в жилищный фонд из других отраслей народного хозяйства. Вместе с вложениями в частное и кооперативное жилстроительство, это даст всего половину того, что требуется для доведения жилой площади на душу городского населения до 6 кв. метров и всего пятую часть того, что требуется для жилой площади в 8 кв. метров на душу. Вследствие этого, пятилетка

вынуждена молча примириться с дальнейшим обострением невыносимого и теперь уже жилищного кризиса: по пятилетке средняя жилая площадь *падает* вплоть до 1929—30 года и в последний год пятилетия она должна составить всего 5,41 кв. метров на душу против 5,59 кв. метров в 1926—27 году, т.-е. на 3,3% меньше (см. стр. 166—167 приложений).

В заключение нужно напомнить, что даже чрезвычайно умеренные расчеты госплановской пятилетки требуют весьма осторожного к себе отношения—ибо опыт доказывает, что в действительности темп развертывания новой промышленной базы, т.-е. темп накопления промышленных капиталов до сих пор систематически отставал от наших плановых предположений. Примером может служить хотя бы сравнение контрольных цифр на 1926/27 год с первым вариантом госплановской пятилетки (на 1925—26—1929—30 г.г., см. доклад Струмилина на первом с'езде госпланов в сборнике «Проблемы планирования», 1926, стр. 22—85). В то время, как капитальные вложения промышленности в 1926—1927 г., предположенные первым вариантом пятилетки в сумме 900 милл. руб., были окончательно установлены (без резерва) в сумме 918 милл. руб., капитальные вложения транспорта в том же году, предположенные пятилеткой в сумме 858 милл. руб., в контрольных цифрах оказались сниженными до 330 милл. руб. Таким образом, нам удалось в 1926—27 г. выдержать предположения первой пятилетки по промышленности, т.-е. по тому участку нашего хозяйственного строительства, который привлекает наибольшее внимание партии и пролетариата, лишь за счет крупнейшего недовыполнения капитальных работ, предположенных по транспорту, остающемуся до сих пор несколько в тени [1]). Между тем, разрыв между ростом промышленности и транспортом грозит свести на-нет все наши достижения в области промышленного строительства—не следует забывать, что 70% всего грузооборота составляют перевозки промышленных товаров, в то время, как «в 1926/27 году намеченный размер работы дорог превосходит на 15% работу 1913 года и исчерпывает почти полностью все резервы технической мощи транспорта», а «собственные восстановительные возможности железных дорог исчерпаны во всех областях» (см. статью Халатова «Железнодорожный транспорт и реконструкция народного хозяйства» в «Известиях ЦИК СССР» от 9 января с. г., а также доклад Рудзутака на III сессии ЦИК СССР в феврале с. г.).

Этим же опытом об'ясняется, очевидно, отчасти и самый пересмотр госплановской пятилетки. Для тех четырех лет, которые вошли в оба варианта пятилетки (с 1926/27 по 1929/30 год), общая сумма капитальных вложений оказалась *снижена* с 14.102 милл. руб. по первому варианту до 13.249 милл. руб. по второму варианту. Этот опыт также должен быть учтен при оценке «Материалов по пятилетнему плану».

На этом можно подвести некоторые итоги—безнадежно было

---

[1]) Этим же характеризуется и проект контрольных цифр на 1926/27 год, по которому капитальные вложения в промышленность составляют 95% предположений второго варианта пятилетки (1.141 мил. руб. против 1.200 мил. руб. по пятилетке), а капитальные вложения в транспорт—всего 20—27% предположений пятилетки (170—220 мил. руб. против 807 мил. руб. по пятилетке. См. статью Сулимова «К вопросу о капитальных вложениях на транспорте» в «Правде» от 31 июля с. г.).

бы пытаться исчерпать здесь богатое и разностороннее содержание об'емистого тома в 750 страниц, который представляют собою «Материалы по пятилетнему плану». *Несмотря на уменьшение доли пролетариата в национальном доходе, предположенный пятилеткой темп промышленного развития оказывается не в силах использовать главнейшую производительную силу страны, каковой является человеческий труд—вот к чему ведет основная политическая предпосылка пятилетки, пытающейся ограничить рессурсы индустриализации прибавочным трудом пролетариата.* Построенный на этой предпосылке хозяйственный план оказывается на деле, пятилеткой затяжной нищеты—и в таком его виде он должен быть партией решительно отвергнут.

К. Розенталь.

Перспективы на будущее и оппозиционные „зады".

Формальным поводом к новому выступлению оппозиции против экономического курса партии, послужили теперь «*Материалы*» комиссии Госплана к пятилетнему плану развертывания народного хозяйства нашего Союза.

Как известно, эти «Материалы» не только не обсуждались и не принимались партией, но не утверждались и самим Госпланом. Больше того. В предисловии к этой работе подчеркивается ее «*незаконченность*», необходимость «*дальнейшей проработки и уточнения*» и сама работа рекомендуется только как «*ориентирующий материал* для перспективного планирования». Таким образом, критика этих материалов не только не исключалась, но, наоборот, *предполагалась*. И в нашей печати появилась уже не одна статья, посвященная их критике. Однако, статья тов. Колесникова, этого новоявленного апостола оппозиции, меньше всего направлена на критику «Материалов» Госплана. «Материалы» Госплана для оппозиции *только повод* к новому обстрелу партии, *только повод* к тому, чтобы опять и опять повторять «страшные» слова о недостаточности темпа нашего хозяйственного развития и темпа индустриализации, опасности крестьянской стихии, необходимости усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность и т. д., и т. п. Иначе говоря, повод к тому, чтобы опять оживить все те споры, которые велись в течение последних лет в партии вокруг вопросов экономической политики и хозяйственного строительства.

Но время, время! как много оно заставляет «забыть», как много вынуждает говорить другим языком и другим тоном!

У кого не осталось в памяти то «золотое» времячко, когда оппозиционные молодцы, круша стекла и высаживая рамы, надрывно, до хрипоты на всех перекрестках кричали о «гибели» и, потрясая в воздухе фантастическими «миллиардами», охотно предлагали себя в «спасители» партии и революции. «Народ» не поддержал современных Мининых и Пожарских. Партия отвернулась от героев «исторических» фраз и фантастических «миллиардов».

И оставленные в одиночестве на перекрестке *двух* дорог, «спасители» партии и революции могли наблюдать, как в ходе всего хозяйственного развития, безжалостно банкротились их бесчисленные платформы, как посмеялась жизнь, над их «пророчествами» и «предсказаниями». «Теоретики» «дальнего прицела» оказались никуда не годными «практиками». Шума и грома было много. Прицел был действительно «дальний»,—сочувственным эхом откликнулся «Соц. Вестник».

Прежний тон сохранить было уже трудно. И тон «сверхчеловеков» сменился кое у кого брюзгливым бормотанием.

Революция не погибла, «спасать» партию оказалось не от чего, предсказываемого оппозицией «кризиса» не произошло. И не произошло, оказывается, только потому, что «государственное регулирование сыграло свою, далеко не малую роль». Об этом свидетельствует оппозиционер Колесников. Но уже несколькими строками ниже бескризисное развитие нашего хозяйства он же—Колесников—об'ясняет тем, что «наши хозяйственные планы безжалостно корректировались стихией рыночного хозяйства».

Рыночная стихия в роли регулятора и притом регулятора, способствующего именно *«гармоническому»* развитию народного хозяйства—это действительно чудесное оппозиционное откровение!

Но рыночная стихия, как регулятор, обеспечивающий рост и повышение удельного веса в хозяйстве социалистических элементов—это воистину зрелище для богов!

И нет сомнения, что этот «аргумент» займет почетное место в иссякающих «пороховницах» оппозиционной экономической мудрости. Ибо по старому принципу оппозиционного блока: «в большом хозяйстве всякая веревочка пригодится»—оппозиция не брезгует никакими «аргументами», с чьей бы стороны они ни исходили, как бы антимарксистски и антиленински они ни были и как бы ни были противоречивы.

Когда-то оппозиция метала громы и молнии по поводу того, что «рост капиталистических элементов в нашей стране идет быстрее роста социалистических элементов», еще не так давно т. Пятаков утверждал, что «наша промышленность, транспорт и городское хозяйство отстают в своем росте от общего роста всего народного хозяйства». А теперь, оппозиционер Колесников, уже не рискуя повторять все эти доводы, старательно напускает «туману».

«Нельзя не признаться», что промышленность росла быстрее всего народного хозяйства в целом, что удельный вес индустрии повышался, но... (здесь начинается то знаменитое «ma's», о котором Ленин говорил: «выше лба уши не растут») все дело оказывается опять в *стихии* восстановительного периода, когда быстрее восстанавливалась та отрасль народного хозяйства, которая «ниже падала... в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи».

Быстрее восстанавливалась та отрасль народного хозяйства, которая ниже падала в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи! Эта целая «философия» восстановительного процесса! Стало быть, если бы промышленность упала не до 20% довоенной, а до нуля, то она восстановилась бы до уровня довоенного быстрее! Стало быть, если бы транспорт в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи остановился бы совершенно, то это было бы лучшей гарантией его быстрейшего восстановления! Стало быть, если бы в огне гражданской войны был уничтожен весь крестьянский скот, то довоенный размер стад был бы достигнут быстрее других отраслей сельского хозяйства!

Разве не чудовищно, что с такой восстановительной «философией» оппозиция позволяет себе выступать в роли «критика», «об'ясняющего» и дающего «оценку» восстановительным процессам нашего хозяйства.

Танец от всеспасающей и всеоб'ясняющей «рыночной стихии» превращается у Б. Колесникова в пустую и жалкую попытку прикрыть банкротство экономической платформы оппозиции.

Партия не приняла экономической платформы оппозиции, партия вела, конечно, «ошибочную» политику, партия вела страну к «тягчайшим потрясениям», к «гибели», но мудрая «стихия», полностью и целиком солидарная с оппозицией, «безжалостно корректируя» линию партии избавила страну и революцию от «гибели».

Неважно, что эта «философия» не умна. На глубину анализа и избыток мысли она и не претендует!

Но,—вот она ирония судьбы! На предусмотрительно раскинутую оппозиционную удочку попала сама оппозиция. Герои сверхиндустриализма, бесстрашные рыцари усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность в борьбе против экономического курса партии, оказались в союзе с той самой рыночной стихией, законы которой, по авторитетному свидетельству Б. Колесникова, «уходят своими корнями в толщу мелкособственнического крестьянского хозяйства».

Аргумент «от стихии» превратил оппозицию в выразителя воли «мелкособственнического крестьянского хозяйства»! Таким бесславным признанием закончилась атака на партию и проводимую партией экономическую политику со стороны тех, кто обвинял партию в «термидорианстве», «кулацком уклоне», «мелкобуржуазном перерождении» и всех прочих смертных грехах.

Но все это касалось «итогов» нашего хозяйственного развития. Разоблаченная, обнаружившая свое полное идейное банкротство в ходе исторического развития, оппозиция оказалась вынужденной—устами т. Колесникова,—об «итогах» говорить шопотком. Но как только дело касается «перспектив», оппозиция оживляется, в глазах появляется юношеский блеск, голос крепнет, и стряхнув с себя «пыль времен», все обанкротившиеся аргументы вновь пытаются свидетельствовать против партии, против партийного экономического курса.

«Восстановительный период» и оппозиция.

Прежде чем перейти к оценке «перспектив» нашего хозяйственного развития, оппозиция, настойчиво твердившая в течение последних лет хозяйственного строительства о «гибельности» партийного экономического курса, пытается теперь отвести в качестве свидетеля правильности партийной политики весь восстановительный период.

«Можно ли делать какие-либо выводы о «повышении удельного веса индустрии в нашей стране» на основе сравнения роста промышленности и сельского хозяйства в годы восстановительного процесса»?—наивно спрашивает Б. Колесников. Он не отрицает, что повышение удельного веса промышленности в народном хозяйстве в годы восстановительного периода происходило, но он категорически утверждает, что «поступать так можно только грубейшим образом, игнорируя самую сущность происходившего у нас *восстановительного процесса хозяйствования*. Наша промышленность *восстанавливалась*; это значит, что скелет бездействовавшего основного капитала мало-по-малу обрастал живой плотью *производственных материалов топлива*, рабочей силы и т. д.

Естественной границей этого процесса восстановления, к которой он тяготел в своем развитии, являлся уровень продукции, соответствовавший *наличному основному капиталу, т.-е. в общем и целом довоенный уровень производства*».

Не говоря уже о том, что создание оборотного капитала, топлива, сырья, фонда заработной платы и т. п., требовало значительнейшего напряжения всего народного хозяйства и само по-себе на протяжении столь короткого периода времени являлось гигантским достижением, оппозиционному экономисту, оказался не известен тот факт, что основной капитал, с которым вступила промышленность в восстановительный период составлял *не больше 85—87$^0/_0$ довоенного основного капитала*. И что, следовательно, «обрастание» оборотным капиталом «*наличного*» основного капитала еще не означало достижения «в общем и целом» довоенного уровня производства.

Довоенный уровень промышленного производства нами не только достигнут, но и *превзойден*.

Но *достигнутый нами уровень промышленного производства был обеспечен вложением в основной капитал промышленности* (только за последние три года) *не менее 1.300 милл. довоен. рублей*. Иначе говоря, основной капитал нашей промышленности за вычетом износа за годы восстановительного периода, *увеличился* с 3.426 милл. дов. руб. к началу 24—25 г. до 4.230 милл. дов. руб. к концу 26—27 года, т.-е. *на 800 милл. дов. рублей, или на 23,4$^0/_0$*, в то время, как основные фонды сельского хозяйства за этот же период возросли всего лишь на 10,1$^0/_0$.

Ничем иным, как полнейшим незнанием конкретного развития нашего хозяйства и беспардонной невежественностью оппозиционного критика можно об'яснить стихийно-самотечную оппозиционную философию восстановительного периода.

Государство и партия «помогали» восстановительному процессу, но не так как думает и представляет это оппозиция. Помогая быстрейшему завершению восстановительного периода, используя все те стихийные экономические процессы, которые действовали в эту сторону, экономическая политика партии внесла ряд существеннейших *реконструктивных* моментов, уже в экономические процессы этого периода. Капитальные вложения четырех последних лет к наличному основному капиталу (т.-е. с учетом износа) дают по группе отраслей, производящих средства производства 63,2$^0/_0$, а по группе, производящей средства потребления 25,6$^0/_0$. При чем по отдельным отраслям промышленности, имеющим наиболее значение в деле индустриализации нашего хозяйства, этот процент повышался еще больше. Так, напр., для электростанций капитальные вложения четырех последних лет составляли по отношению к реальной стоимости имущества 118%, для горной промышленности—97,3$^0/_0$, топливной—76,7%, химической—76,3$^0/_0$, лесной—72,5%. Основной капитал промышленности в целом был обновлен на 30—35%.

Особенно значительны достижения в электростроительстве, где уже в 1925—26 г. выработка всех электростанций СССР превышала довоенную на 67%. При чем прирост в 1926—27 г. должен составить 20$^0/_0$ по сравнению с выработкой в 1925—26 г.

К «восстановительному» же периоду относятся и крупнейшие достижения нашей промышленности в деле постановки ряда новых производств, не существовавших до войны и в значительной степени освобождающих наше хозяйство от капиталистической зависимости. Организация тракторостроения, переход на изготовление турбин мощностью до 20.000 клв., достижения в области авто и авиостроения, постройка новых более совершенных и мощных двигателей, успехи в области станкостроения и особенно текстильного машиностроения, переход на постройку новых типов мощных паровозов и большегрузовых вагонов, значительные достижения в химической промышленности и т. д. и т. п.—все эти достижения так назыв. «восстановительного» периода, но достижения, имеющие крупнейшее реконструктивное значение. Изготовление турбин мощностью до 20.000 клв. не только подводит твердую базу под электрификацию страны, но и в значительной степени освобождает наше хозяйство от капиталистической зависимости. Освобождает от этой тяжелой зависимости и постановка текстильного машиностроения и авто и авиостроения, а также развитие ряда других неизвестных нам раньше производств, изделия которых мы были вынуждены импортировать. Переход к постройке новых типов паровозов и большегрузовых вагонов со всей решительностью выдвигает вопрос о реконструкции службы пути наших жел. дор. Тракторостроение и сельская электрификация подводят базу под полную реконструкцию нашего сельского хозяйства и перевода индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство общественное, социалистическое и т. д. и т. п.

Восстановительный период отнюдь не являлся *только* «восстановительным», как об этом говорит оппозиция, но и в значительной степени периодом реконструктивным.

И надо быть величайшими путаниками, людьми, решительно неспособными к пониманию, происходящих явлений в нашем хозяйстве, чтобы решиться утверждать, как это делают представители оппозиции, что на вопрос: «как решает партия проблему индустриализации страны—*прошлое* (т.-е. восстановительный период. *К. Р.*) нашего хозяйственного развития не дает устойчивых (!?) данных».

Оппозиция проспала, проглядела все те колоссальнейшие достижения и успехи, которые сделало наше хозяйство и которые известны каждому грамотному рабочему нашего Союза. В своем фракционном ослеплении оппозиция уже не в состоянии видеть тех крупнейших сдвигов, которые произошли в нашем хозяйстве за последние годы. «*Прошлое*» нашего хозяйственного развития,—восстановительный период—не только отвечает на вопрос *как* решает партия проблему индустриализации, но и дает ответ на вопрос как партия *осуществляла* индустриализацию и как будет в дальнейшем ее проводить.

При чем необходимо подчеркнуть, что, если кто и выступал против внесения реконструктивных моментов в хозяйственные процессы восстановительного периода, то это делали опять таки представители оппозиции.

«Плановая установка на замкнутый самодовлеющий социализм в одной стране, обязующая в кратчайший срок производить все самим, снижает плоды капитальных затрат, ослабляет темп и бьет по смычке»—говорилось в резолюции, предложенной оппозицией на последнем пленуме ЦК ВКП(б).

Что означало это предложение оппозиции?

Отказаться от постановки и развития тех производств, изделия которых могут быть импортированы. И прежде всего отказаться от постановки собственного машиностроения, авто и авиостроения, тракторостроения, отказаться от постановки и развития электротехнической промышленности и т. д. и т. п. Это означало отказаться от курса на высвобождение нашего хозяйства от капиталистической зависимости. Это означало, в условиях возрастающей агрессии империализма к Советскому Союзу, поставить под непосредственную и реальную угрозу все дело социалистического строительства. Это означало, наконец, отказ от реконструкции нашего хозяйства, от перевода нашего хозяйства на более высокий технический уровень, отказ от принятого партией курса на индустриализацию.

«Раз'яснение» и «конкретизация» оппозицией своих «сверхиндустриалистских» предложений с величайшей убедительностью вскрывает всю их противоречивость, непродуманность и преступную легкомысленность.

Повышение удельного веса промышленности в народном хозяйстве, повышение удельного веса тяжелой индустрии в самой промышленности, выполнение ленинского плана электрификации, высвобождение нашего хозяйства от капиталистической зависимости—вот основное содержание индустриализации и по всем этим линиям «прошлое» нашего хозяйственного развития дает нам, вопреки оппозиции и против оппозиции, твердую ясную и отчетливую постановку.

Вопросы темпа нашего хозяйственного строительства.

Мы уже видели, как, обжегшись на пророчествах и предсказаниях в отношении результатов экономической политики партии в период «восстановительный», оппозиция всячески старается замять и обойти этот неприятный и щекотливый, для оценки ее экономической платформы, момент.

Было бы непростительной ошибкой думать, что оппозиция не грешила в прошлом в отношении определения темпов нашего хозяйственного развития и индустриализации. Именно здесь-то и был центральный пункт расхождения оппозиции с партией, именно на этом вопросе заостряла оппозиция свою атаку на проводимую партией экономическую политику; именно вопросы темпа были исходным пунктом и для идеи усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность, идеи высоких цен на изделия промышленности, идеи высвобождения средств из торговли (государственной и кооперативной) и передачи их в промышленность и т. д. и т. п. При чем надо заметить, что идеи эти отнюдь не являлись продуктом последнего года—двух, когда намечался переход от «восстановительного» периода к периоду реконструктивному. Идея *недостаточности* принятого нашей партией темпа индустриализации, идея усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность и т. д.—восходит к той «седой древности», когда мы находились на первых ступенях восстановительного процесса, когда в основном уже окончательно сложилась экономическая платформа троцкизма, оказавшаяся настолько, впрочем, просторной, что на ней нашла себе приют и место вся современная оппозиция.

Но «кризиса» не произошло, налицо крупнейшие успехи и достижения в области хозяйственного строительства и в частности в деле индустриализации страны, и вот «прошлое» об'явлено недействительным, непоказательным, непоучительным и с явно преувеличенной невинностью во взоре оппозиция переходит к «рассмотрению темпа индустриализации нашего хозяйства» в том виде, в каком намечают его «Материалы». Бесславно похоронив прошлое, эпохи, как любит выражаться оппозиция, «малых дел», с тем большей энергией берется она за большие дела «будущего».

Но и о будущем оппозиция говорит словами прошлого. И попрежнему твердит «зады» и врет за двух.

Существовавший в годы «восстановительного» периода темп нашего хозяйственного развития и темп индустриализации, — «непоказателен»—утверждает оппозиция, но вот темп индустриализации, намечаемый на будущее, уже явно «недостаточен», хотя и «показателен». И оппозиция это берется «доказать» сравнениями «с данными о росте промышленной продукции в других странах или в дореволюционной России».

Как известно, страной наиболее быстрого развития капитализма являются С.-А. С. Ш. Каким же темпом развилась американская промышленность?

Средний годовой прирост промышл. продукции.

Период	1850—1860	8,7 проц.
»	1860—1870	7,9 »
»	1870—1880	5,8 »
»	1880—1890	4,9 »
»	1890—1900	4,3 »

Таким образом, показав максимальный прирост в десятилетие 1850—60 гг., в дальнейшем прирост промышленной продукции неуклонно понижается и в последнем десятилетии XIX в. доходит до 4,3%.

В основном такую же картину рисует и промышленное развитие царской России.

Прирост продукции.

Период	1890—1895	8,2 проц.
»	1895—1900	5,2 »
»	1900—1905	2,6 »
»	1905—1910	3,6 »

Между тем даже по «Материалам» Госплана, критикуемым оппозицией, *средний годовой прирост продукции государственной промышленности составляет за пятилетие* 15,9%. Даже по «Материалам» Госплана, страдающим, как об этом уже писалось, существеннейшим недоучетом эффективности капитальных вложений, *прирост промышленной продукции значительно превышает прирост промышленной продукции в странах наиболее быстрого и интенсивного развития капитализма, какими являлись С.-А. С. Ш. и царская Россия.*

В основном то же самое относится и к динамике основных фондов нашей промышленности. Движение основного капитала русской промышленности за 1885—1913 гг. представляется в таком виде:

Период	Общий прирост в проц.	За 1 год (средн. арифм.) в проц.
1885—1895	104	10,4
1895—1905	107	10,7
1905—1913	65	8,1

Бурный рост основного капитала русской промышленности падает в основном на конец 80-х и 90-х годов. Как раз в эти годы происходили особо значительные вложения в русскую промышленность со стороны иностранного капитала; как раз в эти годы происходило усиленное железно-дорожное строительство, вызвавшее под'ем во всех отраслях промышленного хозяйства. И восемь лет XX века (1905—1913 г.) показывают уже более замедленный темп прироста основных капиталов русской промышленности.

Еще более сдержан был темп прироста основного капитала в американской промышленности.

Годы	Основной капитал (в милл. дол.)	Средний прирост капитала в проц.	
		за 5 лет	За 1 г. (средн. арифм.)
1899	8.975	—	—
1904	12.676	41,0	8,2
1909	18.428	45,2	9,04
1914	22.791	23,5	4,7

Надо однако заметить, что в этот период (1889—1914 г.) происходило падение покупательной способности золотого доллара почти на 50% и, таким образом, реальный прирост основного капитала должен быть еще снижен.

По «Материалам» Госплана прирост основных капиталов госпромышленности за пятилетие 1926/27—1930/31 выразится в сумме 3.352 милл. черв. р., или 54,9%. Иначе говоря, ежегодный среднеарифметический прирост составит около 11%. Такого темпа роста основных фондов промышленности не знала ни царская русская промышленность, ни промышленность американская. При этом надо заметить, что, с одной стороны, прирост основных фондов по «Материалам» несколько преуменьшен, а с другой, происходящее на протяжении пятилетия *повышение* покупательной способности рубля *скрывает и преуменьшает* действительный, реальный рост основных фондов советской промышленности.

Но, убедившись в том, что сравнение проектируемого «Материалами» темпа нашего промышленного развития с «другими странами», если и «говорит», то отнюдь не обогащая оппозиционную аргументацию, Б. Колесников неожиданно выкидывает следующий фортель: «сравнивать темп нашей пятилетки следует не с развитием промышленности в других странах вообще, а с ее развитием в периоды экономического под'ема». Потому, видите ли, что только в периоды экономического под'ема производительные силы капиталистического хозяйства получают возможность проявиться в полной мере». И эта безграмотная чепуха преподносится с самым серьезным видом как последнее слово оппозиционной «науки и техники».

«Дальше в лес—больше дров». В своем усердии доказать недоказуемое оппозиционный экономист теряет последние остатки марксистской «совести».

В своем стремлении «доказать» во что бы то ни стало недостаточность темпа нашего хозяйственного развития, оппозиционер Б. Колесников предлагает «абстрагироваться» от кризисности капиталистического хозяйства и для «сравнения» оперировать только годами экономического под'ема! «Абстрагироваться» от того, что составляет характерную особенность капиталистического хозяйства! «Абстрагироваться» от важнейшего преимущества советской системы хозяйства!

Недостает только, чтобы оппозиционер Колесников «абстрагировался» от противоречий в капиталистическом обществе между трудом и капиталом, «абстрагировался» от эксплоатации труда, от конкуренции, от борьбы за рынки сбыта и сырья и т. д. и т. п., то-есть всего того, что составляет *содержание* капиталистического хозяйства и без чего капиталистическое общество вообще немыслимо. И после такой «умной» операции, поднявшись на такие «высоты» абстракции, где исчезает всякая реальность, где исчезает всякое содержание экономических явлений, где исчезает, наконец, всякий здравый смысл, оппозиционер Колесников может проделывать какие угодно «фокусы»! Тут ему «не помешает» ничто и ничто! Но познавательная ценность «анализа, выводов и результатов» такого рода «абстракции», будет не выше хитроумных исследований на тему о количестве ангелов, могущих поместиться на острие иголки!

Годы кризисов и годы депрессий составляют органическое единство капиталистического производственного цикла.

Годам промышленного под'ема предшествует, как известно, годы депрессии. «Наступает задержка в воспроизводстве, а потому и в процессе обращения. Купля и продажа тесно примыкают друг к другу и незанятый капитал принимает форму денег, лежащих без употребления». «Во время кризиса человек может быть очень доволен, когда он продал и он не думает вначале о купле». Напуганный кризисом, когда банкротство следует за банкротством, аукцион за аукционом, капиталист изменяет своей природе и наличное золото предпочитает заманчивой, но легкомысленной мечте пустить его в обращение, не имея достаточных гарантий не только получить приличное вознаграждение, но и вернуть его обратно.

Фабрики и заводы стоят, рынок не в состоянии поглотить массы, выпущенных ими товаров, новое строительство, расширение старых и постройка новых фабрик и заводов прекращаются; в то же время в банках и в отдельных руках скопляются значительные денежные суммы, не могущие, тем не менее, без риска для их владельца, быть производительно использованы — все в трепетном ожидании новых лучших времен. И когда это время приходит—после ряда лет экономического застоя—все накопленные денежные средства приходят в движение, растет кредит, на рынке начинается ажиотаж, промышленность вступает в полосу бешеного строительства: как грибы после дождя, вырастают новые фабрики и заводы, старые—расширяются, вводятся новые смены рабочих—наступает период экономического под'ема, за которым, как неизбежное возмездие, следует новый крах, новый, еще более жестокий кризис.

В годы под'ема используются не только наличные производительные силы, в виде наличных фабрик и заводов, но и *все то, что было скоплено, спрятано под спуд в годы депрессии*, помноженное на бешеную кредитную спекулятивную горячку и то «братское» доверие, которое питают в эти годы друг к другу г.г. капиталисты.

Не понимать этого и рассуждать с серьезным видом о годах экономического под'ема в капиталистическом обществе, как о годах полного использования производительных сил—значит выставлять себя в непростительно смешном свете, демонстрировать свое полное невежество по части знания азов марксизма. А «абстрагироваться» от кризисов это значит—«абстрагироваться» от здравого экономического смысла, «абстрагироваться» от того, что составляет характерную особенность советской системы хозяйства и ее отличия от системы капиталистической.

Характерны ли, наконец, для определения темпа развития российского капитализма те годы, которыми оперирует наш многомудрый оппозиционный экономист? Ни в какой мере. И хотя бы по одному тому, что вторая половина девяностых годов была годами постройки Сибирской железной дороги, определившей на ряд лет хозяйственную кон'юнктуру. Именно в эти годы происходило гигантское развитие металлургии и металлопромышленности, рудной и топливной промышленности и целого ряда других отраслей, работавших на нужды железно-дорожного строительства. Под'ем в этих отраслях не мог не повлечь за собой и общего промышленного под'ема. Кстати сказать, окончание постройки Сибирского жел.-дор. пути было ознаменовано жесточайшим кризисом, какого не знал до этого российский капитализм. Это подчеркивает истинный смысл промышленного под'ема царской России второй половины девяностых годов.

В заключение нельзя не отметить совершенно непростительного игнорирования оппозиционным экономистом важнейшего фактора в деле под'ема нашего промышленного хозяйства—участия иностранного капитала. Темп развития промышленности царской России в значительной степени обусловлен крупнейшими капитальными вложениями со стороны иностранного капитала. При чем и здесь наибольшая активность проявлялась иностранным капиталом в девяностых годах прошлого века.

Общая сумма иностранного капитала, вложенного в промышленность царской России во время войны, составляла больше 1.630 милл. золотых рублей. Из которых 834 милл. падало на горную промышленность, 392 на металлопромышленность и т. д.[1]).

Выше мы видели, что в среднем, рост дореволюционной российской промышленности значительно отставал от промышленного развития запроектированного в «Материалах». Теперь мы к этому можем добавить: *несмотря* на то, что темп развития российского капитализма значительно превышал темп развития других капиталистических стран, *несмотря* на весьма значительное участие в промышленном строительстве иностранного капитала, не участвующего в промышленном строительстве нашего Союза, темп развития, запроектированный в «Материалах» и рассчитанный исключительно на *внутреннее* накопление, значительно

[1]) П. Оль, «Иностран. капиталы в России».

все же превосходит дореволюционный темп развития русской промышленности.

Наконец, у нас имеются все данные *утверждать* со всей категоричностью, что даже и этот запроектированный в «Материалах» темп нашего промышленного развития *значительно преуменьшен*. Об этом с полной убедительностью говорят уже первые годы (1926—27 и 1927—28) пятилетки. В самом деле. «Материалы» проектировали прирост валовой продукции госпромышленности в 1926—27 г. по сравнению с 1925—26 г. в 19,1%, а на деле мы будем иметь не меньше 21%. На 1927—28 г. «Материалы» проектировали прирост в 13,2%, а контрольные цифры промышленности на этот же год показывают прирост в 17,7%.

Таким образом, *1927—28 г., который уже никак не может быть отнесен к восстановительному периоду, дает прирост промышленной продукции больший, чем самый рекордный год во всей истории российского капитализма—1899 г., давший 16,8%*!

Столь значительный *недоучет эффективности капитальных вложений* искажает действительную картину того, что мы будем иметь к концу запроектированного пятилетия на основе намеченной общей суммы капитальных вложений. Надо помнить, что мы делаем только первые шаги в деле рационализации нашего промышленного хозяйства и что в наших условиях рационализаторские возможности воистину неисчерпаемы. Об этом свидетельствует вся практика промышленного хозяйствования и первых рационализаторских мероприятий. Исходя из практики и опыта последнего времени, ВСНХ оказался вынужденным срочно пересматривать промышленную пятилетку, успевшую устареть, прежде чем она увидала свет. При чем основная линия, основное направление работ по пересмотру пятилетки—пересмотр эффективности капитальных вложений в сторону их повышения. В настоящее время, когда эта работа еще не закончена, невозможно хотя бы с какой-нибудь степенью точности определить результаты этого пересмотра эффективности капитальных вложений. Но уже предварительные данные заставляют думать, что результаты будут весьма значительны.

Заканчивая вопрос о темпе нашего промышленного строительства, темп индустриализации, нельзя не остановиться и на вопросе об общем темпе нашего хозяйственного строительства.

Последуем примеру т. Колесникова и сравним рост национального дохода капиталистических стран с ростом нац. дохода нашего союза, как он рисуется по «Материалам», т.-е. с значительным недоучетом действительных результатов хозяйственного строительства в запроектированное пятилетие. По данным «Материалов» в ближайшие пять лет национальный доход должен возрасти в ценах 1913 года на 45,2%, что по сложным процентам составляет *свыше 7% в год*. Между тем, средний ежегодный прирост реальной общей суммы национального дохода *около* 7% мы имеет только *один раз за всю историю* хозяйственного развития *С. Штатов*—страны с рекордным темпом хозяйственной динамики—в 80-ые годы XIX века. В XX столетии мы имеем здесь средний ежегодный прирост в 3—4%. В довоенной *Германии* в 90-е годы XIX столетия и первое десятилетие XX века мы имеем среднюю норму ежегодного прироста народного дохода в 2,5—3,5%. В *Англии* за период 1903—1908 норма ежегодного прироста составляет всего 1,5%. Наконец, в довоенной России за

период с 1900 по 1913 г. средний ежегодный рост национального дохода (элиминируя колебания цен) составляет 2,6%, а в общем за 13 лет об'ем народного дохода вырос всего на 39,4%. При этом последнее предвоенное пятилетие с 1908 г. в России было периодом необычайно мощного промышленного под'ема» [1]).

Таким образом, за *пять лет*, при несомненно уменьшенном определении действительного роста национального дохода, *советская система хозяйства обеспечивает больший процент роста национального дохода, чем 13 лет, включая и годы под'ема довоенной России.*

Поход оппозиционного Мальбрука на линию партии в вопросах темпа нашего хозяйственного строительства, темпа индустриализации, с новыми «доказательствами» и новыми «аргументами» еще раз показал невежество и убожество оппозиционных критиков.

За чей счет.

Не менее, если не более ожесточенно оппозиция вела атаку на партию в определении источников и рессурсов индустриализации. С удивительным легкомыслием оппозиция «делала» из воздуха «миллиарды», то великодушно жертвуя их на дело индустриализации, то наделяя каждого бедняка лошадью.

Но уже преступно легкомысленный характер носило предложение оппозиции преложить всю тяжесть расходов по индустриализации на плечи крестьянства. Попытка рассматривать крестьянство как некий совершенно чужеродный и неперевариваемый организм в нашей хозяйственной системе, определение крестьянства, как некой «колонии», которая должна эксплоатироваться пролетариатом в интересах индустрии и быть «пожрана» социалистическими элементами нашего хозяйства, т.-е. по сути дела той же индустрией, в первую очередь; предложение оппозиции из'ять средства из товарооборота и передать их промышленности, предоставив сферу товарного обращения целиком и полностью в руки частного капитала—все это являлось прямой угрозой делу подлинного социалистического строительства, прямой угрозой разрыва союза рабочего класса и крестьянства.

Партия резко и решительно осудила сверхиндустриалистские предложения оппозиции, как антиленинские, как предложения, подрывающие основы диктатуры пролетариата. Тем не менее устами Колесникова не в форме, впрочем, конкретных предложений, а старым методом, «доказательства от противного» оппозиция вновь подымает вопрос «какую общественно-материальную базу подводят «Материалы» под индустриализацию нашей страны—другими словами, на какой класс они возлагают «издержки по индустриализации»?

Вывод, к которому приходит оппозиционер Колесников, не нов в оппозиционной аргументации, утверждающей, что индустриализация хозяйства нашей страны идет «исключительно за счет прибавочного труда пролетариата, т.-е., иными словами, за счет рабочего класса». Использовав неудачную, *ибо она противоречит реальному содержанию «Материалов»*, фразу об источниках финансирования нашего народного хозяйства, Колесников утверждает, что пятилетка «таит в себе... перспективу перераспределения капиталов из т. н. «государственного сектора» в сельское хозяйство».

[1]) А. И. Зак.—«Народн. доход, народ. имущество и накопление важнейших капиталистических стран мира». «Эконом. стр-во», № 6, 1927 г.

Оппозиционер Колесников даже не потрудился проанализировать проблему в доходной части бюджета и в издержках по индустриализации. Между тем, не давая на этот вопрос прямого ответа, ответ может быть найден в конкретном анализе того богатейшего материала, который дает в руки исследователя перспективная пятилетка.

В свое время [1]) уже указывалось, как на явную ненормальность «потухающая» кривая *чистых* вложений в промышленность со стороны бюджета, имеющую место в проектировке «Материалов» и резко выраженную в пятилетке Пятакова. Однако, *«потухающая»* кривая все же не означала, что развитие промышленности, индустрии идет исключительно «за счет рабочего класса». Больше того. *Чистые* вложения в промышленность со стороны бюджета, т.-е. из источников *внепромышленного* накопления, составляют по «Материалам» Госплана 775 милл. рублей.

Неправильно было бы думать, что столь «удачно» складываются взаимоотношения с бюджетом только к промышленности. В не менее, если не более, «благоприятных» условиях находятся и электрификация и транспорт, и коммунальное хозяйство, и жилфонд, и связь, и, наконец, элеваторы и холодильники, получающие из бюджета около 200 милл. рублей за пятилетие и не имеющих собственных накоплений.

Вот данные, иллюстрирующие в цифровом выражении взаимоотношение этих отраслей народного хозяйства с бюджетом (итоговые данные за 5 лет):

	Накопления (в мил. рублей)	Вложения (в мил. рублей)	Вложения превышают накопления на
Электрификация . . .	367	1.339	972
Промышленность . . .	5.961	6.460	499
Транспорт	2.376	5.072	2.696
Коммунальное хоз-во .	1.118	1.180	62
Жилфонд	900	1 196	296
Народная связь . . .	185	189	4
Элеваторы, холодильн. .	—	191	191
Итого . .	10.907	15.672	4.720

Таким образом, *вложения в основные отрасли народного хозяйства на 4.720 милл. рублей превышают их собственные накопления.*

Сельхозналог запроектирован за пятилетие в размере 1.656 милл. рублей, а на финансирование сельского хозяйства отпускается 1.200 милл., да еще к этой сумме надо прибавить расходы на социально-культурные и обще-административные нужды деревни. Где же здесь индустриализация, где же здесь участие деревни в индустриализации?—недоумевает Б. Колесников.

Оппозиционеру Колесникову, очевидно, невдомек, что участие крестьянства в государственных расходах, а тем более индустриализации, не ограничивается сельхозналогом. Оппозиционеру Колесникову неизвестно, что крестьянство принимает участие в расходах по индустриализации и *косвенными налогами, и пере-*

[1]) См. статью Александрова, Розенталь и Хавина в № 10 «Большевика» за 1927 год.

платой на высоких ценах промизделий и что рост внутренних накоплений промышленности, рост бюджетных ассигнований на промышленность, связан и обусловлен использованием крестьянских средств на общегосударственные нужды.

Из общей суммы налоговых платежей в 1925—26 г. в 2.174 милл. рублей на долю земледельческого населения приходилось по данным НКФ 931 милл., или 42,8%. И сельхозналог, определяемый для 1925—26 г. в 245 милл. рублей, составлял всего лишь 26,3% общей суммы уплачиваемых земледельческим населением налогов.

Если, таким образом, учесть, что косвенные налоги, уплачиваемые земледельческим населением, составляют около $^3/_4$ всей суммы уплачиваемых налогов, если принять расчет «Материалов», и что удельный вес поступлений от косвенного обложения «в продолжение всей пятилетки остается *стационарным*», при незначительном снижении удельного веса сельхозналога, не являющегося, впрочем, сколько-нибудь решающим в определении тяжести налогового обложения крестьянства, то мы располагаем всеми необходимыми данными для определения действительного участия крестьянства в налоговых платежах запроектированного пятилетия.

По данным НКФ в 1925—26 г. налоговые из'ятия составляли 9,0% от общей суммы земледельческих доходов. Распространяя этот процент налогового из'ятия на пятилетие, общая сумма налоговых платежей составит за пять лет 5.207 милл. в дов. руб. или 7.162 милл. в червонных рублях. К таким же в основном результатам приводит и другой метод подсчета. Общая сумма сельхозналога запроектирована в пятилетке в размере 1.656 милл. При условии, как это имело место в 1925—26 г., что сельхозналог составляет 26,3% общей суммы налоговых платежей земледельческого населения, вся сумма налога, уплачиваемого земледельческим населением, выразится в 6.296 милл. черв. руб. Учитывая даже то обстоятельство, что рост благосостояния крестьянства в запроектированном пятилетии будет *меньшим*, чем рост благосостояния рабочего класса, а, следовательно, будет меньшим и прирост потребления промтоваров и участие в косвенном обложении, косвенные налоги, платимые крестьянством, составят за пятилетие все же внушительную цифру.

7.162 милл. рублей налоговых платежей за пятилетие земледельческого населения, т.-е. по сути дела крестьянства, при общей сумме капитальных вложений в народное хозяйство, включая сюда 1.200 милл. на сельское хозяйство, в 17.578 милл. рублей это нечто в корне отличное от *лживо-демагогического* утверждения оппозиции, будто бы индустриализация нашего хозяйства производится «исключительно» «за счет рабочего класса».

Однако, этим не исчерпывается участие крестьянства в расходах по индустриализации страны. «Ножницы» — разрыв цен между продуктами промышленного и сельскохозяйственного производства, хотя и сжимаясь, остаются все же на протяжении всего пятилетия. В *отпускных* ценах промышленности (без акциза) и продажных ценах непосредственных *производителей* с.-х. продуктов, динамика «ножниц» представляется в следующем виде:

Цены промышленности превышают цены сельскохозяйственные в:

26—27 г.	27—28 г.	28—29 г.	29—30 г.	30—31 г.
124	119	116	111	107

В денежном выражении потери крестьянства на высоком промышленном индексе представляются по годам в таком виде (в милл. руб.):

26—27 г.	27—28 г.	28—29 г.	29—30 г.	30—31 г.	Итого за 5 лет
515	472	448	351	251	2.073

Почти два миллиарда теряет крестьянство дополнительно путем переплаты на высоком индексе промышленных изделий. Но эта сумма переплат должна будет еще увеличиться, если мы сюда включим накидки товаропроводящего аппарата, значительно превышающего накидки довоенного времени (35% в 1925—26 г., 29% в 1930—31 г. при довоенных торговых накидках в 20—21%). Если налоги вообще идут не только на нужды индустриализации, но и на общие нужды государства, в частности на нужды обороны и социально-культурные нужды самого крестьянства, то эта переплата на индексе, на «ножницах»—прямой расход крестьянства на индустриализации.

И только хлестаковская легкость мысли в соединении с беспримерной невежественностью в экономических вопросах могли позволить оппозиционеру Колесникову утверждать, что индустриализация нашего хозяйства идет «исключительно за счет прибавочного продукта рабочего».

Крестьянство несет свою «долю» расходов на индустриализацию и не может не нести, ибо оно кровно заинтересовано в ходе и темпе индустриализации нашего хозяйства, ибо только через индустриализацию и благодаря индустриализации оно сумеет выбраться из тех нищенских условий существования, в которых оно находится. Развивающаяся и крепнущая промышленность не только является рынком сбыта для с.-х. сырья, не только освобождает деревню от избыточных рабочих сил, но и помогает развитию производительных сил сельского хозяйства, машинизируя и электрифицируя его, переводя его на более высокий технический уровень, подводя тем самым техническую базу для его социалистического переустройства.

Безработица. Зарплата. Душевое потребление.

Недобросовестность, невежественность и демагогия оппозиции достигают своего крайнего предела в вопросах безработицы и зарплаты. В своем стремлении, во что бы то ни стало, дискредитировать партийное руководство, оппозиция не останавливается ни перед какими средствами. «Цель оправдывает средство»—если эта цель дискредитации партруководства—и в ход пускается ложь, клевета и самая низкопробная демагогия.

Царская Россия в лице многомиллионного избыточного населения деревень оставила нам тяжелое наследство. Ежегодно выбрасывает деревня в города 500—600 тыс. человек, ищущих там заработков, ушедших из деревень, чтобы окончательно осесть в городе, несмотря на бурное развитие всего народного хозяйства, несмотря на то, что число занятых в производстве рабочих и служащих ежегодно значительно возрастает, безработица из года в год растет. И с первого полугодия 1925—26 г. по первое полугодие 1926—27 г. количество безработных увеличилось с 988,8 тыс. до 1.294,8 тыс., или на 306 тыс.

Этот рост безработицы в руках оппозиции превращается в свидетельство «кризисного» развития нашего хозяйства, действия в нашем хозяйстве «абсолютного, всеобщего закона капиталистического накопления» и, наконец, доводом против «недостаточного» темпа индустриализации. Именно с точки зрения возможности ликвидировать существующую у нас безработицу и аграрное перенаселение (определяемое отдельными авторами от 5 до 15 и даже 20 миллионов) подошел Колесников к рассмотрению темпа индустриализации нашего хозяйства в том виде, как его дают и «Материалы».

С результатами рассмотрения темпа индустриализации мы уже знакомы. Темп развертывания нашей индустрии, как оказывается, значительно превышает не только *средний* темп развертывания промышленности в капиталистических странах, но и в *годы бурного его под'ема*. И тем не менее индустрия и все народное хозяйство в целом оказываются не в силах поглотить, производительно использовать все безработное население страны.

По данным «Материалов», общий темп вовлечения в промышленное производство новой рабочей силы рисуется за пятилетие в таким виде:

Годы	Крупная промышленность		Вся промышленность (включая и мелкую)	
	Абс. (в тыс.)	В % к пред. году	Абс. (в тыс.)	В % к пред. году
1925—26	2.722	—	3.122	—
1926—27	2.930	167,7	3.350	107,3
1927—28	3 042	103,8	3.472	103,6
1928—29	3.127	103,0	3.577	103,0
1929—30	3.200	102,0	3.650	102,0
1930—31	3.246	101,4	3.706	101,5
Итого прирост за 5 лет	524	19,2	584	18,7

Для того, чтобы эти цифры «заговорили» приведем соответствующие данные из прошлого С. Штатов. В С. Штатах за последнее перед войной *пятилетие* прирост рабочей силы, занятой в промышленном производстве, выражался в 6,3%, т.-е. темп вовлечения был в 3 раза ниже темпа запроектированного в пятилетке.

Допустимо ли, однако, думать, что безработица может быть ликвидирована только за счет индустриализации страны, как это делает Колесников? Такое предположение свидетельствовало бы о величайшей невежественности в вопросах экономики. Достаточно привести следующий ряд цифр, чтобы показать полнейшую абсурдность такого предположения.

При капитальных вложениях в промышленность за 5 лет 6.460 милл. рублей, промышленность оказывается способной вовлечь в производство всего лишь 524 тыс. новых рабочих и служащих. Вовлечение только *наличного* кадра безработных в промышленность—1.294 тыс. потребовало бы увеличения капитальных вложений в нее не меньше, чем в три раза.

И хотя «Материалы» Госплана и страдают недостаточным учетом эффективности капитальных вложений, а, следовательно, преуменьшают и *физический* об'ем капитальных вложений и действительное вовлечение в производство незанятой, свободной рабочей силы, рационализирующаяся промышленность не позволяет рассчитывать на вовлечение новой рабочей силы в таких размерах, которые позволили бы окончательно ликвидировать, рассосать существующую безработицу.

И разрешение вопроса безработицы оппозиция ищет не там, где его следует искать. Мы должны в первую очередь приостановить поток рабочей силы, идущий из деревень. Крестьянство, бросившее землю, ушедшее в города, составляет основную и подавляющую массу безработных. Анализ социального состава безработных с неопровержимой убедительностью доказывает, что рост безработицы происходит в основном и решающем за счет идущей из деревни рабочей силы. Об этом же свидетельствует и увеличивающийся из года в год уход крестьянства в города на заработки. В то время, как в 1923—24 г. на заработки уходило из деревень 1.700 тыс. человек, в 1925—26 году эта цифра возросла почти вдвое и составляла уже 3.220 тыс. человек. Наконец, об этом же свидетельствует и непрерывное понижение процента индустриальных безработных, дающего такую динамику: 29,1% в январе 1925 г., 21,9% в октябре 1925 г. и 16% от всего числа безработных на 1/V—27 г.

Разрешение вопроса о безработице должно итти прежде всего по линии интенсификации сельского хозяйства, расширения посевных площадей трудоемких культур, проведение ряда мелиоративных и землеустроительных работ и т. д., и т. п.,, т.-е. проведения всей той суммы мероприятий, которая позволит удержать крестьянство на земле.

При чем, и это особенно важно,, проведение в жизнь мероприятий, интенсифицирующих и индустриализирующих сельское хозяйство не только в значительной степени разрешает проблему безработицы, но и расширяет сырьевую базу нашей промышленности, подымают общий уровень жизни крестьянства и, наконец, создает предпосылки для коллективизации с.-х. производства.

Другой стороной разрешения проблемы безработицы и использования избыточного населения деревни является, как это уже указывалось в печати, развитие кустарно-ремесленной и мелкой промышленности. В условиях принятого партией курса на индустриализацию страны, в условиях безработицы и аграрного перенаселения, в условиях недостатка материальных рессурсов, развитие кустарно-ремесленной промышленности должно будет несколько разрядить остроту безработицы и смягчить аграрное перенаселение, позволит использовать государству наличные рессурсы для капитальных вложений в командные экономические высоты нашего народного хозяйства, а не распылять их по тем отраслям, где по условиям производства может развиваться кустарная промышленность.

По этим двум основным линиям и должно итти разрешение проблемы безработицы и аграрного перенаселения в первую очередь. И сюда прежде всего должно было быть обращено внимание критики «Материалов» к пятилетнему плану. Но это идет в разрез, это в корне противоречит сверхиндустриалистским построениям оппозиции и потому действительные, реальные пути разрешения

проблемы безработицы остаются для оппозиции «за семью печатями».

Громкие фразы о безработице, о недостаточно энергичной и решительной борьбе партии с безработицей в устах оппозиции только «дымовая завеса», прикрывающая демагогию оппозиционных недорослей в их фракционной борьбе против партии. Наметить основные направления, основные линии борьбы с безработицей оппозиция оказалась неспособной. Впрочем этой цели она и не ставила. Политика «дальнего прицела» имеет в данном случае своей целью дискредитацию партийного экономического курса. Безработица же только «средство», спекулируя на котором оппозиция пытается опереться в своей борьбе против партии на отсталые слои рабочего класса и пришедшее из деревень, но еще не порвавших окончательно, связывающей с ней половину—крестьянство.

Прямой и совершенно сознательной ложью со стороны оппозиции является утверждение о «полной стабилизации уровня заработной платы, фактически установившейся у нас с осени 1925 года».

По данным ЦОС'а ВСНХ, за полтора года дневная реальная заработная плата возросла на 27,2%.

По другим данным [1]) в процентах к 1913 году месячная и часовая заработная плата показывает такую динамику:

Годы	Месячная	Часовая
1913	100	100
1924—25	82,6	100,7
1925—26	93,7	116,4
1926—27 (1/III—27 г.) .	104,4	129,3

При средней, по всей промышленности, реальной заработной плате в 1925—26 г. в 27 р. 67 к., уже октябрь 1926 г. показывает повышение до 30 р. 41 к., а июль 1927 г. [2]) до 33 р. 16 к. или по сравнению с 1925—26 г. повышение на 19,8%.

По данным ВЦСПС, средняя месячная реальная заработная плата по всей промышленности в %% к 1913 году изменялась по месяцам 1926—27 хозяйственного года так:

	проц.		проц.
Октябрь	101,7	Март	104,6
Ноябрь	100,1	Апрель	102,7
Декабрь	100,0	Май	110,8
Январь	95,7	Июнь	108,3
Февраль	98,1	Июль	112,1

К июлю месяцу реальная месячная заработная плата превысила довоенную на 12,1%, а вместе с начислениями на заработную плату на 37,5%. И если в процентах к 1913 г. реальная заработная плата в 1925—26 году в среднем составляла 93,7% (30,49 московск. условн. руб. в 1913 и 28,57 руб. в 1925—26 г.), то в 1926—27 г. она составит уже 105,1% (32,05 рублей).

Оппозиция *не приводит* никаких доводов и фактов, подкрепляющих ее утверждение о стационарности в динамике зарплаты. Между тем все *без исключения* данные, которыми располагает наша статистика свидетельствуют с неопровержимой убе-

---

[1]) «Эк. Жизнь» № 179 от 9 августа статья А. Рабиновича.

[2]) По конъюнктурным данным Ц. Б. С. Т.

дительностью, что *реальная заработная плата не только неуклонно из года в год повышается, но и перегнала уровень довоенной реальной заработной платы.*

Оппозиция клеветала, оппозиция сознательно лгала в своем утверждении, что заработная плата приостановилась в своем росте, ибо все имеющиеся данные свидетельствуют об обратном.

И в противовес оппозиционной демагогии надо решительно подчеркнуть, что дальнейший рост реальной заработной платы должен быть *экономически* оправдан соответствующим ростом и производительности труда, что до сих пор не всегда имело место. Динамика производительности труда и реальной заработной платы за годы восстановительного периода была такой (в %% к предыдущему).

Годы	Годовая выработка на 1 рабочего	Реальная зарплата рабочего
1920—21	104,3	122,4
1921—22	181,1	123,1
1922—23	112,3	127,0
1923—24	114,2	130,7
1924—25	134,7	121,3
1925—26	111,4	113,5
1926—27 . . . . . . (месячная, предполож.)	111,8—112,0	112,0—112,2

Систематическое отставание роста производительности труда от роста реальной зарплаты явление безусловно ненормальное. И коллективная воля рабочего класса, партии, государственного аппарата и хозяйственных органов должна быть направлена к тому, чтобы дальнейший рост заработной платы компенсировался еще большим ростом производительности труда. Без этого неизбежно сокращение внутренних накоплений промышленности, а, следовательно, и сокращение общего размера капитальных вложений в промышленность и замедление темпа индустриализации, темпа социалистического строительства. Это, конечно, понимает и не может не понимать сознательная часть рабочего класса, но не на эту часть рабочего класса и рассчитана оппозиционная демагогия. «Левая», «истинно-рабочая» (хотя рабочих, идущих за ней, можно пересчитать по пальцам!) оппозиция в своей безответственной демагогии рассчитывает повлиять на те группы рабочего класса, которые еще не порвали пуповины, связывающей их с деревней, которые пришли на фабрику «подработать», чтобы затем вернуться в деревню, которые еще не связали своей судьбы целиком и полностью с жизнью своего предприятия и интересы которого для них чужды, далеки.

В тесной связи с вопросами заработной платы стоит вопрос о нормах душевого потребления промышленных товаров, которые, по утверждению Колесникова, стоит «в общем значительно ниже довоенных».

Действительно ли потребление промышленных товаров «на душу населения» ниже довоенного? Для большинства промтоваров это совершенно бесспорно. Но Колесников пользуется приемом профессионального шулера, когда затушевывает, стирает социально-экономическое содержание «души населения» в довоенный период и теперь. Потребление промышленных товаров

«на душу населения» понизилось, но душевое потребление промышленных товаров *рабочего класса* — возросло [1]).

	Единица измерения	Потребление средн. раб. в 1925—26 г.		Потребление на душу населения.	
		Абс.	В % к дов. нормам потреб. на душу населения	Абс.	В % к дов. нормам потреб. на душу населения
Керосин . . .	Фун	25,2	169,0	13,35	89,6
Соль	—	27,24	95,5	22,57	79,1
Спички . . .	Кор.	27,6	110,4	25,3	101,2
Сах. песок . .	Фун.	15,04	198,6	9,02	119,0
Раст. масло .	»	16,68	330,3	8,07	159,08

Таким образом, нормы потребления промышленных товаров *«на душу населения»* и *«на душу рабочего»* населения — явления далеко не однородного порядка. Величайшие социально-экономические сдвиги Октябрьской революции—полное уничтожение помещиков, уничтожение класса капиталистов (возродившаяся с нэпом буржуазия представляет совершенно ничтожную величину, по сравнению с довоенной ее ролью и значением), уничтожение прежней чиновничьей, высоко оплачиваемой бюрократии и т. д. и т. п. коренным образом изменило характер распределения и потребления промышленных товаров. И нормы душевого потребления промтоваров рабочим населением возросли при сокращении норм душевого потребления на душу. Это нашло свое выражение и в росте заработной платы, уже превысившей довоенной уровень. *Нормы потребления рабочего класса—превысили довоенные нормы потребления.*

Метафизические, явно меньшевистские свойства подсчеты норм душевого потребления находятся, впрочем, в полном соответствии с общим духом и содержанием экономической платформы оппозиции. В таком же, впрочем, соответствии, как и тщательный обход таких важнейших проблем пятилетки, как недостаточность намеченного в «Материалах» темпа снижения себестоимости и цен на промышленные изделия и явный недоучет результатов рационализаторских мероприятий ближайшего пятилетия и аффективность капитальных вложений.

Использовав, как повод, к критике экономической политики партии «Материалы» Госплана, оппозиция в лице Колесникова лишний раз подтвердила и показала свою неспособность противопоставить линии партии, хоть сколько-нибудь серьезную и продуманную, *не* клеветническую, *не* лживую, *не* демагогическую систему взглядов. Твердить «зады», метаться из стороны в сторону, ловить, как кошка, свой собственный хвост, безнадежно путаться и противоречить себе на каждом шагу, лгать и клеветать, мобилизовать всю «гамму» самой бесшабашной и безответственной демагогии—такова «сущность» и «форма» проявления экономических воззрений оппозиции.

---

[1]) И. Хавин—Матер. полож. рабочих в СССР. «Спутник Коммуниста», № 15 (48), 1927 год.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА. Под редакцией Д. Рязанова. Книга третья. М. 1927 г., стр. 519.

Выход в свет каждого нового тома «Архива» представляет собой крупное событие в мире марксистской науки. Третья книга не уступает в этом отношении своим предшественницам. В небольшой заметке нет, конечно, возможности охватить все богатое ее содержание. Мы имеем перед собой, как обычно, во-первых, исследовательские работы, которым отведен первый отдел «Архива». Статья А. Деборина, посвященная философским воззрениям Фихте, показывает, какое место занимает этот мыслитель в ряду других представителей классической германской философии и подробно останавливается на тех сторонах его учения, которые содержат в себе элементы диалектики.

К философии Фихте в первую очередь приложима та оценка преимуществ идеализма перед старым до-фейербахцанским материализмом, которую в свое время дал Маркс. Старый материализм «рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме об'екта или в форме *созерцания*, а не в форме *конкретной человеческой деятельности*, не в форме практики, не суб'ективно. Поэтому *деятельную* сторону, в противоположность материализму развивал идеализм». У Фихте мы и находим с особой силой подчеркнутое, выдвинутое на первый план активно-деятельное суб'ективное начало. Но оно понимается им как и всеми идеалистами отвлеченно, т.-е. не в форме конкретной человеческой деятельности, но в форме чистого мышления, которое создает внешний мир как свой об'ект. Если старый материализм утверждал конкретную предметность внешнего мира, то он не находил в ней места деятельной суб'ективной стороне отношения человека к этому миру; идеализм же в лице Фихте возводил суб'ективное, творческое начало на недосягаемую высоту, но лишал его, а заодно и всю об'ективную действительность конкретно-предметного значения. Весь мир, вся совокупность явлений есть, по Фихте, нечто «мыслимое», оно возникает как об'ект, благодаря творческой деятельности сверхопытного «чистого я».

Положительная сторона философии Фихте заключается в том, что он исходит из понятия становления и кладет в основу генетический метод. В особенности же плодотворен применяемый им диалектический принцип об'единения единства и противоположности. Но эти положительные стороны его философского учения обесцениваются идеалистическим отрицанием реальности мира и суб'ективно идеалистическим истолкованием развития, при котором саморазвитие мышления означает одновременно становление бытия.

Работа Деборина вводит читателя в круг этих кардинальных проблем, имеющих не только историко-философское, но и актуально-философское,—если так можно выразиться—значение.

Другая статья «Архива», посвященная истории восстания лионских ткачей 1831 г. Автор, известный историк Е. Тарле, на основании нового архивного материала дает абсолютную картину этой первой грозной схватки труда и капитала, открывшей столетие классовых битв пролетариата. В статье подробно освещены экономические условия, вызвавшие лионские события, невероятная нищета и эксплоатация лионских шелковых ткачей, тактика капиталистов «раздатчиков шелка» и французского правительства. Лионское восстание, поднявшееся под лозунгом «жить работая или умереть сражаясь», обнаружило одновременно колоссальную силу пролетариата, впервые появившегося на мировой исторической арене как самостоятельный революционный класс со своими особыми требованиями. Но это же восстание обнаружило и его слабость, выразившуюся в отсутствии какой бы то ни было политической программы. Ненависть к эксплоататорам и их непосредственным защитникам сочеталась у многих рабочих с доверчивым отношением к июльской монархии. Движение не выдвинуло никаких политических требований, что и дало повод тогдашнему премьер-министру Франции Казимиру Перье с удовлетворением заявить, что «это *только* война бедных и богатых». Представитель господствовавшей тогда во Франции плутократии не подозревал, какой роковой для буржуазии смысл скрывается в этой его оценке. Лионское восстание положило историческую грань в развитии рабочего движения не только во Франции, но и во всем мире. Е. Тарле совершенно прав, когда он проводит аналогию между лионскими событиями и 9 января 1905 г., сыгравшем такую же роль резкого переломного момента в истории русского рабочего движения.

Не менее интересны и содержательны другие отделы третьей книги «Архива». Мы не имеем здесь возможности останавливаться на ценнейших библиографических обзорах, которые знакомят читателя с новейшей литературой по целому ряду проблем философии, социологии, политической экономии и истории.

Из помещенных в третьей книге материалов и сообщений следует отметить письма М. А. Бакунина к революционеру—однодневке Альберу Ришару, который вскоре оказался ренегатом и предателем. Эта переписка не только прибавляет новые черточки к истории борьбы Бакунина против руководимого Марксом I Интернационала (кстати сказать, черточки, рисующие Бакунина не в очень-то выгодном свете), но и содержит в себе чрезвычайно интересные идеи Бакунина о социальной революции, о разрушении в ее процессе буржуазной государственной машины, о революционной инициативе трудящихся масс, самостоятельно с разных сторон начинающих строить новое общество и т. д. Ю. Стеклов в своем введении совершенно справедливо указывает, что в этих планах Бакунина, относящихся к 70 годам, можно найти отдельные места, являющиеся гениальным предвидением действительного хода социальной революции, как она разыгралась на наших глазах в октябре. Характерно, что Бакунин, сознавая необходимость сильной и сплоченной организации, которая могла бы возглавить революцию, договаривается даже до слова диктатуры (хотя, вообще, как анархист, он, конечно, отвергает самое завоевание политической власти и вытекающую из нее идею диктатуры пролетариата). Но это должна быть, по его мнению, «коллективная незримая диктатура» членов Альянса, т.-е. тайной организации, которую создавал Бакунин. Им он отводил роль «незримых лоцманов среди народной бури», носителей «диктатуры без шарфов, без титулов, без официального права, но тем более могучей, что она не будет иметь никаких внешних отличий власти». Как бы туманны и анархически бесточвенны ни были эти рассуждения,—для будущего историка идеи революционной диктатуры они представят несомненный интерес.

Совершенно исключительное значение для каждого занимающегося теорией марксизма имеют опубликованные в третьей книге «Архива» материалы литературного наследства К. Маркса. На этот раз речь идет о рукописи, посвященной критике гегелевской философии права и о подготовительных работах для «Святого семейства». Первый документ, к сожалению, сохранившийся неполностью, представляет собой критический разбор тех параграфов гегелевской философии права, которые посвящены государству. Рукопись относится к периоду апрель—сентябрь 1843 г. и ближе всего примыкает по содержанию развиваемых там мыслей к известным статьям Маркса в «Немецко-французских Летописях: «Введение к критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу». Это был, следовательно, период, когда Маркс, с одной стороны, начал, опираясь на Фейербаха, критический поход против умозрительной философии Гегеля, которая «полагает сущность природы вне природы, сущность мышления—вне акта мышления». А, с другой стороны, идя дальше Фейербаха, он связал вопрос о человеческой эмансипации с вопросом об эмансипации пролетариата. Этот вывод Маркс делает в своем знаменитом введении к критике гегелевской философии права, которое поэтому т. Рязанов совершенно справедливо считает более зрелым произведением, хотя оно и было опубликовано раньше статей «К еврейскому вопросу». Публикуемая ныне рукопись, теснейшим образом примыкающая к этим двум работам, дает возможность глубже проникнуть в лабораторию мысли К. Маркса в один из самых интересных моментов его духовного развития. Критическая задача Маркса по отношению к гегелевской философии права являлась двоякой. Лево-гегелевское крыло, к которому принадлежал Маркс, когда он входил в состав редакции «Рейнской газеты» (1842—43 г.) стремилось, во-первых, выявить радикальные элементы в учении Гегеля и противопоставить их правому гегельянству, защищавшему религию, прусскую монархию и вообще отсталые политические порядки Германии. Во-вторых, задача заключалась в критике логического мистицизма Гегеля, его спекулятивного мышления, которое исходило не из эмпирической действительности, не из фактов, но из идеи, т.-е. из гипостазированной абстракции и провозгласило действительное развитие мистическим результатом, предопределенным развитием идеи. На целом ряде примеров Маркс показывает как Гегель, беря конкретно-эмпирические «конечные» явления, тщетно пытается изобразить их как формы проявления абсолютной идеи. Для правильного понимания отличия материалистической диалектики Маркса от гегелевского мистицирующего идеализма страницы опубликованной ныне рукописи дают необычайно много.

Маркс в этой работе еще остается верен гегелевскому взгляду на государство, согласно которому цель последнего есть всеобщий интерес, как таковой. Но в то время, как Гегель выступает в своей философии права защитником отсталых полу-феодальных институтов монархии, сословного бюрократического устройства власти, врагом идеи народного суверенитета и революционных изменений государственной конституции (см. в особенности § 298 «Философии права», посвященный законодательной власти),—Маркс противопоставляет этой убогой политической доктрине те выводы, которые логически вытекали из философско-правовых предпосылок самого Гегеля. Эти взгляды Маркса представляют собой те крайние пределы буржуазно-революционной демократической доктрины, на которых нельзя удержаться, не сделав следующего шага в сторону пролетарского социализма. Особенно отчетливо это видно

на тех рассуждениях Маркса, которые представляют собой апофеоз демократии: «Демократия есть государственное устройство, как родовое понятие... Демократия есть разрешенная *загадка* всех форм государственного устройства... демократия есть *сущность всякого государственного устройства*, обобществленный человек, как особая форма государственного устройства» (Архив стр. 164). Все эти определения Маркса при ближайшем рассмотрении, оказывается, относятся не к реально существующей буржуазной демократии, напр., к Северной Америке, где «собственность и т. д., словом все содержание права и государства зиждется... за некоторыми исключениями на тех же основаниях, как и в Пруссии», но к той высшей форме общежития, в которой *исчезает политическое государство.* Речь идет следовательно о той человеческой эманситапции, о которой Маркс говорит в статьях к «Еврейскому вопросу» и которая может осуществиться только на эмансипации пролетариата.

Но не только с точки зрения этих основных и общих вопросов представляет интерес опубликованная ныне рукопись. В ней мы не только находим ценные свидетельства о путях идейного развития самого Маркса, она дает также не мало интереснейших мыслей, которые должен использовать каждый марксист, занимающийся теорией и историей права. Укажу как на один из примеров на блестящую характеристику майората, этой феодальной формы, при которой «землевладение выступает, как субстанция, а владелец, как акциденция», при которой «суб'ектом является вещь, а об'ектом—человек».

Среди подготовительных заметок для «Святого семейства», особенный интерес представляет анализ различных форм коммунизма и глубокое философское определение высшей формы коммунизма. Последняя включает в себе, по Марксу, уничтожение частной собственности «происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства прежнего развития». Это—«возвращение человека к себе как к общественному человеку». Это «истинное решение спора между человеком и природой и человеком и человеком».

Таково в общих чертах содержание третьего тома «Архива Маркса и Энгельса». Читатель видит, что мы имеем дело с новым ценнейшим вкладом в марксистскую теорию.

Е. Пашуканис.

Буржуазный „Мессия“.

О книге «Mussolini Lebensgeschichte» Nach autobiografischen unterlagen von Margarita Sarfatti. Paul List. Verlag Leipziq, 1926 года.

Пришествие в мир.

«Знаете, я совершенный невежда, я ничего не знаю. Я ничего в себе не замечал. Прошлое меня не интересует, оно для меня не существует, я стремлюсь только к будущему».

Так непомерно скромно писал о себе человек, ставший впоследствии по свидетельству своего ближайшего сотрудника и интимного поверенного «больше, чем законодателем», «больше, чем вождем», ставший «спасителем своего народа».

Но это только скромность, свойственная «величайшему» деятелю послевоенного времени. И он сам, и биограф этой «гигантской» в истории фигуры, чей масштаб исторического влияния мог, по убеждению биографа, единственно поспорить с огромным всемирно-общественным значением Ленина, прекрасно знали, что уже появление на свет «спасителя своего народа» было отмечено божественным перстом.

В краткой, но выразительной записи самого «спасителя» мы читаем по этому поводу следующее:

«Я родился в воскресенье, в два часа пополудни. Солнце уже восемь дней было у созвездия Льва».

Это воскресенье пришлось на 29 июня 1883 г. Биограф сообщает, что был знойный летний день. На полях созревали колосья, колокола возвещали праздник. А, ведь, даже Гете, напоминает биограф, верил в народную примету, что воскресных детей ждет особенная судьба!

Может ли итти в какое-нибудь сравнение с этим обилием указаний и примет на рождение необыкновенного человека, легендарная вифлиемская звезда! И щедрое полновесными плодами земли время года, и воскресный день, и ликующий звон колоколов, и застывшее в напряженном ожидании у созвездия Льва (Льва, а не какого-нибудь Рака или Козерога) солнце—все предвещало исключительное рождение.

Оно «совершилось». Необыкновенный мальчуган уже на четвертом или пятом году жизни начал учиться читать библию и скоро стал бегло читать. Отдавая его на воспитание в иезуитскую коллегию, его мать, умоляя принять своего первенца, говорила: «можно надеяться, что из него что-нибудь получится». Цензор коллегии вступающего в нее мальчика встретил словами: «Это, наверное, живой ребенок». Все эти мелочи, которые должны были отметить выдающегося ребенка из числа заурядных детей, трогательно записаны в биографии в назидание потомству.

И, наконец, когда мальчик превратился в общественного деятеля, «старый революционер» сказал о нем:

«Это человек с большим будущим, мы о нем еще много услышим; он будущий вождь партии».

Солнце не напрасно стояло у созвездия Льва, воскресный звон колоколов не напрасно приветствовал рождение мальчугана.

В мир пришел Бенито Муссолини.

«У каждого человека свой стиль».

«Ребенок, как этот маленький Бенито,—пишет биограф Муссолини, Маргарита Сарфатти — уже содержит в себе зародыш будущего человека».

Зародыши эти обнаружились чрезвычайно рано. Сарфатти приводит ряд характерных эпизодов.

Прибитый большим мальчиком, Бенито с плачем пришел домой. Отец на это сказал, что нельзя давать себя бить, даже большему и при этом ударил его. Пощечина—повествует Сарфатти—осушила слезы. Бенито заострил камень и ждал случая. Мальчишка забыл о драке. Как-то Муссолини наскочил на него и стал его бить камнем до тех пор, пока не потекла кровь. Этот эпизод—умозаключает Сарфатти—дал ему понятие о добре и зле.

Восторженная почитательница Муссолини сообщает, однако, такие факты, которые позволяют с полным правом утверждать садистические наклонности буржуазного «Мессии».

Она отмечает всеподчиняющее влияние острого взгляда Муссолини. Особенно действовал он на одну семилетнюю девочку, красавицу. Ее Муссолини больше других любил пугать, при чем он терпеть не мог, когда от испуга вскрикивали.

«Поцелуй меня, Мариэтта!»—приказывал маленький Бенито и Мариэтта подчинялась.

Он тянул ее за косу, играя в лошадки и вдруг, внезапно прогонял. Ему быстро надоедали все игры.

Из коллегии Бенито дважды исключали. Месяцами спокойный, он иногда срывался с цепи, затевал без всякой причины драки, нещадно колотил соучеников и потом являлся вместе с матерью просить у них прощения. Любил терроризировать школьников.

Зародыш превращался в стиль. Физическое воздействие на окружающих занимает большое место и в жизни взрослого Муссолини.

В Толмеццо он снимал комнату у молодой хозяйки дома. Жениху хозяйки Муссолини не импонировал, вследствие чего между ним и невестой происходили недоразумения. В один из очередных скандалов Муссолини вмешивается, бросив тяжелым столом в жениха и обработав к тому же его кулаками.

В том же Толмеццо, где он учительствовал в 1907—08 гг., осталась память о Муссолини и как о педагоге. Сарфатти передает, что во время занятий Муссолини был нетерпелив, бросал на учеников молниеносные взгляды, давал пощечины и т. д.

«Его помнят там,—пишет Сарфатти,—под прозвищем «Тирана». Характерно, что и находясь в эмиграции в Люцерне, Муссолини подрался с молодым рабочим.

«У каждого человека свой стиль»—заключим мы вместе с ней.

«Рожден повелевать».

Обожествляющая Муссолини Сарфатти, его солдафонские манеры об'ясняет рыцарскими побуждениями. Расправляясь мордобоем с представителями «сильного пола», Муссолини, в ком был силен, по Сарфатти, инстинкт рыцарства, предоставлял животным, женщинам и детям, как слабым и беззащитным существам, покровительство сильного. Да, ведь, и фашизм в трактовке автора есть «самый молодой рыцарский орден».

Угрюмый, недружелюбный Муссолини чувствует огромную привязанность к животным (в категории слабых и беззащитных и у Сарфатти они поставлены на первое место). Он дружит с сычами, грустит при расставании с чижем, будучи вождем фашистов, ласкает лису и особенно дружит с подаренной ему львицей (вспомните созвездие Льва), которую посещает в ее клетке в зоологическом саду и увековечивает свои визиты к ней двумя фотографиями.

Муссолини аскет. Он довольствуется минимумом. Его любимое кушанье—оладьи, он может вынуть из чашки супа за хвост мышенка и продолжать есть. Но он «аристократический плебей», поэтому одновременно в ресторане его может не удовлетворить недостаточно отполированный стакан. Он может спать на жестком ложе, он не курит и не пьет... впрочем, автор забыл о сообщенных ранее эпизодах, когда Бенито Муссолини вместе с отцом напивались до такой степени, что не могли добраться до постели и засыпали тут же за столом, свесив головы на руки.

Но не эти качества делают Муссолини «спасителем своего народа». Муссолини сверх-человек! Некоторым подобием ему является Наполеон Бонапарт с его «необыкновенным прилежанием», недружелюбием и «безграничным честолюбием». Для Муссолини, как и для Наполеона, власть—все. В качестве сверх-человека Муссолини считает необходимой задачей создание новых людей, закаленных на войне, не боящихся ни бури, ни пропастей, ни глетчеров. Фашизм именно и воспитывает, по его утверждению, таких людей. Пока же народ пребывает в детском состоянии, для него Муссолини выдвигает следующее положение:

«Широкие массы, призванные строить новое государство, должны гораздо меньше знать, чем верить».

«Так, например,—поясняет Муссолини,—для того, чтобы быть христианином, вовсе не надо прочесть и понять всю теологию, так же можно быть выдающимся социалистом, не зная основ социалистической литературы».

Но божественный, мессианский характер фигуре Муссолини придает та неведомая сверх-естественная сила, которая руководит, по его собственным словам, его действиями:

«Я не могу это изменить, я как зверь, я предчувствую погоду. Если я следую инстинкту, я никогда не ошибусь».

Вообще,—говорит Сарфатти,—он уделяет невесомому (Imponderabil) очень много места в предугадывании событий, и, может быть, потому он так редко ошибается. Одной логики недостаточно так же, как и фантазии.

И дважды Сарфатти повторяет: Муссолини живет такой интенсивной жизнью, что в настоящем совершенно отчетливо видит будущее; для него будущие события уже существуют.

Любовь к буржуазному отечеству достигает у Муссолини такой силы, что для него существует только Рим, Рим—мать и возлюбленная.

«Может быть, к этому,—пишет Сарфатти,—его звал внутренний голос, сходный с теми голосами, которые Жанна Д'Арк слышала в своем саду в Домреми».

Сверх-человек, волею высших сил, предопределенный для спасения буржуазного отечества, таков Муссолини, по его собственным словам и по свидетельству его безвольного биографа.

Нужно ли говорить о том, что человек, вдохновляемый божественной интуицией, не нуждается в жалких потугах человеческой мысли, теоретических доктринах или направлениях.

Реакция или революция,—сообщает Сарфатти,—для Муссолини только направление.

«Я буду последователем,—говорил он,—всего того, что возвеличивает итальянский народ, и все, что унижает, обезображивает и пятнает итальянский народ, найдет во мне врага».

В другой раз вождь фашизма заявил: «Фашизм не есть совокупность теоретических доктрин, так как всякая система является обманом, всякая теория—тюрьма».

Вдохновение, предчувствие, инстинкт и ясновидение—какие еще качества нужны для крупнейшего вождя современной, все более теряющей под ногами почву, буржуазии!

А этими качествами, как мы узнаем у Сарфатти, Муссолини в избытке был наделен на всех этапах своей жизни. И именно они позволяют биографу Муссолини заключить:

«Сцена увеличивается, декорация изменяется, одна душа героя остается прежней,—ибо он рожден повелевать».

Кладезь премудрости и подвигов.

Было бы утомительно перечислять исключительные качества Муссолини. Сарфатти потребовалось для этого написать огромную в триста с лишним страниц, книгу. Укажем только, что Муссолини впитал лучшие качества Маккиавели, Гарибальди, Кристи (как известно, предавшего в свое время Гарибальди), Наполеона и т. д., индивидуализм Шопенгауэра, Ницше, Макса Штирнера, идеализма Бабефа и Боунаротти.

И восторгающаяся своим идолом Сарфатти и «скромный», не любящий заглядывать в прошлое, Муссолини цинично конкурируют в книге самой беззастенчивой рекламой.

В бытность в эмиграции, в Ивердоне (1902 г.), Муссолини работал в качестве подручного каменщика. Ему приходилось «сто двадцать один раз (120 и **один**!)» подыматься с наполненными камнями тачкой на второй этаж. Ночевать приходилось в сарае.

Однажды пришлось не есть «двадцать шесть часов (на целых два часа больше суток. Ужас!)». Уже мелькали мысли о самоубийстве. Но вот Муссолини утолил голод и записывает: «Когда прошел голод, вернулось мужество».

Какая зияющая бездна пережитого, какие испытания и сколько величественного «героизма». Как должен умиляться итальянский рабочий этой ничтожной страничке жизни современного вождя подыхающего капитализма.

Впрочем, впоследствии сам Муссолини находил, что эти испытания были необходимы [1]).

И действительно, они были необходимы и именно для того, чтобы кусочком своего прошлого ослеплять и одурачивать сознание масс.

Муссолини на фронте. Двадцать метров отделяли итальянцев от противника. Муссолини повествует:

«Моей специальностью было поймать ручную гранату и до того, как она взорвется, бросить ее обратно. Опасная игра. Но мне всегда удавалось ловить гранату и бросать ее обратно».

Измышления барона Мюнгхаузена бледнеют перед подвигами Муссолини.

Муссолини оригинален. Он деловит, немногословен. На дверях его комнаты в редакции фашистской газеты «Popolo d'Italia» была прибита карточка с надписью: «Кто войдет, окажет мне честь, кто не войдет, доставит мне удовольствие».

Муссолини величественен: «Сильный, непреклонный, приветствует он по римски вытянутой рукой, проходящие когорты своей милиции».

Муссолини...

Но довольно.

Подыхающий буржуазный мир, раздираемый катастрофическими социальными противоречиями, на краю собственной могилы, нашел своего идола. Но как жалко выглядит этот мессианствующий герой эпохи глубочайшего упадка буржуазной культуры.

Наука выпадает из рук буржуазии. Она выносит ей смертный приговор. Она предсказывает гибель буржуазного общества. Буржуа поворачивается к ней спиной и обращает свои взоры к религии, мистике, спасительной интуиции. Лучшей иллюстрацией этого является растущий в странах капитализма клерикализм, преследование и изгнание науки из школ и университетов. На ряду с идеологическим развращением буржуазия использует огромную силу своего материального преимущества и господствующего положения. Методы идеологического развращения оказываются все менее действительными и постепенно уступают методам непосредственного физического подавления.

И в этом отношении Муссолини является только отражением современного состояния буржуазной культуры, персонификацией ее наиболее типичных черт. Он является ее созданием.

Муссолини и фашизм.

Но что же делает Муссолини наиболее типичным, наиболее ярким вождем современной буржуазии. Чем отличается герой буржуазной эпохи от других достаточно ярких ренегатов социализма, которыми так богата эпоха II Интернационала и в рядах которых мы имеем такие имена, как Мильеран и Бриан, Носке и Шейдеман, Макдональд и Гендерсон или блаженной памяти Самюэль Гомперс? Как ни велико предательство героев II Интернационала, они все же не изобрели пороха. Они являются только обычными **проводниками** буржуазной политики, использующими свой былой или еще существующий авторитет в отсталых кругах, тогда как сын кузнеца, народный учитель и каменьщик, бывший редактор «Popolo d'Italia» внес то новое в методы эксплоатации и утверждения буржуазного господства, что составляет эпоху в буржуазной политике.

Муссолини—герой послевоенной эпохи.

Когда итальянская буржуазия, завершившая победоносную войну, стояла перед проблемой восстановления капиталистического хозяйства, в более других пострадавшей стране, когда необходимо было довести до максимума эксплоатацию рабочего класса и отвлечь его от революционного пути, эту задачу блестяще разрешил Муссолини.

С десятком других ренегатов из итальянской Социалистической Партии весной 1919 года он организует в Милане первый фашистский союз «Итальянский союз товарищей по борьбе».

Выступления первого союза казались революционными. Союз требовал созыва национального собрания, для разрешения вопроса о государственном строе, восьмичасового рабочего дня, контроля над производством, конфискации 85% военных прибылей и т. д., и т. д.

Но вооруженное выступление фашизма, то, что придало специфический смысл фашизму, относится только к концу 1920 г.

Фашизм взращен в значительной степени предательством реформистских вождей, приведших к поражению итальянский рабочий класс в 1920 г.

Разочарованные тактикой реформистов, рабочие стали постепенно входить в фашистские организации. Этому, впоследствии, содействовало значительно и то, что на производство принимались только рабочие, члены фашистских профсоюзов.

В 1921 г. фашисты организовали свой первый с'езд, а с 1922 г. фашизм стал правительственной партией, а вождь фашизма—премьер-министром.

С этого времени вооруженные методы управления стали душой фашизма. Но именно с этого же времени начинается идеологическое банкротство фашизма, а насилие становится его главной основой.

[1]) По свидетельству Джулио Аквила («Фашизм в Италии», изд. «Кр. Новь», 24 г.), вождь фашистов любил подчеркивать. «Я зарабатывал хлеб своими руками, я был подносчиком и каменщиком. В чьей биографии есть такие незабываемые страницы, тот не может быть назван врагом рабочего класса. Я враг только тем людям, которые желают мистифицировать и обманывать пролетариат».

«... Ты так изменил программу 1919 года,—писал Муссолини председатель первого фашистского с'езда, Эдоардо Фрозини,—что теперь защищаешь тех, кого прежний фашизм поклялся уничтожить в первую голову. Ты бросился в об'ятия тех самых людей, с которыми хотел бороться, и фашизм стал синонимом буржуазной и монархической реакции».

Если на первой ступени своего развития, благодаря прямому обману масс «революционными» лозунгами, фашизм стал массовым движением с участием рабочих и крестьян, то на второй своей ступени он достаточно ярко обнаружил подлинный смысл и значение этого движения, которое стремилось обеспечить господство капитализма, на основе отречения рабочего класса от собственных интересов и задач.

Это стало достаточно ясным и фашизм постепенно превращался в классовую организацию итальянской буржуазии.

Таким образом, фашизм и его вождь является подлинным порождением послевоенной эпохи.

Собственно и в качестве социалиста он обнаруживал свою оппортунистическую природу. Еще тогда он обвинял итальянскую буржуазию в оппортунистическом характере ее национализма, в забвении подлинных границ Италии, в забвении того, что в Триенте говорят по-итальянски.

В эпоху войны Муссолини становится агитатором похода против «северных варваров», а после нее апостолом величия буржуазной Италии.

В этом смысле Муссолини проделал обычный путь предателей рабочего класса.

Муссолини вознесся не в силу так называемых исключительных качеств «сверх-человека», а в силу предательства реформистами движения итальянского пролетариата, поражения его в 1920 г. и растерянности буржуазно-помещичьих кругов.

Задачи восстановления капиталистического хозяйства за счет рабочего класса, которые в наиболее острой форме стояли перед итальянской буржуазией, должны были привести и привели к методам оголтелого насилия. В массовом масштабе, в его специфических формах, оно впервые было применено в Италии и именно это делало и делает Муссолини, вождем и апостолом фашистского движения.

Фашизм не только не устраняет, но обостряет социальные противоречия и в этом таится неизбежный крах этого движения.

Нельзя не отметить того, как блестяще умеет буржуазия использовать свою силу материальных возможностей и идеологического влияния.

В то же время у нас, на десятом году пролетарской революции, подлинный идеолог и вождь ее—Ленин, единственно и подлинно всемирно-исторического масштаба фигура, все же еще не нашла достаточно яркого отражения в нашей литературе.

Разрозненные статьи, воспоминания, на дешевой бумаге и в небрежных технически брошюрах—вот все, что мы имеем в нашей литературе о Ленине.

На книгу, посвященную Муссолини, приятно посмотреть. Высокого качества бумага, исключительно прочный переплет, безупречная брошюровка, яркие, умело подобранные иллюстрации, крупный четкий шрифт.

Все это делает ее легкой и приятной для чтения, позволяющей без особого напряжения усваивать ту умственную пищу, которой современная буржуазия вскармливает собственных слуг.

Книга предназначена для юношества, которому Муссолини ставится в пример.

Одна характерная страница.

В книге, на отдельной странице, два автографа Муссолини. Один, когда он был каменщиком, другой, когда он стал премьером. В эти автографы вложен весь жизненный путь Муссолини. Он должен маячить перед глазами неискушенного читателя, как заманчивый путь человека «из низов».

Да и в самой книге автор, захлебываясь от восторга, подчеркивает обеды бывшего «каменщика» в королевской семье.

Если бы мы так умели воспитывать борцов за коммунизм, как умеет буржуазия развращать молодое поколение!

М. Глебов.

От редакции.

В напечатанной в № 17 «Большевика» рецензии тов. К. Ташина на брошюру тов. А. П. Серебровского «Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР» допущена существенная ошибка.

Автор рецензии, между прочим, критикует следующее положение, как положение, выдвинутое т. Серебровским.

«Специализация и стандартизация производства, являясь основным методом рационализаторских мероприятий, не исключает применения ряда других, *которые могут дать менее реальный результат*».

В тексте же брошюры сказано как раз обратное: . . . «которые могут дать *не менее* реальный результат».

Недосмотр породил, таким образом, критику такого положения, которое т. Серебровским совсем не выдвигалось.

Поэтому *эту* часть критики нужно признать излишней, равно как и вывод, что «*такого рода* «советы» не организуют, а дезорганизуют хозяйственников».

Считая, далее, правильной критику *теоретических* ошибок т. Серебровского, данную т. К. Ташиным в его рецензии, редакция не отрицает того факта, что данная брошюра заключает ряд полезных сведений хозяйственного порядка и что после существенной переделки схемы и теоретической части брошюры, последняя будет иметь необходимое основание для распространения ее среди партийных работников вообще и хозяйственников в частности и в особенности.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**

ГОСИЗДАТ

Книги к ОКТЯБРЮ

ТАШКАРОВ, П. М. — В. И. Ленин и Л. Б. Каменев о стратегии и тактике партии в 1917 г. (К десятилетию апрельской конференции РСДРП (б). Стр. 152. Ц. 80 к.

ПАНФИЛОВ, В. Н. — В. И. Ленин о классах и партиях накануне Октября. 1917—1927 г. (К десятилетию Октябрьской революции). Ц. 70 к.

ТАШКАРОВ, П. М.—В. И. Ленин о характере нашей революции. (Печ.).

ТАШКАРОВ, П. М.—Статьи и речи В. И. Ленина за 1917 год. Библиографический указатель. (Печ.).

БУХАРИН, Н. И.— На подступах к Октябрю. Статьи и речи. Май—декабрь 1917 г. Стр. 188. Ц. 75 к.

Сталин, Н. — На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март—октябрь 1917 г. Изд. 2 е. Стр. 220. Ц. 50 к.

Петроградская Общегородская и Всесоюзная Конференция РСДРП (б) в апреле 1917 года. (Истпарт). Стр. 175. Ц. 85 к.

Вторая и третья Петроградские Общегородские и Всероссийские Конференции Большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы и материалы. Под общей ред. П. Ф. Куделли. Подготовил к печати **Г. Л. ШИДЛОВСКИЙ.** (Ленинградский Истпарт). Стр. 164. Ц. 1 р. 50 к.

Протоколы С'ездов и Конференций Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) Шестой с'езд. Август 1917 г. (Истпарт). (Печ.).

Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского Комитета РСДРП(б) и его Исполнительной Комиссии за 1917 г. с речами **В. И. Ленина.** Под общ. ред. и с предисл. П. Ф. Куделли. Подготовил к печати Г. Л. Шидловский. (Ленинградск. Истпарт). Стр. XVI+408. Цена 3 руб. 50 коп.

Очерки по истории Октябрьской Революции. Под редакц. М. Н. Покровского. В 2-х томах. Том I (печ.), том II (печ.).

Солдатские письма. Подготовлены к печати О. Н. Чаадаевой. С предисл. М. Н. Покровского. (Истпарт). Стр. 167. Ц. 1 р.

РИД, ДЖОН — Десять дней, которые потрясли мир. Перевод с английского А. И. Ромма. Предислов. В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Исправленное и дополненное новыми документами и иллюстрациями издание. (Выходит из печати).

ШУМЯЦКИЙ, Б.—Сибирь на путях к Октябрю (Выходит из печати).

ПИОНТКОВСКИЙ, С.—Октябрь 1917 года. (Истпарт). (Выходит из печати).

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В.—Десятилетие революции и культура Стр. 23. Ц. 8 к.

ТАНИН, М.—Десять лет внешней политики СССР. (Выходит из печати).

Советская наука за 10 лет. Сборник статей под редакц. Ф. Н. Петрова. (Выходит из печати).

Социальное воспитание и политехническое образование за 10 лет. Сборник. (Печ.).

Требуйте богато иллюстрированный каталог изданий Госиздата „ОКТЯБРЬ“ (Десять лет борьбы и строительства), содержащий основную литературу (свыше 600 книг. с аннотациями) для подготовленного читателя по следующим отделам:

1) На путях к Октябрю, 2) Октябрь, 3) Октябрь и СССР, 4) Октябрь и советское право. 5) Октябрь и народы СССР, 6) Октябрь и хозяйственное строительство, 7) Октябрь и рабочий класс, 8) Октябрь и крестьянство, 9) Октябрь и печать, 10) Октябрь и культурное строительство, 11) Октябрь в клубе, избе-читальне и школе, 12) Ленин. Биография, воспоминания и характеристики, 13) Биография Октябрьской революции, 14) Октябрь и граждачская война в художественной литературе и 15) Октябрь в книгах для детей и юношества.

Цена каталога 50

Высылается по получении стоимости—почтовыми марками.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В: ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4 **и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.**

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ“ высылает книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка БЕСПЛАТНО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ОКТЯБРЯ 19—20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»